

THE DEPARTMENT FOR ARCHIVES AND RECORDS KEEPING
OF THE MINISTRY OF JUSTICE OF REPUBLIC OF BELARUS

BELARUSIAN ARCHIVAL SCIENCE AND RECORDS
MANAGEMENT RESEARCH INSTITUTE

ARCHEOGRAPHICAL COMMISSION

THE BELARUSIAN ARCHEOGRAPHICAL YEAR-BOOK

Founded in 2000

Volume 19

Minsk
2018

ДЭПАРТАМЕНТ ПА АРХІВАХ І СПРАВАВОДСТВУ
МІНІСТЭРСТВА ЮСТЫЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

БЕЛАРУСКІ НАВУКОВА-ДАСЛЕДЧЫ ІНСТЫТУТ
ДАКУМЕНТАЗНАЎСТВА І АРХІЎНАЙ СПРАВЫ

АРХЕАГРАФІЧНАЯ КАМІСІЯ

БЕЛАРУСКІ АРХЕАГРАФІЧНЫ ШТОГОДНІК

Заснаваны ў 2000 годзе

Выпуск 19

Мінск
2018

УДК 930.25(476)(058)

У дзевятнаццатым выпуску «Беларускага археаграфічнага штогодніка» друкуюцца матэрыялы па археаграфіі, архівазнаўстве, крыніцазнаўстве, кадэкалогіі, тэксталагіі і гісторыі дзяржаўных устаноў. Публікуюцца дакументы па сярэдневяковай, новай і найноўшай гісторыі Беларусі, агляды архіўных фондаў і іншыя матэрыялы.

Прызначаны для архівістаў, гісторыкаў, краязнаўцаў, філолагаў.

Рэкамендавана да друку Вучоным саветам БелНДЦДАС

Рэдакцыйная калегія:

Э. М. САВІЦКІ (галоўны рэдактар), У. І. АДАМУШКА, Г. Я. ГАЛЕНЧАНКА,
В. А. ГАПАНОВІЧ, С. У. ЖУМАР, Д. У. КАРАЎ, У. К. КОРШУК,
В. А. КОСМАЧ, В. І. КУРАШ, М. В. ЛАРЫН (Расія), І. Б. МАЦЯШ (Украіна),
В. Л. НАСЕВІЧ, В. С. ПАЗДНЯКОЎ (адказны сакратар), А. Я. РЫБАКОЎ,
І. В. САВЕРЧАНКА, А. М. САРОКІН, В. Д. СЕЛЯМЕНЕЎ,
М. Ф. ШУМЕЙКА

У адпаведнасці з загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 4 ліпеня 2005 г. № 101 (у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 2 лютага 2011 г. № 26) «Беларускі археаграфічны штогоднік» уключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па гістарычных навуках

© БелНДЦДАС, 2018

АРТЫКУЛЫ**М. Ф. Шумейко,***ведущий научный сотрудник**Белорусского научно-исследовательского института**документоведения и архивного дела,**кандидат исторических наук;*

e-mail: jesti@inbox.ru

**ВЛИЯНИЕ ДЕКРЕТА СНК РСФСР О РЕОРГАНИЗАЦИИ
И ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ АРХИВНОГО ДЕЛА НА СТАНОВЛЕНИЕ
И РАЗВИТИЕ СЕТИ АРХИВНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ БЕЛАРУСИ***(к 100-летию принятия)*

1 июня 1918 г. глава правительства советской России В. И. Ульянов (Ленин) подписал декрет «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР», положивший начало проведению архивной реформы не только в России, но и в других республиках, которые в декабре 1922 г. войдут в состав Союза ССР. Как известно, своего рода ядром декрета стал его первый пункт, в котором была зафиксирована ликвидация архивов правительственных учреждений как ведомственных и образование на их основе единого Государственного архивного фонда. Включению в состав последнего подлежали не только документы исторических архивов, но и материалы текущего делопроизводства ведомств, общественных организаций, частновладельческие архивы и др. Для заведования Государственным архивным фондом создавался специальный орган в лице Главного управления архивным делом (ГУАД), которое входило в состав Наркомата по просвещению, составляя в нем особую часть. Его заведующий утверждался центральным правительством по представлению народного комиссара по просвещению и пользовался правами члена коллегии Наркомпроса, являясь представителем ГУАД в правительстве с правом непосредственного доклада. Декрет устанавливал запрет на уничтожение без разрешения ГУАД каких бы то ни было дел и документов, порядок получения справок из Государственного архивного фонда и т. п.

Об обстоятельствах, сопровождавших появление декрета и носивших порой драматический характер, свидетельствуют многочисленные исследования преимущественно российских историков и архивистов [10, с. 48—49; 11, с. 110—114; 12, с. 66—67; 14], к которым мы и отсылаем читателя.

Задачей же настоящей статьи является проанализировать, какое влияние на проведение реформы архивного дела в Беларуси оказали основные положения этого, а также принятых 31 марта 1919 г. в его развитие декретов СНК РСФСР «О хранении и уничтожении архивных дел» и «О губернских архивных фондах (Положение)». Для отечественной историографии это имеет особое значение, если принять во внимание факт пребывания в составе РСФСР с середины января 1919 г. и до весны 1924 г. Витебской и Могилевской губерний, в административных центрах которых, как известно, были сконцентрированы

основные белорусские архивы. С другой стороны, представляется небезынтересным проследить, в какой мере в Минской губернии, шесть уездов которой до весны 1924 г. составляли Социалистическую Советскую Республику Белоруссию, сказывалось влияние архивного декрета, принятого правительством соседней братской республики.

Нам уже приходилось со ссылками на заслуживающие доверие источники высказываться по поводу достаточно слабой осведомленности за пределами российских столиц о существовании архивного декрета [16]. Так, например, командированный Петроградским отделением ГУАД Наркомпроса РСФСР в Могилев и Гомель инспектор В. Т. Георгиевский в своем докладе об итогах поездки, составленном 6 марта 1919 г., писал: «К сожалению архивное дело, несмотря на декрет от 1 июня 1918 г. об образовании Единого государственного архивного фонда и организации кадров работников для приведения в порядок и возможной научной разработки архивов мало популярно в провинции и далеко не все даже знают об этом декрете, даже лица, занимающие административное положение» [6, с. 119]. По этой причине, отмечал Георгиевский, он вынужден был по приезду в Могилев собрать 21 февраля 1919 г. представителей советских учреждений города с целью довести до них основные положения декрета. «Ознакомив собрание с декретом 1 июня и выяснив задачи этого учреждения и об образовании единого государственного архивного фонда, его организации, — продолжал далее инспектор, — я предложил собранию озаботиться организацией местного губернского подотдела архивного управления и привлечь к этому делу лиц опытных, указав ближайшие задачи деятельности губернского подотдела» [6, с. 121].

Оставляя в стороне субъективный налет, присущий данному докладу (в нем автор явно преувеличивал свои заслуги как в деле информирования местной архивной общественности о содержании архивного декрета, так и об обнаружении в Могилеве архива царской Ставки), отметим, вместе с тем, что несмотря на действительно имевшее место недостаточное информирование в «глубинке» о начавшейся архивной реформе, в основе принимавшихся в 1918—1919 гг. соответствующих нормативных документов лежали как раз таки положения архивного декрета. В данном случае речь идет не только о входивших в состав РСФСР Витебской и Могилевской губерниях, но и о Минской губернии и даже еще о «добэсэзэровском» периоде.

Рискнем предположить, что позитивную роль в деле информирования белорусской общественности об архивном декрете сыграл В. И. Пичета, 15 июля 1918 г. зачисленный на должность областного инспектора ГУАД Наркомпроса РСФСР [4, л. 12]. Известно, что в этом же месяце Пичета начал читать курс лекций «История белорусского народа» в Белорусском народном университете, открытом в Москве по решению коллегии культурно-просветительского отдела Белнацкома 10 июня 1918 г. [8, с. 37—39]. Подавляющее большинство слушателей университета составляли учителя всех типов школ Беларуси, в

том числе и приезжавшие из ее оккупированной кайзеровскими войсками части. Разумеется, в лекциях Пичета не мог не рассказывать своим слушателям о только что принятом архивном декрете, его значении в деле сохранения документальных памятников, в том числе и белорусского происхождения.

Определенную работу в этом же направлении вел и находившийся в Смоленске Областной исполнительный комитет Западной области и фронта. В принятом 1 июля 1918 г. постановлении его президиума подчеркивалось: «В согласии с декретом Совета Народных Комиссаров о реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР от 1 июня с. г. временно, до издания распоряжений и инструкций Главным управлением архивным делом и подведомственным ему областным управлением, всем Советам и учреждениям принять к неуклонному исполнению следующее:

1. Меры к сохранению архивов от расхищения должны быть решительными.

2. Лица, коим поручено *ведение* [Sic! — *М. III.*] архивами, обязаны тщательно наблюдать за сохранностью архивов и принять меры на случай их расхищения, доводя о принятых мерах до сведения власти и соответствующей архивной комиссии.

3. Продажа и уничтожение дел из архивов ныне существующих учреждений, а также расформированных во время войны, революции и в предшествующее время недопустимы ни под каким видом, виновные в сем подлежат ответственности по суду согласно п. 5 упомянутого выше декрета Совнаркома...» [1, с. 11].

Еще до принятия этого документа в одном из постановлений возглавляемого В. Г. Кнориным отдела искусств Облкомзапа в духе архивного же декрета говорилось: «2. Отдел искусств предлагает всем губернским и уездным Советам Западной области:

1. Принять энергичные меры к сохранению в целостности и неприкосновенности всех культурных ценностей, находящихся в районах Советов: музеев, картинных галерей, всевозможных коллекций, старинных зданий и проч.

2. Озаботиться в сохранении архивов расформированных после Февральской и Октябрьской революций учреждений царского и временного правительств в виду важности этих архивов для разработки местной истории» [13, л. 43].

С оставлением в декабре 1918 г. кайзеровскими войсками Минска и особенно с образованием Социалистической Советской Республики Белоруссии реализации в Беларуси архивной реформы, заложенной декретом от 1 июня 1918 г., придется правовая основа. Речь идет о принятом 10 января 1919 г. Временным Рабоче-Крестьянским правительством Белоруссии постановлении о действии в пределах Гродненской, Минской, Могилевской, Витебской и Смоленской губерний принятых до этого декретов, постановлений и распоряжений РСФСР [9, с. 110].

Однако и после 10 января 1919 г., с началом формирования собственной законодательной и нормативной правовой базы, архивисты Беларуси продолжают обращаться к своим российским коллегам за методической, организационной, консультативной помощью. В этом отношении показательна деятельность созданного буквально через неделю после занятия частями Красной Армии Минска, 17 декабря 1918 г., архива Минского Совета [1, с. 12]. Назначенный его заведующим Ш. Ш. Ходош 25 февраля 1919 г. обратился с письмом в «Центральное архивное бюро» [правильно — Главное управление архивным делом. — *М. Ш.*] Наркомпроса РСФСР с информацией о создании архива, в котором находились материалы о деятельности Облискомзапа, Совнаркома Западной области и фронта, Военревкома г. Минска за 1917 г., приказы по армиям Западного фронта и др. Он также сообщал, что архив «нашел для себя возможным собирать все приказы, постановления, протоколы, отчеты и т. д. в подлинниках и копиях, вышедших со дня занятия Минска Советской властью и выходящие в настоящее время».

«В виду всего этого, — продолжал далее Ходош, — Архив Минского Совета просит Вас дать надлежащие инструкции общего характера по организации архивного дела в центре и прислать имеющуюся по этому вопросу литературу . . . , а также дать ответ на следующие вопросы:

1. Существует ли архив при Московском Совете.
2. Какой он носит характер (ведомственный или исторический).
3. Какого рода материалы там собираются.

4. По истечении какого срока дела поступают в архив или они поступают по мере деятельности учреждений» [5, л. 1а]. Судя по карандашным пометам, оставленным на письме, его автору были даны соответствующие разъяснения.

С созданием в феврале 1919 г. Советской Социалистической Республики Литвы и Белоруссии (ЛитБел) Главархив РСФСР поддерживал самые тесные контакты с белорусским комиссариатом по просвещению, ведавшим, как и в России, архивным делом. В принятом 13 марта 1919 г. декрете СНК ССРЛиб «О централизации архивного дела» явно просматривалось влияние российского архивного декрета от 1 июня 1918 г. Это особенно заметно по первому пункту декрета, в котором с учетом особенностей нового государственного образования говорилось:

«1. Все архивы правительственных учреждений, общественных организаций, архивы из национализированных имений и имеющие историческое значение архивы частных лиц, за исключением общедоступных архивов, служащих для научной работы, передаются в Центральный исторический архив в Вильно.

Примечание: Для местностей бывшей Белорусской Советской Республики создается архив в Минске» [1, с. 14].

В принятом 24 марта 1919 г. Минским губвоенревкомом постановлении об учете и охране предметов науки и искусства со ссылкой на декрет Временного Рабоче-Крестьянского правительства Белоруссии «О передаче культурных

ценностей науки и искусства, находящихся в имениях и разных учреждениях, Комиссариату по просвещению и об организации их учета, охраны и собирания» от 30 января 1919 г. в духе российского архивного декрета подчеркивалось, что все архивы, библиотеки и собрания предметов науки и художественной старины в Минской губернии находятся в ведении Минского губернского отдела народного образования [1, с. 15]. Как и в 5-м пункте декрета от 1 июня 1918 г., устанавливавшего запрет на уничтожение без письменного разрешения ГУАД каких бы то ни было дел, переписки или отдельных бумаг с установлением санкций для нарушителей запрета, так и в 5-м же пункте постановления Минского губвоенревкома говорилось: «б. С момента опубликования настоящего постановления все лица, виновные в укрывательстве, расхищении, небрежном хранении народного достояния, будут привлечены к самой строгой ответственности» [1, с. 16].

Особого внимания заслуживает деятельность Главархива России по реализации в белорусских губерниях, временно входивших в состав РСФСР, выше упоминавшихся декретов «О хранении и уничтожении архивных дел» и «О губернских архивных фондах (Положение)», принятых в развитие основного архивного декрета.

Так, 19 марта 1919 г. коллегия ГУАД Наркомпроса РСФСР назначила своим уполномоченным по Могилевской губернии эвакуировавшегося летом 1915 г. из Вильно в Могилев Д. И. Довгялю, известного архивиста и археографа, возглавлявшего в 1897—1903 гг. Витебский центральный архив древних актов, а с 1913 до 1915 г. — Виленскую археографическую комиссию [2, с. 167]. Такое же решение было принято 31 марта / 1 апреля 1919 г. и в отношении Б. Р. Брежго, возглавлявшего Витебское отделение Московского археологического института. Он был назначен уполномоченным ГУАД по Витебской губернии [2, с. 180]. В их адрес были переведены необходимые для разборки и перевозки архивов средства, инструкции, циркуляры.

19 мая 1919 г. после доклада на заседании коллегии ГУАД инспектора его Петроградского отделения А. В. Бородина, обследовавшего архивы Минской губернии, было принято решение просить проживавшего в Минске академика Е. Ф. Карского быть уполномоченным по Минской губернии, не входившей, как известно, в отличие от Витебской и Могилевской, в состав РСФСР. В протоколе заседания коллегии говорилось: «а) ... препроводить Е. Ф. Карскому для сведения все декреты и инструкции; б) перевести 10 000 руб. Комиссариату по просвещению Белорусской Советской Республики в распоряжение Временного комитета по охране местных архивов на предмет перевозки и разборки их, а также в возмещение расходов по охране архивов, произведенных Корзоном и Пановым» [2, с. 227].

Вероятно, сразу же после заседания коллегии от имени ее руководства было подготовлено письмо следующего содержания на имя Е. Ф. Карского:

«Коллегия Главного управления архивным делом, заслушав в заседании своем 19 сего доклад Инспекции о состоянии архивного дела в Минской губ., признала необходимым иметь в этой губернии своего уполномоченного, оставив свой выбор на Вас.

Сообщая об этом, Главархив просит Вас не отказать принять на себя исполнение этих обязанностей и о своем согласии уведомить по телефону.

Должности заведующего, имеющего заменить уполномоченного в губернии по штатам Главархива, вводимой в действие по окончании съезда уполномоченных, созываемого в Москве 10 июня с. г. присвоен оклад в 2185 руб. в мес.

При сем прилагаются для сведения декреты, циркуляры и инструкции, имеющие руководящее значение для работы на местах, и в дополнение к ним в ближайшее время будут разсланы уполномоченным утвержденные декреты о хранении и уничтожении архивных дел и о губернских архивных фондах» [15, с. 11].

Как известно, Карский не смог воспользоваться сделанным ему Главархивом предложением. В мае 1919 г. Наркомпрос ЛитБел отклонил его кандидатуру от должности профессора Минского пединститута как человека с «неблагополучной политической физиономией»; более того, Чрезвычайной комиссией с него была даже взята подписка о невыезде.

Тем не менее, Главархив России продолжал держать в поле своего внимания белорусские архивы. Незадолго до занятия Минска польскими войсками коллегия ГУАД на своем заседании 4 июля 1919 г. рассмотрела вопрос о неблагоприятном положении с сохранностью фамильного архива графа Чапского в его родовом имении Станьково. Было вынесено решение «просить минского уполномоченного принять меры к его охранению и с той же просьбой обратиться в Минский губисполком» [2, с. 261]. С утверждением ЦИК ССРБ 19 января 1923 г. Д. Ф. Жилуновича заведующим Центрархивом информация об этом была сразу же доведена до сведения Коллегии Центрархива РСФСР [3, с. 151].

В отличие от России, в которой «наркомпросовский период» в истории реформирования архивного дела (июнь 1918 г. — декабрь 1920 г.) был связан с деятельностью видного ученого-марксиста, государственного деятеля Д. Б. Рязанова (Гольдендаха), представлявшего по словам знавших его коллег-архивистов «редкий среди большевиков тип широко образованного человека, считавшегося с мнением других», в Беларуси в силу объективных причин (немецкая, а затем польская оккупации) не нашлось подобной Рязанову личности. И все-таки кое-какие шаги в направлении реализации архивной реформы здесь предпринимались.

И здесь вновь следует вспомнить В. И. Пичету, который свои первые командировки в Минск в качестве члена Московской университетской комиссии осуществлял по линии Главархива РСФСР, главным инспектором которого

он являлся с мая 1919 г. В его личном деле, хранящемся в ГАРФ, имеется удостоверение Главархива РСФСР, датированное 24 декабря 1920 г., из которого следует, что «предъявитель сего, главный инспектор Главархива В. И. Пичета срочно командирован в г. Минск для организации Губернского архивного фонда» [17, с. 91]. В это же время в Минске, куда эвакуировался из Рославля отдел народного просвещения пока еще Ревкома ССРБ, был создан отдел искусств, в состав которого вошел подотдел охраны памятников искусства и старины, поделенный на две секции: архитектурную и архивную. Последняя имела своей целью охрану и упорядочение архивов на территории всей республики.

В июле 1921 г. в созданном уже к этому времени республиканском комиссариате по просвещению вместо отдела искусств был организован Академический центр, в состав которого под названием Минской архивной комиссии и вошла ранее созданная архивная секция. Ее председателем 17 августа 1921 г. был назначен ставший уже к этому времени ректором БГУ В. И. Пичета, его заместителем — доцент, впоследствии профессор университета историк А. А. Савич, членом — ученый архивист Минского музея Н. П. Шкляев и научным секретарем — Н. М. Гупковский [17, с. 92]. По аналогии с РСФСР комиссии предстояло разработать и принять Положение о Центрархиве ССРБ.

С 1 февраля 1922 г. структура Академического центра Наркомпроса существенно изменилась. В нем наряду с Инбелкультом, торжественное открытие которого было намечено на 20 февраля, были созданы Научно-литературная коллегия, Белорусский государственный музей, Белорусская государственная библиотека, Еврейская историческая комиссия и Белорусский архив (Белархив). Последний возглавил А. А. Савич, которого в августе 1922 г. сменил М. А. Вахаев, работавший до этого заведующим белорусской школой и учительскими курсами в Минске.

Правда, судя по документам, наркомпросовский период в истории архивного строительства в Беларуси завершился, едва успев начаться. А по-другому и быть не могло: ведь в России летом 1920 г. Д. Б. Рязанов под благовидным предлогом (выезд в зарубежную командировку) был смещен с поста руководителя архивного ведомства, а его должность заняла коммунистическая коллегия во главе с М. Н. Покровским, добившимся принятия Президиумом ВЦИК 24 ноября 1921 г. постановления о передаче Главархива из ведения Наркомпроса в подчинение ВЦИК, с переименованием его в Центрархив РСФСР. Разумеется, по такому же образцу должна была строиться и архивная отрасль в Беларуси. Во всяком случае, в письме Академцентра Наркомпроса Беларуси, 8 марта 1922 г. направленном в такой же центр Наркомпроса России, Белархив уже не фигурировал в отличие от выше называвшихся Инбелкульта, музея, библиотеки и др. [7, с. 29—31].

С созданием в начале августа 1922 г. по российскому образцу (в ведении ЦИК ССРБ) Архива Белоруссии, а затем с принятием 12 сентября 1922 г. Пре-

зидиумом ЦИК ССРБ постановления «Об утверждении Положения о Центральном архиве ССРБ» наркомпросовский период в истории архивного строительства в Беларуси был в основном завершен. Правда, в первой статье Положения после почти дословного повторения формулировки первой же статьи российского архивного декрета — о ликвидации всех архивов правительственных учреждений как ведомственных и создания на их базе единого Государственного архивного фонда Белоруссии в лице Центрального архива Белоруссии, находившегося в административно-хозяйственном отношении в непосредственном ведении ЦИК ССРБ, — все же говорилось: «В порядке научной работы Центрархив подчиняется распоряжениям Инспекции научных учреждений НКПБ» [1, с. 18—19]. Связь с Наркомпросом была обозначена также и в 4-й, и в заключительной 11-й статьях Положения, касавшихся кадровых и организационно-методических вопросов.

Как своеобразный курьез отметим сохранение во второй статье Положения носившей принципиальный характер ошибки, допущенной в третьей статье российского архивного декрета. Напомним, что речь шла об определении состава Государственного архивного фонда, включению в который подлежали и дела, не утратившие значения для повседневной деятельности. В опубликованном же в официальном издании тексте архивного декрета этот фрагмент излагался в следующей редакции: «дела, не утратившие значения для повседневной деятельности, остаются в помещении данного ведомства *и не поступают* [выделено мною. — М. Ш.] в ведение и распоряжение Главного управления архивным делом», в то время как в подлиннике документа значилось: «дела, не утратившие значения для повседневной деятельности, остаются в помещении данного ведомства, *но поступают* [выделено мною. — М. Ш.] в ведение и распоряжение Главного управления архивным делом»*. Во второй статье Положения текст излагался в ошибочной редакции: «дела, не утратившие значения для повседневной деятельности, остаются в помещении данного ведомства, *не поступая* [выделено мною. — М. Ш.] в ведение единого Государственного архивного фонда Белоруссии» [(Ср.: 1, с. 9, 19)].

Идеи декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» присутствовали также и в утвержденном 28 мая 1927 г. Положении о Едином государственном архивном фонде БССР, законодательно закрепившем сеть архивных учреждений республики и ставшем на десятилетие своего рода Основным законом для белорусских архивистов. Его базовые понятия были

---

* По иронии судьбы именно в ошибочной редакции, напечатанной в официальном издании (Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. — 1918. — № 40. — Ст. 514), факсимильно воспроизводится текст архивного декрета в качестве иллюстрации к интервью с руководителем Федерального архивного агентства Российской Федерации А. Н. Артизовым, помещенным к 100-летию Государственной архивной службы России в Вестнике фонда «История Отечества» (Великая архивная держава // Воронцово поле. — 2018. — № 2. — С. 33).

также положены в основу принятого 11 февраля 1940 г. Совнаркомом БССР постановления «Об организации архивного дела в Барановичской, Пинской, Вилейской, Брестской и Белостокской областях БССР», знаменовавшего собой воссоединение Государственного архивного фонда республики, насильственно разделенного по Рижскому мирному договору, заключенному без участия Беларуси в марте 1921 г.

Источники и литература

1. Архивное дело в БССР (1918—1968). Сборник законодательных и руководящих документов / сост. Е. Ф. Шорохов. — Минск: Изд-во «Польмя», 1972. — 142 с.
2. Архивы и власть: Первое послереволюционное десятилетие. Протоколы и журналы заседаний руководящих органов управления архивной отраслью за 1918—1928 гг.: Сборник документов: В 2 т. Т. 1. 1918—1920 гг. / отв. ред. О. Н. Копылова. — М.: Кучково поле, 2018. — 1040 с.; 8 л. ил.
3. Архивы и власть: Первое послереволюционное десятилетие. Протоколы и журналы заседаний руководящих органов управления архивной отраслью за 1918—1928 гг.: Сборник документов: В 2 т. Т. 2. 1921—1928 гг. / отв. ред. О. Н. Копылова. — М.: Кучково поле, 2018. — 920 с.
4. Государственный архив Российской Федерации. — Ф. Р-5325 (Главархив СССР). — Оп. 12. — Д. 1503. Личное дело Пичеты.
5. Там же. — Оп. 9. — Д. 190. Дело об архивах Минской губ.
6. Из истории архивов в Беларуси (1860-е гг. — 1960 г.): документы и материалы / сост.: С. В. Жумарь, М. Ф. Шумейко. — Минск: БелНИИДАД, 2015. — 438 с.
7. Инстытут беларускай культуры. 1922—1928: дакументы і матэрыялы / В. У. Скалабан, М. У. Токараў. — Минск: Беларуская навука, 2011. — 257 с.: іл.
8. Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921—1941 / склад.: С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі. — Мінск: БДУ, 2006. — 383 с.: іл. — (Memoria et Gloria).
9. По воле народа: Из истории образования БССР и создания КПБ: Документы и материалы / сост. М. Ф. Шумейко и др. — Минск: Беларусь, 1988. — 256 с.
10. Старостин, Е. В. Декрет об архивном деле 1918 года / Е. В. Старостин, Т. И. Хорхордина // Вопросы истории. — 1991. — № 7—8.
11. Старостин, Е. В. Архивы и революция / Е. В. Старостин, Т. И. Хорхордина. — М.: РГГУ, 2007. — 180 с.
12. Хорхордина, Т. И. История Отечества и архивы: 1917—1980 гг. / Т. И. Хорхордина. — М.: РГГУ, 1994. — 360 с.
13. Центральный исторический архив г. Москвы. — Ф. 376 (Московский археологический институт). — Оп. 3. — Д. 23. Документы отделений Московского археологического института.
14. Шмидт, С. О. Вступительное слово (к Тихомировским чтениям 1978 г.) / С. О. Шмидт // Археографический ежегодник за 1978 год. — М.: Наука, 1979. — С. 122—126.
15. Шумейко, М. Ф. Академик Е. Ф. Карский и архивы / М. Ф. Шумейко // История и архивы: документальное наследие Республики Беларусь XX—XXI вв.: Материалы Республиканской научно-практической конференции, посвященной 75-летию Государственного архива Минской области, 14 ноября 2013 г. — Минск: Экспресс Принт, 2014. — С. 7—14.

-
16. Шумейко, М. Ф. «... Далеко не все даже знают об этом декрете...» / М. Ф. Шумейко // Архивы и делопроизводство. — 2018. — № 3. — С. 117—125.
17. Шумейко, М. Ф. Университет и Центрархив: история взаимоотношений / М. Ф. Шумейко // Архивы и делопроизводство. — 2016. — № 6. — С. 89—97.

Артикул наступіў у рэдакцыю 12.10.2018

С. В. Кулинок,
*заведующий отделом информации и использования документов
Белорусского государственного архива
научно-технической документации,
кандидат исторических наук;
e-mail: svkulinok@tut.by*

**«СОЗДАТЬ В г. МИНСКЕ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ БССР ...»**

*(к 50-летию Белорусского государственного архива
научно-технической документации)*

Стремительный рост научно-технического прогресса, бурное развитие экономики БССР в первые послевоенные десятилетия, в том числе таких отраслей, как машино- и приборостроение, микроэлектроника, химическая и строительная промышленность, фактически превратили нашу республику в «сборочный цех» советского государства. В результате этих процессов резко увеличился объем научно-технической документации (НТД), которая представляла большую практическую, историческую и культурную ценность для нашей страны. С целью централизации отбора, хранения и использования этого вида документов постановлением Совета Министров Белорусской ССР от 27 мая 1968 г. № 164 был создан специальный архив. В постановлении указывалось:

«1. Создать в г. Минске Центральный государственный архив научно-технической документации БССР (ЦГАНТД БССР) в пределах плана по труду и бюджетных ассигнований, утвержденных Архивному управлению при Совете Министров БССР на 1968 год.

2. Возложить на министерства и ведомства республики отбор и передачу на государственное хранение в ЦГАНТД БССР научно-технической документации, образующейся в деятельности этих министерств и подведомственных учреждений и организаций» [3, л. 90].

7 июня этого же года приказом № 20 начальника Архивного управления при Совете Министров Белорусской ССР А. И. Азарова «О создании Центрального государственного архива научно-технической документации БССР (ЦГАНТД БССР)» в установленные сроки поручалось: подготовить проекты Положения и структуры архива; определить примерный перечень учреждений, организаций и предприятий, материалы которых подлежат сдаче на государственное хранение; определить место и площадь размещения ЦГАНТД БССР и оказать помощь в разработке проектно-сметной документации на оборудование помещения; разработать и утвердить штатное расписание [5, л. 3—4]. В пункте 13 Положения о Центральном государственном архиве научно-технической документации БССР констатировалось: «Центральный государственный архив научно-технической документации БССР

является юридическим лицом и имеет печать с изображением Государственного герба БССР и своим наименованием» [5, л. 2].

Так началась история уникального и единственного в своем роде государственного архива в нашей республике, который 27 мая 2018 г. отметил свой 50-летний юбилей. Подобное учреждение было всего вторым, созданным на территории Советского Союза. Первым был Центральный государственный архив научно-технической документации СССР, созданный постановлением Совета Министров СССР от 21 мая 1964 г. № 431 (впоследствии разместившийся в г. Самаре). Вторым был образован его «белорусский коллега», а через год — 25 декабря 1969 г. — Центральный государственный архив научно-технической документации УССР.

Первым директором нового архива приказом начальника Архивного управления при Совете Министров Белорусской ССР от 7 июня 1968 г. № 40 был назначен Александр Васильевич Воробьев, ранее работавший начальником отдела ведомственных архивов, комплектования и экспертизы Центрального государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР) БССР. Через три дня была утверждена структура архива, которая включала в себя: руководство; отдел комплектования и хранения документов; отдел учета, научно-справочного аппарата и использования документов. Первое штатное расписание ЦГАНТД БССР выглядело следующим образом:

Наименование государственного подразделения и должности	К-во единиц	Должностной оклад	Фонд заработной платы в мес. (руб.)
I. РУКОВОДСТВО			
Директор архива	1	170.00	170.00
Уборщица	1	60.00	60.00
II. ОТДЕЛ КОМПЛЕКТОВАНИЯ И ХРАНЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ			
Старший инженер	1	102.00	102.00
Старший хранитель фондов	1	85.00	85.00
Младший научный сотрудник	1	84.00	84.00
III. ОТДЕЛ УЧЕТА, НАУЧНО-СПРАВОЧНОГО АППАРАТА И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ			
Начальник отдела	1	120.00	120.00
Старший научный сотрудник	1	100.00	100.00
Инженер	1	90.00	90.00
Архивариус	1	65.00	65.00
ВСЕГО	9	876.00	

[5, л. 8—9]

Уже в ноябре 1968 г. ЦГАНТД БССР определился с местом своего постоянного расположения и обрел «крышу над головой». Приказом начальника

Архивного управления при Совете Министров Белорусской ССР от 11 ноября 1968 г. № 35 указывалось: «В целях размещения ЦГАНТД БССР и ЦГАЛИ БССР, страхового фонда республики и лаборатории по реставрации и микрофильмированию ЦГАКФФД БССР ... Передать в двухнедельный срок здание по ул. Островского, 4 с баланса ЦГАОР БССР на баланс ЦГАНТД БССР ... Разместить Центральный государственный архив научно-технической документации БССР на 1 и 2 этажах (рабочие комнаты № 1, 2, 3, 4, 10) ...» [5, л. 14].

С первых дней своей деятельности сотрудники архива столкнулись с большими организационными и методическими проблемами, которые были характерны для подобных архивов на всей территории СССР. Главное архивное управление (ГАУ) СССР в то время недостаточно занималось решением организационных, методических и практических вопросов комплектования, учета, сохранности и использования научно-технической документации. Списки организаций, которыми должны были комплектоваться научно-технические архивы СССР, существовали только в черновых вариантах и требовали серьезной доработки [5, л. 17—18]. Все эти насущные проблемы пришлось оперативно решать сотрудникам ЦГАНТД БССР методом проб и ошибок.

За первые полгода своей работы сотрудники архива провели большую работу. Был составлен список научно-исследовательских, проектных и конструкторских организаций, документы которых подлежали сдаче в ЦГАНТД БССР. Для уточнения названий организаций, их подчиненности, характера и направлений работы сотрудники архива посетили организации, где предполагалось наличие НТД. При разработке планов комплектования архива на ближайшие годы делался акцент на материалы за довоенные и первые послевоенные годы, то есть за тот период времени, когда техническая документация оформлялась и учитывалась произвольно, без соблюдения правил, инструкций, стандартов. Совместно с Архивным управлением при Совете Министров БССР был организован отбор ценной НТД в ведущих проектных институтах страны — Белгоспроекте, Белгипросельстрое, Белгипродоре — для сдачи на хранение в ЦГАНТД. В паспорте архива за 1968 г. можно увидеть следующие цифры: объем и площадь архивохранилищ — 9211 (1333); протяженность стеллажных полок — 2704; фондов — 2; единиц хранения — 362; описей — 2; карточек — 453 (тематические) [6, л. 1—11].

11 ноября 1969 г. приказом директора ЦГАНТД БССР № 34 «В целях рассмотрения основных научно-методических вопросов экспертизы практической и научной ценности НТД, утверждения списков проектных, конструкторских и научно-исследовательских организаций, их перечней со сроками хранения, слаточных описей, отборочных списков и других вопросов, связанных с комплектованием ЦГАНТД» была создана экспертно-проверочная комиссия (ЭПК) в составе 12 человек. В комиссию, кроме сотрудников архива и Архивного управления, вошли представители организаций — источников комплектования —

конструкторы и инженеры. Такой подход хорошо зарекомендовал себя и поддерживается архивом до настоящего времени.

В 1991 г. в результате исторических преобразований и обретения Республикой Беларусь независимости, постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21 мая 1993 г. № 336 Центральный государственный архив научно-технической документации БССР был переименован в Белорусский государственный архив научно-технической документации (БГАНТД). Архив вместе с Белорусским государственным архивом-музеем литературы и искусства переехал в освободившееся здание по ул. Кирилла и Мефодия, 4 [4, л. 198—199].

БГАНТД хранит документы Национального архивного фонда Республики Беларусь, содержащие ретроспективную информацию по истории развития науки, техники, архитектуры и культуры, ведет их государственный учет, использование в научных и народно-хозяйственных целях, организует реставрацию, осуществляет организационно-методическое руководство деятельностью архивов учреждений — источников комплектования, которыми являются научно-исследовательские, проектные, конструкторско-технологические организации, научно-производственные объединения. Кроме того, БГАНТД комплектуется документами личного происхождения известных представителей науки, архитектуры и техники. На 1 января 2018 г. в архиве на хранении находилось 303 фонда и 197 626 единиц хранения. Из них 131 293 единицы хранения научно-технической документации, 59 868 — управленческой, 6465 — личного происхождения, из которых 2835 — особо ценные дела.

По характеру деятельности фондообразователей и содержанию документов можно выделить следующие группы документов: проектная, конструкторско-технологическая, научно-исследовательская, патентная и управленческая документация.

Проектная документация представлена документами крупнейших проектных институтов и объединений республики: Белгоспроекта, Белпромпроекта, Белгипродора, Белгипросельстроя, Белреставрации, Минскпроекта. Проекты, хранящиеся в архиве, характеризуют жилищно-гражданское, промышленное, сельскохозяйственное, энергетическое, водохозяйственное и транспортное строительство. В них отражены вопросы градостроительства, планировки и застройки жилых микрорайонов, промышленных зон, озеленения, благоустройства, водоснабжения, а также история восстановления и развития различных населенных пунктов, памятников архитектуры. Среди наиболее значимых документов: генеральный план восстановления и развития города Минска (1946 г.), проекты жилых, торговых и административных зданий главного проспекта белорусской столицы — проспекта Независимости, Белорусского государственного университета, Национальной академии наук Беларуси, Национальной библиотеки Беларуси, Театра оперы и балета, Дома правительства, гостиницы «Европа», Минского мотовелозавода, Минского часового завода, пио-

нерского лагеря «Зубренок», Государственной дачи в Беловежской пушце (Вискули) и других объектов. Среди памятников архитектуры можно назвать проектную документацию по дворцу графа Паскевича-Румянцева (Гомель), Музея-усадьбы художника И. Е. Репина в д. Здравнево (Витебский район), Мирского замка, замка князей Радзивиллов в Несвиже, мемориального комплекса «Хатынь», Софийского собора (Полоцк).

Конструкторские документы отложились в фондах Белорусского и Минского автомобильных заводов, НПО «Дормаш», СКБ протяжных станков, ПКБ Главного управления речного флота при Совете Министров БССР, Минского радиозавода, Минского завода холодильников, Минского завода электронно-вычислительных машин им. Г. К. Орджоникидзе. Документы всесторонне отражают зарождение и развитие в республике большегрузного и дорожного автомобилестроения, создание первых белорусских холодильников, радиоприемников, телевизоров, ЭВМ, агрегатных станков и автоматических линий.

Корпус научно-исследовательской документации составляют документы БелНИИ мелиорации и водного хозяйства, БелНИИ промышленной обработки лубяных волокон, НИИ строительных материалов, РНПЦ радиационной медицины и экологии человека, НИИ проблем криминологии, криминалистики и судебной экспертизы и других институтов. Наибольший интерес представляют отчеты о научно-исследовательских работах, технические задания, технико-экономические записки, рефераты, отражающие развитие технологии производства строительных материалов и технической оснащенности строительной индустрии, состояние мелиорации, разработку новых технологий и машин по механизации работ в области земледелия, животноводства, о проведении лабораторных исследований, связанных с последствиями аварии на Чернобыльской атомной электростанции.

Патентная документация представлена авторскими свидетельствами и заявочными материалами, содержащими сведения об изобретениях в процессе разработки дорожно-мелиоративных машин и механизмов, автоматических линий, агрегатных станков, машин и приспособлений для сельского хозяйства.

Управленческая документация отражает основные направления деятельности организаций — источников комплектования БГАНТД. Это протоколы и стенограммы заседаний ученых и научно-технических советов, тематические планы внедрения научно-исследовательских работ, документы о научно-техническом сотрудничестве с зарубежными странами, об эффективности научно-исследовательских работ и разработок, личные дела видных ученых и специалистов.

Архив хранит личные фонды белорусских архитекторов, ученых и конструкторов. Наиболее значимыми и полными по составу являются фонды народных архитекторов СССР Г. В. Заборского и В. А. Короля, заслуженных архитекторов БССР В. М. Волчека, Г. В. Сысоева, Г. А. Парсаданова, известного архитектора И. Г. Лангбарда, ученых-физиков А. В. Рубаненко и Б. В. Кита,

конструктора Б. Л. Шапошника. Всего на хранении находится более 60 личных фондов.

Также помимо документов по истории науки, культуры и техники Беларуси в БГАНТД хранятся материалы по истории более 25 стран как ближнего, так и дальнего зарубежья: Армении, Венгрии, Казахстана, Латвии, Литвы, Монголии, России, Узбекистана, Украины, Эстонии. Значительный объем документов отражает историю науки, культуры и техники России — более 2300 единиц хранения [1] и Украины — более тысячи единиц хранения [2].

Для оперативного поиска информации к документам архива создан научно-справочный аппарат, включающий: описи; систематический, объектный, именной каталоги и фотокартотеку; указатели, тематические перечни и разработки, раскрывающие состав и содержание документов. Действует автоматизированная информационно-поисковая система.

На сегодняшний день структура архива состоит из руководства, отдела делопроизводства и формирования Национального архивного фонда Республики Беларусь, отдела учета и обеспечения сохранности документов, отдела информации и использования документов и отдела информационно-поисковых систем и автоматизированных архивных технологий.

В архиве работает читальный зал. Только за период с 2010 г. в читальном зале было зарегистрировано более 4,5 тысяч посещений пользователей. Кроме белорусских исследователей, с документами архива активно работают пользователи из Австрии, Великобритании, Германии, Литвы, Польши, России, Франции, Чехии.

Большую работу проводит архив и в области использования документов, решая две важнейшие задачи: научно-просветительскую и прикладную (практическую). В настоящее время обследование, реконструкция или ремонт большинства важных объектов на территории столицы и республики невозможны без привлечения проектной документации БГАНТД. Научно-просветительская задача решается сотрудниками архива и пользователями, работающими с документами для подготовки курсовых, дипломных, магистерских, кандидатских и докторских работ, а также при написании научных статей, монографий и проектов.

Еще одной формой использования и популяризации документов, а соответственно, их введения в культурный и научный оборот, является организация и проведение выставок. Всего за период 2010—2017 гг. архивистами БГАНТД была организована и проведена 41 выставка. Архив активно организует совместные мероприятия, партнерами в которых в разное время выступали Государственный музей Санкт-Петербурга, Союз архитекторов Беларуси, Музей истории города Минска, проектный институт «Военпроект», Национальный художественный музей Республики Беларусь, Комитет архитектуры и градостроительства Мингорисполкома, а также различные творческие мастерские и научно-исследовательские институты.

За период своей пятидесятилетней истории архивом руководили четыре директора: Александр Васильевич Воробьев (1968—1988), Василий Александрович Дмитренко (1989—2003), Галина Ефимовна Терешко (2003—2008) и Александр Михайлович Запартыко (2008 — по настоящее время).

Белорусский государственный архив научно-технической документации гостеприимно открывает свои двери и приглашает всех желающих посетить как выставочные экспозиции, так и читальный зал. В заключении хочется поздравить всех сотрудников архива и тех, кто был причастен к его полувековой истории, с юбилеем и пожелать профессиональных успехов, крепкого здоровья и благополучия.

Литература и источники

1. Кулинок, С. В. Архивные документы по истории науки, техники и архитектуры России в фондах Белорусского государственного архива научно-технической документации / С. В. Кулинок // История науки: источники, памятники, наследие: вторые чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники: Материалы науч. конф., Москва, 19—20 октября 2016 г. — М.: Янус-К, 2016. — С. 124—128.
2. Кулинок, С. В. Архивные документы по истории науки, техники и архитектуры Украины в фондах Белорусского государственного архива научно-технической документации / С. В. Кулинок // Библиотека. Наука. Комунікація: формування національного інформаційного простору: матеріали Міжнар. наук. конф. (Київ, 4—6 жовт. 2016 р.). — К., 2016. — С. 510—513.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 7. — Оп. 5. — Д. 2082.
4. НАРБ. — Ф. 7. — Оп. 12. — Д. 481.
5. НАРБ. — Ф. 1545. — Оп. 1. — Д. 1.
6. НАРБ. — Ф. 1545. — Оп. 1. — Д. 4.

Артъкул паступіў у рэдакцыю 10.05.2018

М. Ф. Шумейко,
*ведущий научный сотрудник
Белорусского научно-исследовательского института
документоведения и архивного дела,
кандидат исторических наук;
e-mail: jesti@inbox.ru*

**ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ А. В. ВОРОБЬЕВ:
АРХИВИСТ, АДМИНИСТРАТОР, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
(к 50-летию создания БГАНТД)**

С созданием 27 мая 1968 г. Центрального государственного архива научно-технической документации БССР была поставлена последняя точка в формировании сети архивных учреждений Беларуси республиканского уровня, в основном остающейся неизменной до настоящего времени. Именно постановление Совета Министров БССР, подписанное в этот день, завершало изданный в 1972 г. и хорошо известный белорусским архивистам и историкам сборник законодательных и руководящих документов «Архивное дело в БССР (1918—1968)».

Важно при этом отметить, что нынешний юбиляр, Белорусский государственный архив научно-технической документации, как именуется он с 21 мая 1993 г., стал первым подобным архивом, созданным в одной из республик бывшего Союза ССР (раньше него, в 1967 г., такой архив, имевший к тому же статус общесоюзного, был открыт в Москве; с 1976 г. функционирует в Куйбышеве (ныне Самара). Вслед за белорусским архивы научно-технической документации будут учреждены в декабре 1969 г. в Харькове (Украина); в 1972 г. — в Ленинграде [2, с. 33—37; 5, с. 24—28, 461—464, 300—303].

Полагаем, что нет необходимости подробно останавливаться на причинах и предьстории создания в СССР архивов научно-технической документации: они изложены в многочисленной научной, методической и справочной литературе архивоведческого характера, подготовленной в том числе и сотрудниками архива-юбиляра [4]. Отметим лишь, что важную роль в этом деле сыграло принятое 21 мая 1964 г. постановление Совета Министров СССР за № 431 «О централизации хранения научно-технической документации и организации широкого использования ее». В соответствии с ним, для хранения научно-технической (проектной, конструкторской, технологической, научно-исследовательской), патентной, управленческой документации, образовавшейся в деятельности научно-исследовательских, проектных, конструкторских, технологических

организаций, научно-производственных объединений, должны были быть созданы соответствующие архивы*.

В отличие от Москвы, где основу вновь созданного архива научно-технической документации составили соответствующие фонды уже функционировавшего с 1961 г. ЦГАНХ СССР, в Минске ввиду отсутствия подобного учреждения архивом-донором должен был стать ЦГАОР БССР, хранивший у себя в том числе и документальные собрания профиля создаваемого архива. С учетом данного обстоятельства представляется совершенно не случайным, что выбор директора ЦГАНТД БССР выпал на А. В. Воробьева (1930—2006), с 1955 г. возглавлявшего отдел общих фондов, затем комплектования, учета и обеспечения сохранности документальных материалов, позже — ведомственных архивов, комплектования и экспертизы ценности ЦГАОР БССР. Несмотря на молодость, Александр Васильевич успел к этому времени приобщиться и к руководящей работе, проработав два года в организационно-методическом отделе Архивного управления республики (через тридцать лет он возглавит его).

Автору уже приходилось неоднократно публично высказываться о А. В. Воробьеве, особенно после его преждевременной кончины [14—16]. При этом он всегда как наиболее значительный период в его архивной биографии отмечал то двадцатилетие (1968—1988), когда Александр Васильевич возглавлял архив научно-технической документации.

Отметим, что даже для опытного практика-архивиста, каким к этому времени он стал, создание архива, аналогов которому не существовало, «с нуля», было делом весьма непростым. Приходилось заниматься буквально всем: начиная от подбора, обучения кадров (а вместе с ними учился и сам директор) до решения финансовых и хозяйственных вопросов. Архив располагался тогда в здании бывшей церкви на Немиге (сегодня оно возвращено верующим), являвшемся памятником архитектуры и потому годами находившемся на реставрации**. Его сотрудники нередко могли видеть своего директора на окружавших

---

* В фонде Главархива Беларуси хранится составленная 1 февраля 1974 г. и подписанная начальником ГАУ при СМ БССР А. И. Азаровым, начальником отдела научно-технической и специальной документации ГАУ при СМ СССР О. Н. Тягуновым и ученым археографом этого отдела А. С. Прокопенко справка о выполнении архивными учреждениями БССР постановления СМ СССР № 431 от 21 мая 1964 г., дающая представление о важнейших организационных, научных и методических мероприятиях, происходивших в республике в течение 10 лет после принятия этого документа [6, л. 1—6].

** В личном архивном фонде А. В. Воробьева хранится машинописный экземпляр его статьи-заметки «По поводу реставрации», написанной примерно в 1976 г., очевидно, для газеты «Вечерний Минск», в которой автор ставил под сомнение научный уровень реставрации архитектурного памятника XVII в., критиковал ведущие работу Специальные научно-реставрационные производственные мастерские Министерства культуры БССР за частую смену рабочих на объекте и заканчивал статью вопросом: «Сколь интенсивно будут осуществляться реставрационно-восстановительные работы памятника культовой архитектуры XVII в., бывшей Екатерининской церкви?» [10, л. 11—13].

здание строительных лесов, достаточно ловко орудовавшего молотком или иным, отнюдь не архивным инструментом.

Однако при всем том А. В. Воробьев не забывал главного: выполнения руководимым им учреждением возложенных на него обязанностей по комплектованию, учету, обеспечению сохранности и использованию научно-технической документации, созданной в деятельности министерств и подведомственных им учреждений и организаций республики [1, с. 135]. Обладая фундаментальной базовой подготовкой, Александр Васильевич как человек творческий с успехом применял ее, будучи в должности руководителя архива научно-технической документации.

И здесь следует обратиться к истокам этой подготовки. Безусловно, формирование А. В. Воробьева как историка-архивиста связано с его учебой в Московском историко-архивном институте, в котором к этому времени сложилась высокого уровня научная школа в области архивоведения и архивного дела. Повезло ему и с учителями. Базовый курс «Теория и практика архивного дела» читал возглавлявший с 1946 г. кафедру с одноименным названием профессор И. Л. Маяковский (1878—1954), под редакцией которого в этом же 1946 г. было издано учебное пособие «Теория и практика архивного дела» К. Г. Митяева, ставшего впоследствии основателем факультета государственного делопроизводства в Историко-архивном институте.

Вероятно, именно благодаря неординарной личности профессора, о котором среди студентов ходили разные слухи (поговаривали даже о «политических» ошибках, допущенных Маяковским в молодости, имея в виду его статью «Архивы как одна из областей краеведческой работы», опубликованную в 1927 г. в журнале «Краеведение», которая, как установили современные российские историки-архивисты [13], ставилась в вину ученому как «сопротивление централизации архивному делу»), возник у А. В. Воробьева вкус к архивной работе, которая, чего там греха таить, претипила многим его сокурсникам, особенно представителям «сильного пола».

Заметим, что среди последних были В. М. Кабузан, А. А. Курносов, И. С. Фесуненко, Б. А. Томан и другие, ставшие впоследствии известными учеными-историками, журналистами-международниками, дипломатами.

Студенты, и в их числе Александр Васильевич (автор статьи это слышал непосредственно от него самого), между собой называли Маяковского ласково и несколько фамильярно — «Ляля». Седенький, с традиционной профессорской бородкой клинышком, он читал свои лекции не вставая со специально поставленного рядом с кафедрой кресла. Бывало, что на минуту-другую засыпал, и студенты терпеливо ждали, когда он проснется и продолжит лекцию. Глубоко врезались в память Воробьеву отличавшиеся наглядностью занятия по археографии, которые вел престарелый профессор. В них он ставил задачу показать методику передачи текста конкретных исторических источников, относящихся к различным периодам, «путем одновременной демонстрации

оригиналов в виде фотокопий и документов с обработанным для издания текстом и необходимыми методическими пояснениями» [13].

На всю жизнь запомнил Александр Васильевич слова И. Л. Маяковского о том, что одной из главных задач профессионального архивиста является «сохранить взаимно обусловленные преемственные связи во внутренней конструкции архивов с целью обеспечения их целостности и жизнеспособности». Впоследствии, став уже известным архивистом, пройдя этапы директорства и руководящей работы в Главархиве Беларуси и вновь вернувшись к любимой им практической работе в архиве, он будет руководствоваться этим правилом, формируя личные архивные фонды белорусских архитекторов в ЦГАНТД или перерабатывая и усовершенствуя фонды личного происхождения политических и общественных деятелей, ученых республики уже в НАРБ.

Довелось А. В. Воробьеву слушать лекции и возглавлявшего кафедру истории и организации архивного дела профессора В. В. Макасова, по учебникам которого учились целые поколения студентов Историко-архивного института.

Большое влияние на становление Воробьева-исследователя оказал будущий выдающийся российский историк-источниковед, археограф, академик РАО С. О. Шмидт (1922—2013), пришедший на преподавательскую работу в Историко-архивный институт в 1949 г., т. е. за год до поступления туда Воробьева.

Александр Васильевич часто и с удовольствием припоминал историю, связанную с подготовкой им в сжатые сроки по инициативе возглавившего в 1966 г. Археографическую комиссию АН СССР С. О. Шмидта статьи «Протоколы заседаний Совнаркома Литовско-Белорусской ССР» (1919) (опубликована в 1968 г. в «Археографическом ежегоднике за 1966 год»), в которой проявились недожиданные способности Воробьева-исследователя.

Шмидт с особой теплотой и приятно относился к Воробьеву, свидетельством чему могут служить сохраняющиеся в личном архивном фонде последнего письма из Москвы, книги с дарственными надписями и др. Приведем текст одной из них, датированной 15 апреля 2000 г. В этот день отмечался полувековой юбилей легендарного кружка источниковедения, существовавшего в Историко-архивном институте и возглавляемого С. О. Шмидтом. На титульном листе книги, изданной к этому юбилею, читаем:

«Дорогому Александру Васильевичу Воробьеву на память о нашем МГИАИ. Трудно представить, что душевно близкий мне очаровательный Саша на 20 лет старше юбиляра кружка. С искренними поздравлениями, Сигурд Шмидт. 15 апреля 2000 г. Москва» [9, л. 90].

Значительным событием в научной и административной деятельности А. В. Воробьева стало его участие в составе белорусской делегации архивистов, возглавляемой руководителем Главархива Беларуси А. И. Азаровым, в работе VII Международного конгресса архивов, проходившего в конце августа 1972 г.

в Москве*. Напомним, что Государственная архивная служба Беларуси стала членом этого авторитетного международного органа в 1956 г., впервые приняв участие в работе III Конгресса МСА во Флоренции. Тогда делегацию белорусских архивистов представляли начальник Архивного управления еще МВД БССР А. И. Азаров и директор ЦГАОР БССР, в котором год как работал Воробьев — В. А. Ильичева. И вот через полтора десятка лет недавно назначенному директором самого молодого архива республики довелось участвовать в работе международного архивного форума. Александр Васильевич с удовлетворением и вместе с тем присущей ему ответственностью принял это предложение; заметим, что оно, кроме всего прочего, давало ему возможность встретиться с одноклассниками и педагогами — также участниками архивного конгресса: ставшим к этому времени известным специалистом в области исторической демографии, доктором исторических наук, работавшим в Институте истории АН СССР В. М. Кабузаном, занимавшим ответственную должность в элитарном ИМЛ при ЦК КПСС кандидатом исторических наук Б. А. Томаном, известным журналистом-международником И. С. Фесуненко, профессором С. О. Шмидтом и др. А. В. Воробьеву было поручено подготовить выступление на секции «Архивы архитектуры». С одноименным докладом на пленарном заседании конгресса выступил до этого хранитель отдела карт и планов Национального архива Франции Ле Мозль.

Сообщение директора ЦГАНТД Беларуси вызвало неподдельный интерес среди участников заседания. В нем докладчик уделил большое внимание терминологическим аспектам, отметив, что среди советских (белорусских) архивистов фигурировала более широкая и емкая терминосистема под названием «проектно-сметная документация в области капитального строительства», идентичная используемому за рубежом выражению «архитектурные документы». Она состояла из трех групп: «проектно-планировочная документация по городскому и гражданскому строительству», «проектная документация по промышленному и сельско-хозяйственному строительству» и «научно-исследовательская документация по проблемам градостроительства и архитектуры».

Наряду с указанными документами, подчеркивал докладчик, на государственное хранение принимается организационно-техническая документация, которая последовательно раскрывает процесс создания здания, сооружения, борьбу взглядов архитекторов и строителей и т. д., что представляло значительный исследовательский интерес при изучении истории архитектуры и строительства. К этой документации он относил протоколы заседаний ученого (научно-технического) совета, конкурсных комиссий и советов, материалы съездов и конференций, переписку, отзывы на проекты и т. д.

А. В. Воробьев акцентировал внимание на важности ведущейся отдельными государственными архивами научно-технической документации работы по

* Белорусская делегация насчитывала 11 человек; из них 8 представляли архивную отрасль, двое — Институт истории АН БССР и один — Институт истории партии при ЦК КПБ.

концентрации личных архивов выдающихся зодчих, в состав которых входили дневники, эскизы, черновые наброски и другие документы*.

Он отметил, что проектные документы, отложившиеся в государственных архивах научно-технической документации, интенсивно используются при реконструкциях ценнейших памятников архитектуры и строительства, для повторного их применения в проектах типовых зданий и сооружений, при планировках и перепланировках городов, поселков; кроме того, проектную документацию широко используют учащиеся высших учебных заведений [7, л. 7—10].

Существенный вклад директор ЦГАНТД Беларуси внес и в разработку нормативно-методической базы в области научно-технических архивов. Свидетельством тому является подготовка проекта пятого раздела «Организация контроля за деятельностью ведомственных технических архивов» для «Основных правил работы с научно-технической документацией в государственных архивах СССР» (М., 1985), выполненного сотрудниками возглавляемого им архива.

Можно утверждать, что его идеи присутствуют и в ныне действующих в республике национальных нормативных правовых актах — «Правилах работы с научно-технической документацией в государственных архивах Республики Беларусь» (Мн.: БелНИИДАД, 2007. 74 с.), «Правилах работы с научно-технической документацией в учреждениях и на предприятиях Республики Беларусь» (Мн.: БелНИИДАД, 2004. 92 с.), хотя его фамилии и нет среди разработчиков этих документов.

Что за администратор был А. В. Воробьев? В современных учебниках по менеджменту выделяются три классических стиля руководства: «авторитарный», «демократический» и «нейтральный» (или пассивный). Для первого характерно сосредоточение всей власти и ответственности в руках руководителя; для второго — делегирование полномочий с удержанием ключевых позиций лидера; для третьего — снятие руководителем с себя ответственности и самоустранение от власти в пользу группы (организации). Какой из этих трех стилей руководства был присущ А. В. Воробьеву-администратору? Полагаю, второй, демократический, предполагающий широкое привлечение работников к участию в процессе принятия решений и осуществления контроля за результатами их выполнения.

Как утверждают те же учебники по менеджменту, демократический стиль руководства предполагает принятие управленческих решений на основе обсуждения проблемы, учета мнений и инициатив сотрудников (максимум демократии), чем обеспечивает высокую вероятность правильных, взвешенных решений, способствует получению хороших производственных результатов, разви-

* В изданном в 1998 г. путеводителе по БГАНТД фигурирует 16 фондов личного происхождения, документы которых активно используются. Подтверждением этому может служить подготовленный архивом и изданный в 2007 г. сборник биографических очерков и документов известных деятелей белорусской архитектуры [3].

тию инициативы и активности сотрудников, удовлетворенности людей своим трудом, созданию благоприятного психологического климата и сплоченности организации [12, с. 239—240].

Все это в полной мере было присуще коллективу архива, в течение двух десятков лет возглавляемому А. В. Воробьевым. Его основным принципом являлся девиз «Делай, как я!», но никак не «Делай, как я скажу!». И подчиненные Александра Васильевича, коллеги по работе отвечали ему взаимностью. В этом смысле глубоко показательно содержание выпущенной к 50-летию со дня его рождения сотрудниками ЦГАНТД стенгазеты, открывавшейся дружеским шаржем на юбиляра с подписью: «Нелегко прожить полвека, оставаясь человеком!». И далее — незатейливые с художественной точки зрения, но весьма выразительные с позиций обсуждаемой проблемы стилия руководства директора архива шуточные строки, подчеркивавшие прежде всего его компетентность:

Ворошат бумажки
Труженицы-пташки.
Во главе их Воробей;
С ним работать не робей.

Вовремя, точно, со знанием дела [выдел. мною. — М. III.]
Дает указания сотрудникам смело! [8].

Одновременно в них и проявление демократических традиций студенческих (и не только их одних!) капустников; искренние отношения подчиненных к руководителю-юбиляру.

25 лет тому назад, в 1993 г., готовясь к четвертьвековому юбилею архива, А. В. Воробьев, возглавлявший в то время ведущий отдел организационной работы и международных связей Госкомархива республики, подготовил тезисы выступления по случаю 25-летия БГАНТД. И они также весьма символичны, ибо подтверждают демократический стиль руководства уже бывшего директора БГАНТД. Тезисы открываются перечислением фамилий первых сотрудников архива, начиная с однокашницы, двумя годами ранее его закончившей Историко-архивный институт и занимавшей в архиве должность старшего научного сотрудника — Мироновой (Буденной) Рианы Григорьевны*, до технического секретаря Карповой (Бородко) Елизаветы Петровны [11, л. 121—122].

В тезисах специально выделен раздел «Активная методическая работа», призванный подчеркнуть особую важность этого направления в деятельности

* К сожалению, она незаслуженно забыта коллегами-архивистами (ее биограмма отсутствует в библиографическом указателе «Архивисты Беларуси»), хотя ею сделано очень много на архивном поприще. Ей принадлежит ряд статей, опубликованных в «Советских архивах», других специализированных архивоведческих изданиях, отличающихся научной новизной, оригинальностью постановки вопросов, касающихся экспертизы ценности научно-технической документации, их классификации и др.

архива-юбиляра. В нем наряду с характеристикой динамики комплектования архива фондами (в 1969 г. принято 2 (362 ед. хр.), в следующем — 4 (1469 ед. хр.) подчеркиваются его связи с аналогичными общесоюзным и украинским архивами, совместные разработки по подготовке перечней, правил работы с НТД и др.

В полувековой юбилей архива можно с полной уверенностью сказать, что он состоялся во многом благодаря деятельности его первого директора, А. В. Воробьева, по праву удостоенного нагрудного знака «Почетный архивист Беларуси» за номером один. В этом — признание профессиональным сообществом республики его заслуг на архивном поприще, дань уважения к оригинально мыслящему специалисту в области архивоведения, документоведения, архивного дела и делопроизводства.

Источники и литература

1. Архивное дело в БССР (1918—1968). Сборник законодательных и руководящих документов. — Минск: Изд-во «Польмя», 1972. — 142 с.
2. Архіви України: Путівник. — К.: Горобець, 2007. — 184 с.
3. Архитектура во имя жизни: сб. биограф. очерков и док. известных деятелей белорусской архитектуры. — Минск: Изд. центр БГУ, 2007. — 159 с.
4. Белорусский государственный архив научно-технической документации: путеводитель. Поступления 1970—1993 гг. / Сост. И. А. Васильев [и др.]. — Минск: БелНИИДАД, 1998. — 72 с.
5. Государственные архивы СССР: справочник. — Ч. 1. — М.: Мысль, 1989. — 603 с.
6. НАРБ. — Ф. 249. — Оп. 5. — Д. 1479.
7. Там же. — Д. 1424.
8. Там же. — Ф. 1457. — Оп. 1. — Д. 8.
9. Там же. — Д. 18.
10. Там же. — Д. 22.
11. Там же. — Д. 26.
12. Тележников, В. И. Менеджмент: учеб. пособие. — Минск: БГЭУ, 2008. — 509 с.
13. Хорхордина, Т. И. «Неизвестный» И. Л. Маяковский (1878—1954). — М.: РГГУ, 2001. — 96 с.
14. Шумейко, М. Ф. Первый директор архива научно-технической документации Белоруссии // Отечественные архивы. — 2000. — № 4. — С. 123—124.
15. Шумейко, М. Ф. Основатель архивной династии: посвящается памяти А. В. Воробьева // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Мінск, 2007. — Вып. 8. — С. 247—253.
16. Шумейко, М. Ф. Чгобы помнили: к 80-летию со дня рождения А. В. Воробьева (21.02.1930—4.06.2006) // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Мінск, 2010. — Вып. 11. — С. 292—295.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 30.05.2018

Е. И. Третьяк,
главный архивист отдела использования документов и информации
Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов;
e-mail: akffd@tut.by

ПОМОЩЬ АВИАЦИИ С БОЛЬШОЙ ЗЕМЛИ БЕЛОРУССКИМ ПАРТИЗАНАМ

(по документам БГАКФФД)

Прошлое вместе с очевидцами все дальше уходит от нас за завесу времени. Однако историческая память, запечатленная в аудиовизуальных документах, обладает одним уникальным свойством — она позволяет исследователям не просто оценивать те или иные события, но и увидеть их в движении, услышать голоса минувшего, как бы пережить, прочувствовать происходящее. Особенно ярко это проявляется в кинодокументах.

С первых дней Великой Отечественной войны на всей территории СССР, захваченной войсками гитлеровской Германии, начало разворачиваться сопротивление агрессорам. Общая численность партизан и подпольщиков Советского Союза составила около 1 млн человек [4, с. 531]. Только в БССР в разное время оккупации действовало 213 бригад, объединивших 997 отрядов, 258 отрядов проводили боевые операции отдельно [11, с. 16]. При этом, одним из самых надежных способов оперативного взаимодействия между партизанами в тылу врага и командованием фронтов, а также ЦШПД и БШПД стала авиация. Для этой цели в годы Великой Отечественной войны были привлечены силы Гражданского воздушного флота (ГВФ), Авиации дальнего действия (АДД), Воздушно-десантных войск (ВДВ), фронтовой авиации. В основном для связи партизан с Большой землей использовались самолеты типа У-2 и Ли-2, в меньшей степени Як-6, Р-5, Р-6, Ил-4 [1, с. 7], также для операций по заброске людей в тыл врага применялись планеры А-7, Г-11, КЦ-20 [1, с. 8].

В настоящий момент в фондах Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов (БГАКФФД) хранится 20 единиц хранения фотодокументов, 5 кинолетописей, 3 киножурнала «Савецкая Беларусь», 7 документальных фильмов, запечатлевших взаимодействие белорусских партизан с авиацией с Большой земли.

Известно, что в ходе успешных боевых действий белорусских партизан против агрессоров были освобождены значительные территории и созданы партизанские зоны. Первой такой зоной, возникшей в конце 1941 г., стала Кличевская. Всего на территории БССР, оккупированной немецко-фашистскими захватчиками, действовало около 20 партизанских зон. Среди них — Борисово-Бегомльская, Ивенецко-Налибокская, Полоцко-Лепельская, Октябрьско-Любанская, Россоно-Освейская и другие.

Рост партизанских сил требовал постоянного снабжения партизан оружием и медикаментами с одной стороны, а с другой демонстрировал необходимость установления тесной связи с партизанскими бригадами для координации

их действий со стороны БШПД и командования фронтов, а также для получения от них разведанных. Для достижения этих целей было необходимо регулярное авиасообщение с Большой землей. Налаживание такой авиасвязи началось с лета 1942 г. Так, первый партизанский аэродром был построен в начале июля 1942 г. на территории Октябрьско-Любанской партизанской зоны в междуречье Случи и Орессы. Ответственность за строительство была возложена на секретаря Минского подпольного обкома КП(б) В. И. Козлова [7, с. 132—133]. 14 июля 1942 г. в Кличевской партизанской зоне под контролем командира 208-го партизанского отряда им. И. В. Сталина полковника В. И. Ничипоровича был создан второй аэродром [12, с. 68].

С октября 1942 г. самолеты с Большой земли стали принимать и партизанские отряды Полоцко-Лепельской партизанской зоны [2, с. 80—82]. В дальнейшем наиболее крупные партизанские аэродромы были созданы в Витебской области в районе Ушач и озера Домжеричского, в Минской области в районе Бегомля, Марьиной Горки, деревень Горелец, Подколянь, острова Зыслов, в Могилевской области в районе Поречья, в Полесской области в районе деревни Красная Дубрава, в Брестской области в районе деревни Печище, в Пинской области в районе деревни Хоростов [1, с. 10]. В целом для приема самолетов на территории Беларуси были организованы 41 аэродром и 83 аэродромные площадки [2, с. 480—481]. Авиаплощадки и аэродромы обслуживали специальные аэродромные команды во главе с комендантом. Комендантом, как правило, являлся представитель БШПД, а команды формировались из партизан и подчинялись непосредственно командиру партизанского соединения (партизанской зоны).

Со стороны Большой земли с 1942 г. по осень 1943 г. (до начала освобождения территории БССР от немецко-фашистских захватчиков) самолеты Aviации дальнего действия и транспортной авиации Гражданского воздушного флота в основном использовали два аэродрома — Старую Торопу в Калининской области (ныне Тверская) и Монино в Подмоскowie. Первый базировался в районе действия Калининского фронта и осуществлял авиасвязь с партизанами Полоцко-Лепельской и Россоно-Освейской партизанских зон. Второй находился под Москвой и обеспечивал авиасвязь с партизанскими отрядами Могилевской, Гомельской, Полесской и большей части Минской областей. Авиапланы группы Воздушно-десантных войск Красной Армии стартовали с аэродрома, расположенного в районе Торопца Калининской области. С приближением линии фронта к границам БССР вылеты самолетов стали производиться со стороны Гомеля, Смоленска, Коростеня.

Самолеты с Большой земли снабжали партизанские отряды оружием, взрывчаткой, средствами связи и медикаментами, перебрасывали в тыл врага радистов, врачей, специалистов по минно-подрывному делу. Например, по данным ЦШПД, в 1942 г. на временно оккупированную территорию БССР было совершено 168 самолето-вылетов. В партизанские отряды было доставлено

118 т. боевых грузов, 200 радистов, также в тыл были брошены инструктора-минеры, партийные работники, руководители партизанского движения [1, с. 12]. В 1943 г. всеми видами авиации белорусским партизанам с Большой земли было доставлено свыше 20,5 тыс. винтовок, более 11 тыс. автоматов, 1235 пулеметов и минометов, более 2,6 тыс. пистолетов, 43 048 тыс. патронов, более 31 тыс. мин, свыше 120 тыс. ручных гранат, 390,5 т. тола, 97, 8 тыс. диверсионных мин [5, с. 211].

Фотодокументы 1942—1944 гг. из фондов БГАКФФД запечатлели подготовку самолетов на Большой земле к вылету их в районы действия партизан Витебской и Минской областей, прилет самолета с Большой земли к партизанам Смоленского полка И. Ф. Садчикова, боеприпасы, медикаменты и газеты, доставленные в партизанские бригады из-за линии фронта, маскировку самолетов, совершивших посадку на партизанских аэродромах в районе озера Гомель Витебской области и на озере Чырвонае Полесской области, эвакуацию раненых и гражданского населения и так далее. Особую роль в снабжении партизанских зон Витебской и севера Минской областей сыграли летчики 105-го Гвардейского отдельного авиационного полка ГВФ. Так, в фототеке архива представлены снимки, сделанные во время подготовки самолетов на аэродроме полка перед вылетом их в бригаду им. К. Е. Ворошилова Полоцко-Лепельской партизанской зоны, и групповые снимки летчиков полка.

Киолетописи 1943 г. «В партизанской бригаде «Железняк», «Боевые действия партизан Ушач и Лепеля» [3, с. 48] и «Н. И. Жуков — летчик 105-го авиационного полка» [3, с. 51] переносят нас в суровые годы войны. Так, кадры первой киолетописи, снятой военными операторами М. И. Суховой, И. Н. Вейнеровичем, Б. К. Макасеваем, запечатлели возвращение с боевого задания партизанских разведчиков, совещание в штабе бригады под руководством И. Ф. Титкова, полуразбитый самолет на поляне, встречу летчика с партизанами бригады и его уход к партизанам. Просматривая кадры второго кинодокумента, снятого военным кинооператором О. Б. Рейзманом, мы становимся свидетелями доставки груза боеприпасов летчиком 105-го Гвардейского отдельного авиационного полка И. Л. Тарасовым партизанам Лепельской бригады им. И. В. Сталина и его встречи с командиром бригады Героем Советского Союза В. Е. Лобанком. Третья киолетопись показывает прибытие летчика Н. И. Жукова на один из аэродромов Полоцко-Лепельской партизанской зоны и встречу его с партизанами. Стоит отметить, что за голову Н. И. Жукова противником была назначена награда в размере 50 тыс. рейхсмарок, поместье и боевой орден — железный крест [6, с. 135].

В дальнейшем кадры прилета летчика Н. И. Жукова в бригаду Лобанка вошли в документальные фильмы «Народные мстители» (1943 г., реж. В. Беляев) и «Освобождение Советской Белоруссии» (1944 г., реж. В. В. Корш-Саблин).

Отдельно следует упомянуть о таком кинолетописном материале 1943 г., как «И. Н. Вейнерович — оператор кинохроники — среди партизан» [3, с. 50]. На экране перед зрителями предстает лесная поляна, на которую приземляется на парашюте оператор И. Н. Вейнерович. В дальнейшем мы становимся свидетелями съемок оператором партизан бригады «Железняк» Борисово-Бегомльской партизанской зоны и командира бригады И. Ф. Титкова.

В годы Великой Отечественной войны самолеты с Большой земли не только доставляли партизанам боеприпасы и медикаменты, но за линию фронта летчики эвакуировали раненых партизан, женщин и детей. Например, в ночь на 3 августа 1943 г. была эвакуирована группа партизан в составе 26 человек, среди них 12 детей, из 123-й Октябрьской имени 25-летия БССР партизанской бригады [10, с. 22], а в ночь на 5 августа 1943 г. из партизанской бригады имени К. Е. Ворошилова, которой командовал генерал-майор Ф. Ф. Капуста, было переброшено семеро детей-сирот [8, с. 96]. В ночь с 24 на 25 августа 1943 г. на Большую землю была эвакуирована семья белорусского композитора И. И. Любана — жена и двое детей [8, с. 127]. Всего с апреля по сентябрь 1943 г. летчиками из партизанских зон на аэродром Монино был эвакуирован 61 ребенок. Дети, прибывавшие с оккупированной территории, имели при себе удостоверяющие их личность документы, заверенные подписями командиров и комиссаров партизанских бригад или отрядов, и направлялись либо в распоряжение БШПД, либо в госпиталь [9, с. 62].

В фондах архива документальная хроника того времени, связанная с эвакуацией населения на Большую землю, представлена в киножурналах «Савецкая Беларусь» за 1943 г. Так, в киножурнале «Савецкая Беларусь» № 4 [3, с. 50] отражена работа сотрудников Бюро по розыску эвакуированных из Беларуси, а также Центрального детского эвакуприемника. Кинохроника рассказывает о поиске партизанами своих семей, о приеме и обустройстве детей, прибывших с оккупированных территорий. В одном из сюжетов киножурнала эвакуированные на Большую землю юные партизаны-разведчики Миша Бутиловский и Саша Климович рассказывают о своей деятельности в тылу врага. О дальнейшей судьбе этих ребят рассказано в киножурнале «Савецкая Беларусь» № 6, где они показаны среди учащихся военно-морского ремесленного училища [3, с. 48].

Особый интерес представляют кадры эвакуации на Большую землю летчиком 105-го Гвардейского отдельного авиационного полка Гражданской авиации А. П. Мамкиным в ночь с 10 на 11 апреля 1944 г. воспитанников Полоцкого и Ветринского детских домов в возрасте от 3 до 14 лет (дети были спасены партизанами Полоцко-Лепельской партизанской зоны в результате операции «Звездочка») [5, с. 460]. Данный момент был зафиксирован на киноплёнку военным оператором И. Н. Вейнеровичем. В качестве аэродрома использовалось замерзшее озеро Вечелье. В последний, 9-й рейс в его легкомоторный самолет Р-5 удалось вместить 10 детей, их воспитательницу Валентину Латко и двух

раненых партизан. Вылет производился уже в светлое время суток, поэтому на подлете к линии фронта самолет стал удобной мишенью для противника, был подбит и загорелся. Несмотря на это, летчик продолжал полет, пока не нашел подходящую площадку для посадки недалеко от расположения частей 1-го Прибалтийского фронта. К тому времени прогорела даже перегородка, отделяющая кабину пилота от пассажиров, и на некоторых деталях начала тлеть одежда. Сам летчик от полученных ожогов скончался в госпитале.

Помимо эвакуации гражданского населения, кадры военных лет косвенно отразили перелеты руководителей партизанского движения за линию фронта и возвращение их обратно в партизанские формирования. Примером тому может служить кинолетопись 1943 г. «В штабе партизанского движения Белоруссии. Редакция партизанской газеты» и сюжет киножурнала «Савецкая Беларусь» № 9—10 1943 г. «Герои партизанской борьбы в столице» [3, с. 48—49]. Кадры кинолетописи запечатлели присутствие на заседании штаба секретаря Минского подпольного ОК КП(б)Б Р. Н. Мачульского, командира и комиссара партизанского соединения Слуцкой зоны Ф. Ф. Капусты и И. Д. Варвашени, начальника штаба партизанской бригады «Разгром» Минской партизанской зоны К. С. Сасункевича, комиссара действовавшего в Брестской области партизанского отряда им. М. И. Фрунзе А. П. Гоголева и командира Минского партизанского соединения, Героя Советского Союза В. И. Козлова. В дальнейшем перед зрителями предстает бревенчатое укрепление в лесу, где В. И. Козлов обсуждает с командирами партизанских отрядов предстоящий план действий. Что касается сюжета киножурнала, то в нем показана выставка трофейного оружия в Москве, на которой присутствуют командир партизан Полоцко-Лепельского партизанского соединения В. Е. Лобанок, командир отряда «Разгром» Минского партизанского соединения И. Л. Сацункевич, командир Пинского партизанского соединения генерал-майор В. З. Корж. Затем кадры переносят нас в Кремль, где во время торжественного заседания были вручены государственные награды партизанским командирам, В. Е. Лобанку — орден Ленина и медаль «Золотая Звезда» и Ф. И. Павловскому — орден Красного Знамени.

После Великой Отечественной войны тема взаимодействия партизан с авиацией с Большой земли поднималась во многих документальных кинофильмах. Так, уже в 1945 г. режиссер Н. Любошиц при создании фильма «Нашы дзеці» включил в него кадры эвакуации детей летчиком А. П. Мамкиным из Полоцко-Лепельской партизанской зоны. В 1963 г. режиссер В. Шерэг снял фильм «Бацька Мінай» [3, с. 64] о командире 1-й Белорусской партизанской бригады, Герое Советского Союза М. Ф. Шмыреве. В фильме были продемонстрированы архивные съемки раздачи партизанам оружия, поступившего с Большой земли. Особо следует отметить работы режиссера, в прошлом военного кинооператора И. Н. Вейнеровича, вобравшие в себя огромное количество хроник. Например, кадры фильма «Дорога без привала» 1965 г. [3, с. 66] запечатлели послевоенную встречу партизан Витебской области с командиром

105-го Гвардейского отдельного авиационного полка ГВФ Е. Т. Клуссоном и летчиками В. С. Ползуновым, А. В. Жога, Н. И. Жуковым, А. И. Моденовым. Помимо этого, в фильме рассказывалось о подвиге летчика А. П. Мамкина. Здесь были представлены воспоминания свидетельницы подвига летчика, воспитательницы Полоцкого детского дома Валентины Ляшко, а также сняты уже взрослые воспитанники Полоцкого детского дома. В 1967 г. создан фильм «Генерал Пуща» [3, с. 69], куда были включены кадры награждения на торжественном заседании в Кремле в 1943 г. орденом Красной Звезды Ф. И. Павловского, командира 123-й Октябрьской партизанской бригады. В 1972 г. И. Н. Вейнрович создает фильм «Баллада о мужестве и любви» [3, с. 74], посвященный партизанам Полоцко-Лепельской партизанской зоны. В фильме использованы кадры военной кинохроники, снятые во время высадки на подконтрольную партизанам территорию армейского десанта, эвакуации детей Полоцкого и Ветринского детских домов на Большую землю. Также в сюжет фильма были включены воспоминания командующего 1-м Прибалтийским фронтом И. Х. Баграмяна о поставках оружия партизанам Полоцко-Лепельской партизанской зоны во время их блокады войсками противника в 1944 г. и о применении фронтовой штурмовой авиации для бомбардировок немецких позиций во время ведения партизанами зоны оборонительных боев и прорыва блокады.

Таким образом, за годы Великой Отечественной войны авиация с Большой земли смогла обеспечить партизан оружием, взрывчаткой, средствами связи и медикаментами, также с ее помощью перебрасывали в тыл врага радистов, врачей, специалистов по минно-подрывному делу, а за линию фронта летчики эвакуировали раненых партизан, женщин и детей. Только на оккупированную территорию БССР авиацией с Большой земли за 1942—1944 гг. было сделано 5945 самолето-вылетов, доставлено 2403,4 тонн различных грузов и вывезено в тыл около 9 тыс. человек [2, с. 481].

Источники и литература

1. Авиация — партизанам: 1941—1944: док. и воспоминания / Сост.: Г. Д. Кнатько, В. Д. Селеменев. — Минск: НАРБ, 2005. — 368.
2. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941—1945: Энцыклапедыя / Беларус. Сав. Энцыкл.; Рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. — Мінск: БелСЭ, 1990. — 680 с.
3. Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов: Справочник. Ч. 1. Кинодокументы / Авт.-сост. С. В. Жумарь. — Молодечно: Тип. «Победа», 2002. — 718 с.
4. Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945: Краткая история. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Воениздат, 1984. — 560 с., ил.
5. Всенародная борьба в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны / Ин-т истории партии ЦК КПБ — фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Т. 2 [ноябрь 1942 — дек. 1943 г.] / Ред. тома: А. А. Филимонова и др. — 551 с.
6. История гражданской авиации СССР / под ред. Б. П. Бугаева. — М.: 1983. — 376 с.
7. Калинин, П. З. Партизанская республика. — Минск: Беларусь, 1973. — 181 с.
8. Национальный архив Республики Беларусь. — Ф. 1450. — Оп. 1. — Д. 1275.

9. Там же. — Д. 1276.
10. Там же. — Д. 1277.
11. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944 г.): Краткие сведения об орг. структуре партиз. соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / [А. Л. Манаенков, Е. П. Горелик, А. Ф. Марков и др.]. — Минск: Беларусь, 1983. — 765 с.
12. Счисленко, Л. Самолеты летят к партизанам // Могилевский поисковый вестник. — Могилев: Могилевские ведомости, 2001. — С. 68—73.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 22.09.2017

С. В. Кулинок,*заместитель заведующего отделом публикаций**Национального архива Республики Беларусь,**кандидат исторических наук;**e-mail: svkulinok@tut.by*

**СУДЕБНОЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО
В ПАРТИЗАНСКИХ ФОРМИРОВАНИЯХ БССР
В ОТНОШЕНИИ РАЗОБЛАЧЕННОЙ АГЕНТУРЫ ПРОТИВНИКА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**
(по документам Национального архива Республики Беларусь)

Одним из наиболее эффективных способов борьбы с партизанским движением и сбором разведывательных данных о «тесных солдатах» была подготовка и засылка квалифицированной агентуры противника. Помощник начальника разведывательного отдела Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) капитан В. Куров в работе «Агентурная разведка противника», предназначенной для внутреннего пользования, отмечал, что «для разведки партизанских формирований немцам пришлось применить главным образом агентурную разведку, так как другие разведки благодаря маневренности партизан не дали требуемого эффекта» [22, л. 13—14]. Масштабы этой деятельности являлись, фактически, конвейерными и осуществлялись с первых месяцев оккупации вплоть до освобождения территории БССР. Прежде чем перейти непосредственно к обозначенной теме, укажем некоторые данные о засылке немецких шпионов в партизанские соединения.

В годы войны подготовка агентурных кадров велась по двум направлениям. Во-первых, это обучение курсантов в специальных разведывательно-диверсионных школах (курсах). Сроки подготовки были различными в каждом отдельном случае: от нескольких недель (курсы в м. Семежево) [23, л. 19] до года (школа в Орше) [33, л. 11об.]. Численность курсантов также была разной. Размер групп варьировался от 15—17 человек (разведывательная школа в Витебске) [20, л. 155—156; 22, л. 18—19] до 150—200 (школы в Гомеле, Минске, Орше, Слуцке) [3, л. 1—2; 15, л. 4—4об.; 22, л. 18—19; 25, л. 21—22, 72, 286—297; 34, л. 131—133; 35, л. 332—338], и даже до 500—700 (спецшколы в Минске) [16, л. 83; 26, л. 47, 104]. По подсчетам автора, всего за годы оккупации немецкие школы и курсы осуществили более 140 различных по размеру выпусков агентуры общим количеством от 15 до 17 тысяч человек, из которых 25—30% составляли «агенты в юбках».

Вторым способом была вербовка и подготовка агентов «на месте» с предварительным кратким инструктажем и последующей засылкой в партизанские отряды. Такой метод практиковался, как правило, в отношении одного человека или небольшой группы лиц, когда имелась хорошая возможность для вербовки. Уровень подготовки таких агентов был значительно ниже, и выявлялись они гораздо быстрее.

На территории БССР в 1941—1944 гг. было открыто не менее 50 учебных центров для подготовки разведывательно-диверсионной агентуры (советская, современная российская и до недавнего времени белорусская историографии оперируют данными о 22 (25) школах) [6, с. 87—88]. Основная их задача — подготовка кадров для антипартизанской деятельности. Из общего количества учебных центров только около 15 школ и курсов готовили курсантов для заброски в тыл СССР и части Красной Армии, а это менее 30%. В остальных готовились агенты для последующего внедрения в партизанские формирования и городское подполье. Говоря языком цифр, укажем, что за годы войны партизанами Беларуси было взято на учет 29 252 человека. В том числе: немецких шпионов, диверсантов и террористов — 8584. Из числа взятых на учет было арестовано и расстреляно 7464 человека, в том числе 5584 немецких шпионов, диверсантов и террористов. Кроме того, было задержано и вывезено в советский тыл 60 человек крупных работников немецкой администрации, изменников, видных шпионов и провокаторов [30, л. 24—27].

Для сравнения укажем, что спецшкол «на землях Украины во время фашистского нашествия было по меньшей мере три десятка» [45, с. 201], в «партизанских объединениях и отрядах Украины было раскрыто и уничтожено 1069 человек, в том числе 930 агентов противника и 139 изменников. Среди местного населения было выявлено и ликвидировано 8 вражеских агентов и 1790 человек, которых квалифицировали как изменников, а всего по двум категориям — 2927» [5, с. 278, 299]. При этом сделаем оговорку на то, что общая численность партизан в УССР была значительно ниже, чем на территории БССР.

Немецкими спецслужбами в качестве агентов активно использовались различные половозрастные (женщины, старики, дети), социальные (инвалиды, беженцы, лесники, учителя, медработники и др.) и национальные (евреи, фольксдойче, поляки, белорусы, жители Кавказа и др.) группы гражданского (невоенного) населения. Традиционно к разведывательно-диверсионной работе активно привлекались военнопленные, коллаборанты и «антисоветский элемент» [7].

В таких условиях большое значение играло успешное контрразведывательное обеспечение соединений «народных мстителей». Главная цель этого обеспечения состояла в надежном ограждении партизан от подрывной деятельности вражеской агентуры и враждебных элементов.

Юридическая сторона выявления и разоблачения засылаемой немецкой агентуры регулировалась документами, составлявшими группу следственных материалов (следственное делопроизводство). К сожалению, изучению системы партизанского правосудия посвящены лишь отдельные исследования [1; 2; 4; 44; 47—50]. В первую очередь они касаются рассмотрения уголовных преступлений.

Структура контрразведки в партизанских формированиях, а также в зональных и областных соединениях складывалась постепенно и имела определенные различия. В бригадах и некоторых крупных отрядах, как правило, действовал особый отдел во главе с начальником, которому подчинялись несколько оперуполномоченных, возглавлявших контрразведывательную работу в отрядах. Поскольку на протяжении всей войны не хватало квалифицированных кадров, то имели место случаи, когда руководство контрразведкой возлагалось на заместителя командира по разведке.

Большую помощь в организации и ведении контрразведывательной работы партизанам оказывали советские органы госбезопасности. Мероприятия по выявлению агентуры в партизанских формированиях достаточно часто курировались начальниками районных или областных отделов НКВД. Кроме того, для усиления качества контрразведывательной работы при партизанских соединениях начиная с 1942 г. создавались оперативно-чекистские группы, которые, по существу, выполняли функции особых отделов. В качестве примера приведем деятельность оперативно-чекистской группы при Могилевском подпольном обкоме КП(б)Б под руководством И. М. Стельмаха, которая курировала и направляла контрразведывательную работу партизанских соединений по Могилевской области [9, л. 140].

Обращает на себя внимание то, что в начальный период Великой Отечественной войны борьба с агентурой противника практически не велась. Например, в партизанский отряд «Разгром» был направлен агент Туркеневиц, «которому немцы дали ручной пулемет. Учитывая острую нехватку оружия у партизан, этот агент сразу завоевал большой авторитет. Этот Туркеневиц, благодаря такой легенде, абсолютно свободно работал в отряде с мая по август 1942 года» [28, л. 6—7]. О тяжелой ситуации с выявлением агентуры в партизанских соединениях в этот период красноречиво свидетельствует Приказ № 5 по 1-й Белорусской партизанской бригаде под командованием М. Шмырева от 17 мая 1942 г., в котором отмечалось, что «прием партизан в отряд продолжает носить характер стихийности. Люди приходят в отряд из-за линии фронта совершенно нам не знакомые, их принимают в свой коллектив и забывают о них. Никакого контроля и наблюдения за их дальнейшей деятельностью. Командиры и комиссары до сего времени не занимаются изучением людей, а это приводит к тяжелым последствиям. Только в одном отряде Райцева обнаружено пять человек «партизан», подсланных немецкой разведкой с задачей разлагать партизанские отряды изнутри, доносить о намерениях партизан, а в нужную минуту выдать местоположение партизан . . .» [14, л. 14].

Укажем на то, что лишь в некоторых партизанских соединениях в первые полтора года работали органы контрразведки, и, соответственно, велось и документационное обеспечение. В большинстве случаев вопрос с разоблаченными агентами решался на месте командиром и комиссаром отряда. Все это нередко приводило к злоупотреблениям и расстрелам людей лишь по одному подозре-

нию их в противоправных действиях. Свидетельница такого случая произвола и злоупотребления со стороны заместителя командира по разведке 4-й Белорусской бригады Николая Шураева сообщила, что «во время пребывания в партизанской бригаде Шураев рассказывал мне, что он лично расстрелял детей, которых он заподозрил как немецких агентов, посланных в партизанскую зону. Осенью 1942 года Шураевым была расстреляна Федорова Елена — комсомолка, молодая девушка, связанная с партизанами ...» [21, л. 31].

Зимой 1941/1942 гг. было издано несколько важных указаний, которые определяли категории населения, подлежащие суду за сотрудничество с оккупантами. Первым из этих документов стал приказ НКВД СССР от 12 декабря 1941 г. № 001683 «Об оперативно-чекистском обслуживании местностей, освобожденных от войск противника». 18 февраля 1942 г. НКВД СССР издал указание, в котором было подробно изложено, с какими конкретно категориями жителей следует работать: «Следствием по делам арестованных ставленников немцев, опросами агентуры, заявителей и местных жителей устанавливать и брать на учет:

... в) агентуру германской военной разведки, гестапо, тайной полиции, оставленную в данном городе-районе или переброшенную ранее немцами в наш тыл: резидентов, связников, содержателей явочных квартир, проводников и переправщиков;

... д) изменников Родины, предателей, провокаторов и немецких пособников, оказывающих содействие оккупантам в проведении различного рода мероприятий».

13 мая 1942 г. принципы репрессий против коллаборационистов были уточнены в приказе Прокуратуры СССР «О квалификации преступлений лиц, перешедших на службу к немецко-фашистским оккупантам в районах, временно занятых врагом». Такие категории людей привлекались к ответственности по статье 58-1, которая предусматривала за измену Родине высшую меру наказания — расстрел с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах — лишение свободы на срок 10 лет с конфискацией имущества [47, с. 36—39].

По мнению белорусского историка А. Шаркова, «принципы репрессий против коллаборационистов, сформированные зимой 1941/1942 гг., в последующем подвергались некоторой корректировке. Уже в 1943 г. в советском руководстве подобный подход стали рассматривать как излишне жестокий ... Если в 1941 г. измену Родине видели там, где ее в помине не существовало, то в 1943 г. пришло понимание того, что в условиях жесточайшего оккупационного режима вступление в коллаборационистские формирования было зачастую лишь средством выживания как для военнопленных, так и для мирного населения» [47, с. 42].

Укажем на то, что в отношении немецкой агентуры, разоблаченной в партизанских формированиях, никаких «ослаблений» не было. Если вражеских

шпионов и разведчиков, выявленных на территории Советского Союза, могли перевербовать, привлечь к радиограм или заменить расстрел на 25 лет лагерей, то в лесу такая альтернатива была невозможна. Кроме того, агентура, засылаемая на территорию СССР и в части Красной Армии, очень часто добровольно сдавалась и раскрывала себя. По данным историка С. Чертопруды, «до середины 1942 г. каждый третий агент, перейдя линию фронта, спешил сдать себя милиции, чекистам или представителям власти. К 1943 г. их количество увеличилось до 45%. Например, из 185 арестованных выпускников Варшавской разведшколы с повинной явились 99 человек» [46, с. 43]. Добровольная сдача агентов партизанам была явлением исключительно редким. Автором выявлено всего несколько подобных случаев [8, л. 126—127об.].

По мнению доктора наук А. Шаркова, основными правоохрнительными органами в партизанских формированиях были: особые отделы, партизанские товарищеские суды, суды на правах народных судов, суды командирской чести и военно-полевые трибуналы. Партизанские суды и военно-полевые трибуналы руководствовались Уголовным и Уголовно-процессуальным кодексами БССР, а также указами Президиума Верховного Совета СССР. Наиболее значительным законодательным актом для военно-судебных органов являлся Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников» [50, с. 19—20, 22].

Вместе с этим, не согласимся с мнением А. Шаркова в отношении того, что «все дела в отношении лиц, которые не входили в партизанские отряды, а были обвинены или подозревались в антисоветской деятельности, проходили непосредственно через районные отделы НКВД, которые имели право принимать самостоятельные решения [49, с. 59; 50, с. 22]. Распространенной практикой в отношении разоблаченной агентуры было проведение следственных действий непосредственно «на месте» разоблачения, то есть оперуполномоченными в партизанских соединениях [11, л. 24—26; 17, л. 49—51; 24, л. 17—20; 25, л. 433—436; 29, л. 1—3об.; 36, л. 174—180; 37, л. 20—21об.; 38, л. 1—11об.; 39, л. 82—84об.; 40, л. 2—2об.; 41, л. 91—92].

Отметим, что на протяжении всего периода оккупации судебно-следственные мероприятия в отношении выявленной агентуры не всегда велись достаточно корректно и объективно, несмотря на многочисленные инструкции и рекомендации руководящих органов партизанского движения и госбезопасности [42, л. 1—7; 43, л. 1—7об.].

В архивных документах имеется ряд свидетельств того, что в партизанских формированиях и спецгруппах НКВД имели место злоупотребления и необоснованные расстрелы только по подозрению в шпионаже. Заместитель оперативно-чекистской группы при Могилевском обкоме Лебедев в марте 1944 г. приводил следующие примеры: «5 декабря 1943 г. расстреляна

жительница Могилева Гончарова Матрена Ивановна только за то, что служила в фельдкомендатуре уборщицей, причем неизвестно куда делся ее 4-летний сын. 9 декабря 1943 г. расстрелян 13-летний мальчик Клепча Алексей Игнатович за то, что он два раза сообщил о местоположении партизан своей родственнице, подозреваемой в связи с немецкой разведкой. Ранее обращалось Ваше внимание на необоснованные расстрелы граждан, перешедших на сторону партизан или захваченных в плен». В этом же документе давались указания об улучшении следственных действий уполномоченными особых отделов. В случае недостаточной доказательной базы дело необходимо было направлять на доработку или закрывать. Расстрелы обвиняемых можно было производить только после получения окончательной санкции на расстрел у секретаря райкома КП(б)Б [10, л. 13].

Другим серьезным недостатком в работе с разоблаченными шпионами было недостаточно подробное ведение допросов. Не уточнялись важные подробности разведывательной деятельности агента (кем и когда завербован, где обучался, какие предметы преподавались, приметы других курсантов и т. д.). Например, сотрудник особого отдела одной из партизанских бригад Яков Кондыба в апреле 1943 г. указывал, что «наши командиры и комиссары партизанских бригад и партизанских отрядов при задержании немецких агентов расстреливают, не уточняя его методов работы, какую именно задачу он получил от гестапо и не выясняют, какие же основные задачи ставит противник перед агентурой, а, как правило, после признания агента в принадлежности к немецкой разведке, сразу расстреливают» [28, л. 6—7].

Один из партизан привел такой пример: «12 или 13 мая 1942 г. (выходя из окружения) мы попали в партизанское соединение Сазонова. При допросе, нас посчитали за шпионов и меня с одним товарищем вывели на расстрел. Это было в д. Александрово. Товарища моего расстреляли, а меня забрали в отряд» [31, л. 50об.]. Начальник особого отдела 6-й партизанской бригады Ланир после инспекции подчиненных отрядов в июле 1943 г. докладывал начальнику оперативно-чекистской группы при Могилевском обкоме КП(б)Б Стельмаху: «Считаю необходимым поднять вопрос о взаимодействии и правах уполномоченных особых отделов в отрядах. Я объехал все отряды бригады и в каждом из них столкнулся с таким фактом, когда уполномоченный особого отдела ставился командирами отряда под свое влияние и подчинение... 3.7.1943 с санкции Касаева расстреляна гражданка Юрчелевич Мария и прибывший из Могилева предатель, но никаких материалов на эти расстрелы нет... В отряде № 600 расстрелы производятся с санкции командиров рот и даже командиров взводов и есть случаи, что бойцы расстреливают людей совершенно без ведома какого-либо командира» [8, л. 6—6об.].

Для улучшения качества работы оперуполномоченных особых отделов в партизанских соединениях составлялись специальные инструкции. К сожалению, приходится констатировать, что за годы оккупации ни в БШПД, ни в

ЦШПД не было разработано типовых служебных инструкций и рекомендаций для сотрудников особых отделов. В каждом конкретном партизанском соединении ситуация решалась самостоятельно. Например, для чекистов Борисовской зоны была разработана инструкция, в которой указывалось, что «борьба с вражеской агентурой партизанскими отрядами проводится не всегда достаточно квалифицированно, в результате чего нередко заподозренные во вражеской деятельности уничтожаются, не будучи полностью разоблачены. Их связи не вскрываются. Вместе с тем, при таком состоянии дела не исключается возможность расстрелов невиновных товарищей». Далее в документе определялся порядок ведения следствия: его проводит оперработник отряда, бригады, а после окончания командир бригады проверяет достаточность проведенных следствием мер и необходимость расстрела обвиняемого. Затем материал представляется секретарю соответствующего райкома партии, и только после получения санкции секретаря райкома на расстрел приговор приводится в исполнение. После приведения приговора в исполнение начальник особого отдела законченное следственное дело представляет в вышестоящую оперативно-чекистскую группу [32, л. 120]. Похожей по содержанию, но более подробной и объемной была «Инструкция по работе особого отдела 12-й кавалерийской партизанской бригады им. Сталина» [12, л. 24—25].

Порядок следственных действий по отношению к разоблаченной вражеской агентуре в партизанских соединениях по Брестской области определялся в приказе № 0089/к от 14.02.1944, подписанном Уполномоченным штаба соединения партизанских отрядов Брестской области Ковальским. В документе прописывался порядок оформления документов допроса задержанных. Приведем основные положения:

«1. Иметь рапорт о задержании, в котором указать место, время и при каких обстоятельствах задержан.

2. Протокол допроса, оформленный путем постановки вопросов и ответов допрашиваемого, на каждой стороне листа допроса допрашиваемый расписывается. Исправления в протоколе допроса должны быть оговорены и иметь подпись допрашиваемого.

3. Протокол обыска с приложением к нему всего изъятого.

4. По установлению фактов виновности в совершенных преступлениях выносится постановление о расстреле, или же по установлению фактов невиновности выносится постановление об освобождении. Постановление о расстреле или об освобождении подписывается командиром, комиссаром и оперуполномоченным отряда.

5. По окончании следствия материал подшивается в хронологическом порядке, и весь сгруппированный материал направляется в штаб соединения.

6. Задержание крупных шпионов, резидентов, националистов польских и украинских с материалами первичного дознания направляется в штаб соедине-

ния. Как исключение может являться сложная обстановка, которая дает право решать вопрос на месте.

7. Вещи личного обихода, снятые с расстрелянного шпиона и диверсанта, на основании постановления передаются по акту в партизанский отряд для использования. А акт приобщается к следственному делу» [13, л. 5—5об.].

Перечень вопросов, которые задавались во время допроса подозреваемым в шпионаже, выглядел приблизительно следующим образом:

А) Краткие установочные биографические данные на себя и близких;

Б) Кем, когда, при каких обстоятельствах завербован, с какими официальными сотрудниками немецкой разведки был связан в процессе работы, у какого резидента состоял и у кого находятся конспиративные квартиры;

В) Содержание подпольки, кличка, с какой целью завербован, какие получал задания;

Г) В какой школе (гестапо, СД) получил подготовку, руководство школы, ее адрес, состав обучающихся, что преподавалось, куда и кто по окончании школы и с каким заданием направлены, их клички и установочные данные;

Д) Если шпион засылается в партизанский отряд, то выяснить: кем, с каким заданием, через кого и к кому послан, как и через кого будет поддерживать связь с немцами, как будет обеспечиваться выполнение им задания (яд, оружие, взрывчатка), пароли, явочные квартиры;

Е) Кого он знает из вражеской агентуры в городе, деревнях, в партизанских отрядах, как это ему стало известно;

Ж) Тщательно выясняйте, кто заслан в тыл Красной армии, с каким заданием, что и откуда известно арестованному о замыслах немцев по борьбе с партизанами, как немцы предполагают использовать свою агентуру на случай отступления и перед отступлением;

З) В процессе следствия особо настойчиво выясняйте не является ли засланный агент противника белнацифашистом (член БНС, СБМ, БНП) [27, л. 426—427об.].

Приведем примеры основных форм ведения следственных документов в отношении разоблаченной агентуры (постановление на арест, протоколы допросов обвиняемого и свидетеля, постановление о предъявлении обвинения, протокол об окончании следствия).

«Утверждаю»

Сов. секретно

«...» _____ 194... г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

/на арест/

«...» _____ 194... г.

_____
/должность, фамилия/

Рассмотрев поступившие компрометирующие материалы на

_____
/краткие установочные данные арестованного/

НАШЕЛ

_____
/содержание компрометирующих материалов/

ПОСТАНОВИЛ

_____
/фамилия, имя, отчество, адрес/

Подвергнуть аресту и обыску.

Уполномоченный ОО

Согласен: начальник партизанской бригады №... «...»

[18, л. 1]

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

/обвиняемого/

ФИО ....., рождения ....., уроженец ..... По социальному положению ....., по национальности ....., образование ....., член ВКП/б/ с ....., судим / не судим ....., женат / не женат .....
 Семья состоит: ....., постоянное место проживания .....

/подпись/ /ФИО арестованного/

ВОПРОС: .....

ОТВЕТ: .....

И т. д.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА С МОИХ СЛОВ ЗАПИСАН ПРАВИЛЬНО, МНОЮ ПРОЧИТАН, В ЧЕМ ПОДПИСЫВАЮСЬ

/подпись/ /ФИО допрашиваемого/

Допросил Уполномоченный ОО

Партизанской бригады/отряда «.....» /подпись, ФИО/

/дата/

[18, л. 2]

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

/свидетеля/

ФИО ....., рождения ....., уроженец ..... По социальному положению ....., по национальности ....., образование ....., член ВКП/б/ с ....., судим / не судим ....., женат / не женат .....
 Семья состоит: ....., постоянное место проживания .....

/подпись/ /ФИО свидетеля/

ВОПРОС: .....

ОТВЕТ: .....

И т. д.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА С МОИХ СЛОВ ЗАПИСАН ПРАВИЛЬНО В ЧЕМ ПОДПИСЫВАЮСЬ

/подпись/ /ФИО свидетеля/

Допросил Уполномоченный ОО

Партизанской бригады/отряда «.....» /подпись, ФИО/

/дата/

[18, л. 3]

«Утверждаю»
Нач. ОО партизанской бригады .....
«...» _____ 194... г.

Сов. секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

/о предъявлении обвинения/

«...» _____ 194... г.

_____
/должность, фамилия/

Рассмотрев поступивший компрометирующий материал на

_____
/краткие установочные данные арестованного/

НАШЕЛ

_____
/содержание компрометирующего материала, добытого следствием/

ПОСТАНОВИЛ

_____
/фамилия, имя, отчество, адрес обвиняемого/

Предъявить обвинение по ст. .... УК
О чем объявить обвиняемому под расписку

_____
/настоящее постановление мне объяснено «...» ..... 194... г./

Уполномоченный ОО

[18, л. 4]

ПРОТОКОЛ

/об окончании следствия/

«...» ..... 194... г.

_____
/должность, фамилия/

Объявил обвиняемому _____
/ФИО обвиняемого/

О том, что производство по его делу закончено

На вопрос: Чем он может дополнить обвиняемый _____
ЗАЯВИЛ: _____

Об окончании следствия мне объявлено «...» ..... 194... г.

_____
/подпись обвиняемого/

Об окончании следствия объявил /ФИО/

[18, л. 6]

После вынесения приговора и его исполнения (как правило, это высшая мера наказания. — С. К.) необходимо было составить списки всех задержанных и разоблаченных шпионов по установленной форме: 1) №№ п/п; 2) Фамилия, имя, отчество; 3) Год рождения; 4) Национальность; 5) Образование; 6) Военское звание; 7) Семейное положение (перечислить по имени отчеству и фамилии членов семей и адрес места жительства); 8) Когда и за что расстрелян (желательно приложить копию заключения); 9) Адрес места рождения и жительства до войны [19, л. 16].

В заключение укажем, что на протяжении всего периода оккупации на территории Беларуси судебно-следственное делопроизводство в отношении агентуры противника не было систематизировано и унифицировано. Попытки выработки и перехода к единым нормам обеспечения данного процесса предпринимались с конца 1943 г. Вместе с этим укажем, что имели место бесосновательные расстрелы и нарушения в отдельных соединениях, однако анализ архивных документов позволяет говорить о том, что документационное обеспечение судебно-следственных мероприятий велось удовлетворительно.

Литература и источники

1. Вишневский, А. Ф., Примаченок, А. А. Особенности судебного рассмотрения и предварительного расследования преступлений в партизанских зонах Белоруссии в период Великой Отечественной войны / А. Ф. Вишневский, А. А. Примаченок // Старонкі ваеннай гісторыі Беларусі. — Мінск: [б. в.], 1992—1998. — С. 136—149.
2. Вішнеўская, І. У. Асаблівасці прызначэння і выканання пакаранняў партызанскімі судамі Беларусі ў 1941—1944 гг. / І. У. Вішнеўская // Старонкі ваеннай гісторыі Беларусі. Ін-т гісторыі НАН Беларусі, Аддз. ваен. гісторыі, Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка, Каф. айчын. і сусвет. гісторыі. — Мінск: БДПУ, 1998. — Вып. 2. — 254 с.
3. Государственный архив Минской области. — Ф. 4233. — Оп. 1. — Д. 1.
4. Звягинцев, В. Е. Война на весах Фемиды: война 1941—1945 гг. в материалах следственно-судебных дел / В. Е. Звягинцев. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2006. — 768 с.
5. Кентій, А., Лозицький, В. Війна без пощади і милосердя. Партизанський фронт у тилу вермахту в Україні (1941—1944) / А. Кентій, В. Лозицький. — К.: Генеза, 2005. — 408 с.
6. Кулинок, С. В. Деятельность немецких разведывательно-диверсионных школ и курсов на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны: новые направления и перспективы исследования / С. В. Кулинок // Российские и славянские исследования: сборник научных трудов. Выпуск 11. — Минск: БГУ, 2016. — С. 85—91.
7. Кулинок, С. В. Использование немецкими спецслужбами населения в разведывательно-диверсионной работе против партизан Беларуси в 1941—1944 гг. (по материалам Национального архива Республики Беларусь) / С. В. Кулинок // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. Сборник научных статей. Вып. 17. В 3 ч. Ч. 1. — С. 224—231.
8. Национальный архив Республики Беларусь. — Ф. 1350. — Оп. 1. — Д. 28.
9. Там же. — Д. 29.
10. Там же. — Д. 56.
11. Там же. — Ф. 1390. — Оп. 1. — Д. 28.

12. Там же. — Ф. 1399. — Оп. 1. — Д. 10.
13. Там же. — Ф. 1401. — Оп. 1. — Д. 17.
14. Там же. — Ф. 1403. — Оп. 1. — Д. 103.
15. Там же. — Ф. 1405. — Оп. 2. — Д. 102.
16. Там же. — Оп. 1. — Д. 808.
17. Там же. — Д. 1979.
18. Там же. — Оп. 2. Д. — 356.
19. Там же. — Ф. 1407. — Оп. 1. — Д. 92.
20. Там же. — Ф. 1450. — Оп. 1. — Д. 887.
21. Там же. — Оп. 2. — Д. 22.
22. Там же. — Д. 36.
23. Там же. — Д. 53.
24. Там же. — Д. 56.
25. Там же. — Д. 57.
26. Там же. — Д. 62.
27. Там же. — Д. 66.
28. Там же. — Д. 1298.
29. Там же. — Д. 1335.
30. Там же. — Оп. 3. — Д. 115.
31. Там же. — Оп. 4. — Д. 138.
32. Там же. — Д. 220.
33. Там же. — Д. 254.
34. Там же. — Оп. 21. — Д. 1.
35. Там же. — Д. 21.
36. Там же. — Д. 47.
37. Там же. — Д. 75.
38. Там же. — Д. 150.
39. Там же. — Д. 171.
40. Там же. — Д. 214.
41. Там же. — Д. 284.
42. Там же. — Оп. 22. — Д. 23.
43. Там же. — Д. 104.
44. Примаченок, А. А., Шарков, А. В. Роль работников НКВД в обеспечении правопорядка в партизанских зонах Белоруссии (1941—1944 гг.) / А. А. Примаченок, А. В. Шарков // Актуальные проблемы истории советской милиции. — Минск: МВШ МВД СССР, 1991. — С. 81—86.
45. Чайковский, А. С. Невідома війна: (Партизанський рух в Україні 1941—1944 рр. Мовою документів, очима істориків) / А. С. Чайковский. — К.: Україна, 1994. — 255 с.
46. Чертопруд, С. НКВД-НКГБ в годы Великой Отечественной войны / С. Чертопруд. — М.: Яуза, Эксмо, 2005. — 416 с.
47. Шарков, А. В. Карательная политика государства в отношении лиц, сотрудничавших с нацистским режимом в годы Великой Отечественной войны / А. В. Шарков // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, Мінск, 6 красавіка 2012 г. Вып. 11. У 2-х т. Т. 1 / рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск: МДЛУ, 2013. — С. 36—47.

48. Шарков, А. В. НКВД Беларуси на защите Отечества в годы суровых испытаний (1941—1945) / А. В. Шарков. — Минск: Тесей, 2012. — С. 148—167.
49. Шарков, А. В. Партизанское правосудие на оккупированной территории Беларуси / А. В. Шарков // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. — 2010. — № 2—3. — С. 55—64.
50. Шаркоў, А. В. Партызанскія судовыя органы на акупанавай тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны / А. В. Шаркоў // Беларускі гістарычны часопіс. — 2011. — № 4. — С. 18—29.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 10.05.2018

З. В. Антановіч,*дацэнт кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта**Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта,**кандыдат гістарычных навук, дацэнт;**e-mail: zinantonowicz@gmail.com*

КЛІРАВЫЯ ВЕДАМАСЦІ МІНСКАЙ ЕПАРХІІ ЯК ГІСТАРЫЧНАЯ КРЫНІЦА

(па матэрыялах Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі)

Руская праваслаўная царква на беларускіх землях мела свае прадстаўніцтвы з X ст., аднак яе пазіцыі на грамадска-палітычнай арэне краіны напярэдадні скасавання Рэчы Паспалітай былі слабымі. Сітуацыя змянілася з уваходжаннем беларускіх тэрыторый у склад Расійскай імперыі, дзе праваслаўе карысталася шырокай падтрымкай дзяржавы. На прыкладзе Пінскага павета відавочна, што колькасць цэркваў з канца XVIII ст. пастаянна ўзрастае, пасля ліквідацыі ўніяцкай царквы амаль удвая, а актыўнае будаўніцтва храмаў адбываецца ў 1860—1870-я гг. [3, воп. 1, спр. 40406, 40573, 40659, 40740, 40825, 40906, 40936, 41074, 41152]. Гэта пацвярджаецца і звесткамі па іншых паветах. Найбольш каштоўнымі крыніцамі па стане прыходаў, якія былі ніжэйшымі адміністрацыйна-тэрытарыяльнымі адзінкамі царквы, з'яўляюцца кліравыя ведамасці. З пункта гледжання крыніцазнаўства іх можна аднесці да масавых, таму што іх складанне адбывалася ў звычайных умовах, паводле фармуляра, а змест характарызуецца аднатыповасцю, аднароднасцю, аналагічнасцю і паўтаральнасцю [2, с. 4—7].

У Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі кліравыя ведамасці найлепш захаваліся па Мінскай епархіі: каля 830 спраў за 1796—1809, 1811—1904, 1906, 1908, 1912—1913 гг. Пры гэтым тэрыторыю губерні яны ахопліваюць прыкладна раўнамерна (па 12% спраў па кожным з паветаў). Нязначна больш спраў захавалася па Ігуменскім (14% ад агульнай колькасці захаваных кліравых ведамасцей) і Мазырскім (16%) паветах, а найменш — па Мінскім павеце. Пры гэтым кліравыя ведамасці па цэрквах апошняга і г. Мінска сфарміраваны ў асобныя справы (7 і 3% адпаведна) [3, воп. 1, спр. 40389—41234]. У некалькіх выпадках у справы змешчаны толькі кліравыя ведамасці па асобных благачыннях, напрыклад, Глускім благачыння Бабруйскага павета за 1849, 1851, 1857 і 1861 гг. [3, воп. 1, спр. 41165, 41166, 41170, 41172]. Ведамасці запяўняліся на рускай мове і афармляліся на паперы з філігранямі. Кожная ведамасць пачыналася з тытульнага аркуша. На пачатку справы рэестр (пералік) цэркваў у алфавітным парадку складзены ў архіве кансісторыі. Кліравыя ведамасці прадстаўляліся епіскапу да 1 студзеня. Колькасць іх асобнікаў па рашэнні Сінода вызначалася мясцовым епіскапам, але не менш двух — для епархіяльнага кіраўніцтва і архіва самой царквы [1].

Хаця кліравыя ведамасці былі ўведзены ў 1769 г., першыя захаваныя з іх адносяцца да 1796 г. [3, воп. 1, спр. 40389—40393]. Напрыклад, у Барысаўскім павеце дзейнічала 24 прыходы, сярод якіх Барысаўская Праабражэнская царк-

ва. Яе ведамасць аформлена ў выглядзе табліцы з 9 граф і двух радкоў. У першай ячэйцы змешчана інфармацыя пра стан царквы і дастатовасць прадметаў і кніг для правядзення набажэнстваў, а таксама наяўнасць святароў. Пры царкве было дзве капліцы ў в. Жыцькава і ў плябаніі. Апошняя была пабудавана адасоблена і «без патрэбы» па жаданні ўніяцкага плябана Іаана Страціновіча. Астатнія ячэйкі першага радка ўключалі пералік параметраў: узрост святароў (царкоўнаслужачых) і іх сыноў; месца атрымання адукацыі і службы да ўступлення ў духоўны сан; дата прызначэння і месцы працы святара; асабістыя якасці і адсутнасць дрэнных звычак; звесткі пра падсуднасць; месца навучання; дзеці; колькасць пахатнай і сенакоснай зямлі ў карыстанні святароў і царкоўнаслужачых; колькасць прыхаджан абодвух палоў. Адзіным святаром Барысаўскай Праабражэнскай царквы ў 1796 г. быў Васілій Мікіцін* Шчарбінскі, які меў 5-месячнага сына Іаана. Ён скончыў Смаленскую семінарыю і быў рукапакладзены ў сан дыякана ў 1789 г., а святара — 1795 г. На апошняе месца працы трапіў з Пакроўскай царквы ў с. Панізоўе [4, арк. 5—6]. Звесткі пра ўзрост адзначаліся поўнымі гадамі для дарослых і з пазначэннем месяцаў для дзяцей. Напрыклад, святар Слуцкай саборнай Мікалаеўскай царквы Стэфан Лісоўскі меў 38 гадоў [5, арк. Задв. — 4]. Указами Сінода 1797 г. адмяняліся выбары святара і прадпісвалася прызначаць толькі асоб, якія скончылі семінарыю. Пры гэтым існавалі патрабаванні да асоб, якія прэтэндавалі на пасаду [29, т. X, арт. 7734; т. XI, арт. 8199]. Падсуднасць адзначалася як за праступкі маральна-этычнага і службовага характару, так і адміністрацыйныя або крымінальныя злачынствы, у выглядзе кароткіх судовых выракаў за выключэннем выпадкаў апраўдання і вырашэння шляхам дамовы [1]. Згаданы вышэй С. Лісоўскі ў 1795 г. быў асуджаны за злоўжыванне спіртнымі напоямі з накіраваннем у кляштар [5, арк. Задв. — 4], а дзяк Пакроўскай царквы ў с. Рачкевічы Стэфан Пятровіч Хаціноўскі — за крадзеж медзі з царквы спананы паклонамі [5, арк. 24адв. — 25]. У прыходзе налічвалася 79 двароў з 334 мужчынамі і 371 жанчынай [4, арк. 5—6]. Кожная ведамасць завярталася подпісамі святароў царквы і панамара.

З 1802 г. фармуляр кліравых ведамасцей змяніўся. Табліца, а ў хуткім часе пералік апытальных пунктаў, уключала 10 граф [6; 7]. Акрамя звестак пра царкву, у асобнай графе пазначаўся сямейны стан святара і царкоўнаслужачага (жанаты, удавец або халасты), асабістыя якасці царкоўнаслужачых дадаваліся звесткамі пра іх пісьменнасць. У графе пра атрыманне адукацыі пазначалася саслоўнае паходжанне. Асобна святары прадстаўлялі інфармацыю пра наяўнасць вопісаў рызніцы і іншых царкоўных рэчаў, захаванасць метрычных кніг аб народжаных, шлюбаваных і памерлых, споведных роспісаў, чытанне казанняў у нядзелі і святочныя дні. Тут жа адзначалася колькасць ссыпанага хлеба [6, арк. 1—3]. Звесткі пра прыхаджан дапаўняліся пералікам населеных пунк-

* У гэтым імёны па бацьку пададзены ў сучасным напісанні.

таў, дзе яны пражывалі, і іх аддаленасцю ад царквы [7, арк. 3адв. — 4]. Да завяральнага запісу кліравай ведамасці дадавалася ўстойлівая фармуліроўка, што «в сей ведомости нами ниже подписавшимися показано все по справедливости ничего не упущено и не прибавлено, в то мы под страхом суда и наказания за ложное представление подписуемся» [6, арк. 1—3].

Да справы з кліравымі ведамасцямі дадавалася выніковая табліца па колькасці цэркваў і духавенства на розных пасадах у павятовым горадзе і паветах, якая ахоплівала благачынне або духоўнае праўленне. Напрыклад, Слуцкае праўленне ахоплівала 36 цэркваў, у тым ліку саборную, 34 прыходскіх у Слуцкім (27 цэркваў) і Ігуменскім паветах (7 цэркваў) і адну на могілках. У іх працавала 129 прадстаўнікоў духавенства, з якіх 2 пратапапа і 2 дыяканы [7, арк. 1]. Сярод іх пераважалі дзеці духавенства і царкоўных служачых, але было па два прадстаўнікі шляхты, мяшчан і сын купца Фёдар Дуброўскі [7, арк. 25адв. — 26]. У 65 цэрквах Мазырскага праўлення ў 1803 г. працавала чатыры селяніна і восем мяшчан [8, арк. 1адв. — 2, 5адв. — 6, 13адв. — 14, 31адв. — 32, 33адв. — 34, 47адв. — 48, 77адв. — 78, 101адв. — 102, 106адв. — 107, 108адв. — 109, 113адв. — 114, 121адв. — 122]. У табліцы ажыццяўся падзел дзяцей духавенства па ўзросце (да 15 і 20 гадоў, звыш 20 гадоў) і адукаванасці на кожным узроставым узроўні. Па аналагічным узоры адзначаліся дзеці духавенства, не ўключаныя ў прычт і падушны аклад. Акрамя таго, адзначаліся дзеці ад 17 гадоў і пазаштатнае духавенства, якія знаходзіліся пад падзронасцю [9, арк. 80]. Пазаштат прызначаліся члены царкоўнага кліру, якія дасягнулі 60 гадовага ўзросту або мелі праблемы са здароўем. Месца іх пражывання вызначалася пры магчымасці па іх жаданні і ўзгадненні з мясцовым святаром. Сіроты святароў і царкоўнаслужачых, якія дасягнулі належнага ўзросту, прымаліся ў духоўныя вучылішчы, а малодшым прызначаліся апекуны [32, арт. 82—84].

У 1812 г. фармуляр ведамасці змяняецца і масава выкарыстоўваецца складанне пераліку цэркваў па ўзоры ўнутранага вопісу справы. Кліравыя ведамасці падзяляюцца на дзве часткі: аб прыходзе і духавенстве, дакладнасць прыведзеных звестак сведчыў мясцовы благачынны сваім подпісам. Першая частка афармлялася ў выглядзе табліцы з наступнымі графамі: стан царквы, прыхода, руті (утрымання), метрычных кніг і споведных ведамасцей. У першай характарызаваліся царкоўныя пабудовы, час будаўніцтва з крыніцамі яго фінансавання і пераходу з уніяцтва ў праваслаўе (калі гэта мела месца). Таксама адзначалася аддаленасць ад цэнтра епархіі і павятовага горада, духоўнага праўлення, благачыннага і бліжэйшай царквы. Прыход характарызаваўся колькасцю насельніцтва праваслаўнага веравызнання, сацыяльным статусам прыходжан. Адзначалася таксама наяўнасць прадстаўнікоў іншых канфесій, у прыватнасці, раскольнікаў і ўніятаў. Цікава, што ў кліравай ведамасці Пінскага духоўнага праўлення за 1825 г. адзначалася, што ва ўніяцтва ў 1800 г. перайшлі жыхары с. Выганічы, Гліннае, Лагішын, Паршэвічы, Святая Воля, Целяханы і інш. [11, арк. 15, 19, 37, 63, 95, 101]. Пры гэтым часта пазначалася колькасць асоб іншых веравызнан-

няў, напрыклад, у прыходзе Вялёміцкай Іллінскай царквы пражывала 7 каталікоў і 4 каталічкі, а ўніятаў не было [12, арк. 91—92]. Графа пра ўтрыманне царквы прадстаўляла звесткі пра колькасць царкоўнай зямлі і яе якасць, а таксама наяўнасць фундацыйных дакументаў на яе, ссыпанне збожжа. Напрыклад, Васкрасенская царква ў с. Бучка, якая знаходзілася ў валоданнях Мар'яны з графаў Патоцкіх Мастоцкай і перайшла з уніяцтва ў 1795 г., атрымала зямлю па фундацыі 1810 г. [10, арк. 1]. Звычайна адзнака аб стане дакументаў (чацвёртая графа) абмяжоўвалася запісам аб іх наяўнасці і захоўванні ў царкве.

Другая частка ўтрымлівала звесткі пра духавенства, якія ўносіліся ў табліцу па іерархіі пасад. Табліца складалася з 9—10 граф. У першай адзначаліся імёны святароў і членаў іх сямей, характарызувалася месца іх пражывання, напрыклад, святаром Бучкоўскай царквы ў 1812 г. з'яўляўся Васілій Сулкоўскі, які меў трох сыноў і дачку, пражываў ва ўласным доме на фундашавай зямлі [10, арк. 1адв. — 2]. У другой графе адзначаўся іх узрост, у трэцяй — сямейны стан, чацвёртай — адукацыя ў семінарыі і курс навук. Пятая графа належала царкоўнаслужачым — ці ўмелі чытаць і піць па нотах. У шостаў графе адзначалася месца знаходжання і адукацыя дзяцей кліру. Цікаваць прадстаўляюць сёмая і восьмая графы: рукапалажэнне і месцы служэння (сёмая), а таксама падсуднасць (восьмая). Удовы і сіроты духавенства, якія пражывалі ў прыходзе, а таксама крыніцы іх утрымання, адзначаліся ў дзявятай графе. Табліцу таксама падпісаў благачынны, які мог дадаваць звесткі пра змены з моманту складання ведамасці, а таксама прастаўляў адзнакі аб здольнасці духавенства да далейшага выканання абавязкаў (дзясятая графа) [10, арк. 1адв. — 2].

Завяршаліся ведамасці ў пачатку XIX ст. табелем (выніковай табліцай), згодна з якім у 1812 г., напрыклад, Мазырскаму духоўнаму праўленню падпарадкоўвалася ўжо 62 прыходскіх і 30 прыпісных цэркваў, з якіх дзве згарэла. Душпастырскія абавязкі ў іх выконвалі 5 пратапапоў, 63 святары, з якіх адзін быў сляпым, два дыяканы, 43 дзяка, 47 панамароў [10, арк. 122—123]. З 1823 г. пасля даных аб прыходскім духавенстве фіксаваліся заштатныя святары і манахі, сіроты, якія знаходзіліся пад апекай царквы. З 1824 г. афіцыйна замацавалася адностраванне ў кліравых ведамасцях дзяцей святароў жаночага полу, якія знаходзіліся пры бацьках, хоць на практыцы гэта рабілася з пачатку XIX ст. У 1825 г. была дададзена графа аб сваяках, у якой характарызуваліся роднасныя сувязі ўнутры духавенства адной царквы. У 1826 г. была ўведзена інфармацыя аб жонках святароў (імя, імя па бацьку, узрост) і просвірных — жанчынах, якія выпякалі просвіры (імя, імя па бацьку, прозвішча, узрост, дзе пражывае (ва ўласным доме, царкоўным або ў каго-небудзь)).

У 1829 г. адбыліся чарговыя змены структуры кліравых ведамасцей, якія пачынаюць уключаць тры раздзелы. У першым характарызувалася царква, што было ўніфікавана ў 18—19 пунктах. У іх адзначаліся дата і крыніцы пабудовы, знешні і ўнутраны выгляд царквы, дастатковаць рэчаў для правядзення набажэнстваў, колькасць прычту па ўказах Сінода (у прыватнасці

1818 г.), характарыстыка зямельных валоданняў і дамоў прычту, іншых пабудоў, крыніцы ўтрымання. Як і ў ведамасцях узору 1812 г., былі звесткі пра аддаленасць царквы ад адміністрацыйных цэнтраў і бліжэйшых цэркваў. Новымі былі звесткі пра наяўнасць прыпісных і дамовых цэркваў, якія раней афармляліся асобна. Таксама адзначалася наяўнасць завераных вопісаў маёмасці царквы, копіі метрычных кніг і споведных ведамасцей з пазначэннем перыяду, а таксама кніг перадшлюбных вобыскаў [13, арк. 2—2адв.]. У фармуляры першай часткі кліравых ведамасцей з 1841 г. адбываюцца неістотныя змены, як вывядзенне датавання перамяшчэння па пасадах у асобную графу [15, арк. 117—124]. Акрамя таго, з увядзеннем дзялення цэркваў на класы ў 1840—1850 гг. у залежнасці ад колькасці прыхаджан пазначаўся клас царквы [16, арк. 1—2адв.]. Цікава, што метрычныя кнігі захоўваліся ў цэрквах з XVIII ст., як у с. Блужа (з 1765 г.) [18, арк. 21].

У другім раздзеле падаваліся звесткі пра прычт. Колькасць і пасады святароў з увядзеннем Статута духоўных кансісторый у 1841 г. былі вызначаны наступным чынам: для вясковых цэркваў з колькасцю прыхаджан-мужчын да 800 чалавек прызначаўся толькі адзін святар, а калі іх было менш 400 — святар і два царкоўнаслужачых, уніфікаваліся патрабаванні да рукапалажэння і прызначэння святароў [32, арт. 74—76, 80, 82]. Інфармацыя ўносілася тая ж, што і ў кліравыя ведамасці ўзору 1812 г., але акцэнтавалася пісьменнасць, веданне катэхізіса і здольнасць да спеваў усіх членаў кліру, адзнакі па службе, узнагароджанасць, здольнасць да далейшага выканання абавязкаў, а таксама паводзіны дзяцей падчас адпачынку дома [13, арк. Задв. — 7]. Напрыклад, у 1830 г. 47-гадовы панамар Слуцкай Васкрасенскай царквы Іосіф Фёдаравіч Бяляўскі не меў духоўнай адукацыі, не ведаў катэхізіс, дрэнна чытаў, але добра спяваў. У 1829 г. за нецвярозасць ён быў накіраваны ў кляштар на тры тыдні [14, арк. 11адв. — 12]. У той жа час дзяк прыпіснай Хракоўскай царквы 53-гадовы Іосіф Пракопіеў Сімановіч за забавоны быў накіраваны на «чорныя работы» ў духоўнае праўленне на працягу месяца [14, арк. 28адв. — 29]. Іншыя характарыстыкі меў у 1836 г. святар саборнай Навагрудскай царквы 29-гадовы сын святара Міхаіл Васільевіч Бараноўскі. Ён скончыў Жыровіцкае вучылішча і семінарыю. Рукапакладзены ў 1832 г. і прызначаны ў г. Супрасль, а з 1835 г. — Навагрудак. Меў жонку Крысціну (нар. каля 1813 г.) і дачку Юлію (нар. каля 1834 г.). З 1829 г. служачыя ў саборах упісваліся ў кліравыя ведамасці ў адпаведнасці са штатнымі пасадамі [29, т. XXVIII, арт. 21575]. Так, членамі кліру мінскага Петрапаўлаўскага сабора ў 1870 г. былі протаіерэй Юльян Філімонавіч Вержыкоўскі, ключар протаіерэй Іаан Якаўлевіч Прорвіч, святары Лаўрэнцій Стэфанавіч Падольскі і Іаан Міхайлавіч Праваловіч, протадыякан Павел Міхайлавіч Казякоўскі, былы протадыякан Афанасій Гаўрылавіч Малевіч, дыяканы Іаан Іосіфавіч Ненадкевіч, Васілій Лявонцёвіч Пігулеўскі і Пётр Іванавіч Гіранскі, на пасадах псаломшчыкаў працавалі Міхаіл Паўлавіч Іванішаў і Ігнацій Рамуальдавіч Трыдэнцкі, а пры-

чотнікамі былі Варфаламей Антонавіч Крысінскі, Цярэнціў Іосіфавіч Мацкевіч, Ісаак Васільевіч Далмацкі [19, арк. 80—98адв.]. Утрыманне магло быць павышана па рашэнні грамадзянскіх органаў улады, напрыклад, у 1870 г. святар Навасвержанскай царквы дадаткова атрымліваў 140 руб., дзяк — 20 руб., панамар — 8 руб. [19, арк. 118—122]. Пасля штатных і пазаштатных членаў прычту з іх сем'ямі адзначаліся просвірні і ўдовы з пазначэннем пасад іх мужоў, наяўнасці і памераў утрымання. Сіроты таксама адзначаліся да 1870-х гг. [1]. У апошняй графе адзначалася наяўнасць рухомай маёмасці ва ўласнасці святара ці яго жонкі, напрыклад, вышэйзгаданы М. В. Бараноўскі маёмасці не меў [15, арк. 7адв.].

У трэцім раздзеле — пра прыхаджан — запаўнялася табліца з чатырох граф: месца жыхарства і саслоўе прыхаджан, колькасць двароў, насельніцтва, аддаленасць ад царквы і наяўнасць перашкод у доступе [13, арк. 4—17]. Так, Навасвержанская царква знаходзілася ў 77 вёрстах ад Мінскай духоўнай кансісторыі, 45 вёрстах ад благачыннага, а бліжэйшымі да яе былі Стаўпецкая (2 вярсты) і Старасвержанская (5 вёрст) царквы [19, арк. 118—122]. Пад табліцай адзначаліся таксама іншаверцы і каталікі [13, арк. 4—17]. Падпісвалі кліравыя ведамасці ўсе члены прычту, якія неслі адказнасць за даставернасць прадстаўленых звестак. Да кліравых ведамасцей маглі далучацца дадатковыя дакументы, як у 1856 г. спіс прыхаджан Барокскай царквы Барысаўскага павета, якія далучыліся да праваслаўя ў гэтым годзе [17, арк. 7адв.].

У 1875—1880-х гг. у другім раздзеле з'яўляюцца запісы аб удзелах духавенства і царкоўнаслужачых у ваенных паходах, якія звычайна не запаўняліся святарамі Мінскай губерні [22, арк. 65адв. — 66]. Забаранялася дзейнасць сваякоў на пасадах святара і дзяка ў адным прыходзе, хаця сваяцтва ў асяроддзі духавенства было частай з'явай. Напрыклад, у 1875 г. у Хатыніцкай царкве святаром і мясцовым благачынным з'яўляўся Максім Данілавіч Ціхановіч, панамаром яго брат — Аўксенціў, а дзякам быў шурын панамара — Пётр Еўдакімавіч Ваўчковіч. Пры гэтым яны былі перамешчаны з розных месцаў у Хатынічы па ўласных прашэннях [20, арк. 364—367]. Адзначаліся і роднасныя сувязі просвірні Разаліі Іванаўны Каржанеўскай, якая была сястрой жонкі святара Грышчавіцкай царквы Іаана Антонавіча Малевіча [21, арк. 70адв. — 71]. З 1878 г. у спісы ўносіліся таксама дзеці членаў прычту, нават калі яны пражывалі асобна ад бацькоў [1]. Перашкоды на дарозе прыхаджан да царквы маглі адзначацца больш дакладна, як у дачыненні Блужскай царквы Ігуменскага павета, у кліравай ведамасці якой адзначаліся геаграфічныя асаблівасці размяшчэння — рэкі Свіслач і Галька, а таксама забалочанасць мясцовасці [23, арк. 24адв.].

У 1880-я гг. друкаванія фармуляры кліравых ведамасцей выкарыстоўваліся ў справядстве царкваў г. Мінска [24, арк. 90—161], але толькі з 1895 г. шырока распаўсюджвацца фармуляр, выраблены Маскоўскай сінадальнай друкарняй, які ўключаў чатыры раздзелы. Ён выкананы ў выглядзе трафарэту з абавязковымі для запаўнення фармулёўкамі на царкоўнаславянскай мове, але

запаўненне вялося на рускай мове. Дзяленне на раздзелы захавалася. У першым раздзеле асобна адзначалася наяўнасць званні пры царкве, сума скарбоначных даходаў і іншыя крыніцы ўтрымання прычту, сярэдні даход ад царкоўнай зямлі, стан двароў прычту. У гэты ж раздзел было ўключана апісанне капліц, у тым ліку дамовых і на могілках. У асобных пунктах вылучаліся выдзеленыя прыходна-расходных кнігі і стан царкоўнай бібліятэкі, а таксама захоўванне царкоўных грошай і адказныя за гэта асобы. Уводзіцца інфармацыя пра прыходскія школы і іх утрыманне, колькасць навучэнцаў у іх, а таксама старастаў прыхода і год наведвання прыхода епіскапам. Так, пераважная частка прыходаў Пінскага павята наведвалася ў 1900—1905 гг., а Хоінская і Хатыніцкая царквы ў 1897—1898 гг. [28, арк. 493адв., 507адв., 535адв., 685адв., 695адв.].

У другім раздзеле, які быў рэструктураваны, дадаліся звесткі пра адпачынак кліру. Пры гэтым адзначалася, ці свачасова вярнуўся святар або значнасць прычыны спазнення [25; 28, арк. 2—6адв.]. Напрыклад, святару Бялянскай царквы Міхаілу Аляксеевічу Туміловічу ў сувязі з хваробай выдзяляўся адпачынак у жніўні, кастрычніку, лістападзе 1911 г., маі і чэрвені 1912 г. Як і іншыя святары, ён не скарыстаўся гэтымі магчымасцямі з-за адсутнасці сродкаў. Аднак у лістападзе 1911 г. адзін раз з'ездзіў у г. Кіеў на пяць дзён [28, арк. 54адв. — 55]. Таксама адзначалася, ці быў прадстаўнік кліру за штатам або без месца і тэрмін. Новымі былі звесткі пра паводзіны кліру і членаў іх сем'яў, якія паведамляліся благачынным наглядцам. З 1909 г. дазвалялася не ўносіць звесткі пра нязначныя вымовы, заўвагі і епітымі тэрмінам менш за тры тыдні [1]. Пры гэтым не акцэнтавана наяўнасць роднасных сувязяў паміж членамі кліру [26]. У трэцім раздзеле структураваны звесткі пра неправаслаўных жыхароў прыходу: асобна неабходна было пазначыць колькасць асоб іншаслаўных і нехрысціянскіх веравызнанняў, раскольнікаў і сектантаў з пазначэннем плыняў [25; 28, арк. 2—6адв.].

Уведзены чацвёрты раздзел уключаў звесткі пра заштатных святароў і царкоўных служачых, аб іх удовах і сіротах. Ён афармляўся ў выглядзе табліцы з сямі граф. У першай падаваліся асабовыя звесткі, другой — сямейны стан. Прычыны перамяшчэння заштат пазначаліся ў трэцяй графе разам з інфармацыяй пра службу і сан. У выпадках удоў і сірот тут прыводзіліся звесткі пра мужоў і бацькоў. Утрыманне (чацвёртая графа) адзначалася разам з яго крыніцамі (казначэйства, Сінод, апека аб бедных духоўнага звання). У пятай графе была падсуднасць, а ў шостаі — паводзіны, сёмай — наяўнасць маёмасці [25, арк. 452—453]. Напрыклад, у Дзеражыцкай царкве Рэчыцкага павята ў 1902 г. пражывалі заштатныя псаломшчыкі Якаў Іосіфавіч Мігай і Андрэй Стэфанавіч Ляманскі, якія мелі халодныя пабудовы на царкоўнай зямлі, а ўдава святара Марыя Сямёнаўна Гарбацэвіч таксама ўласны дом. Разам з імі запісаны дачка псаломшчыка Ксенія Львоўна Неўская і ўдава заштатнага панамара Глікерыя Іванаўна Мігай, якія не мелі маёмас-

ці [27, арк. 103адв. — 106]. З 1912 г. звесткі пра заштатных і ўтрымліваемых асоб зноў уключаюцца ў другі раздзел кліравых ведамасцей [28].

Такім чынам, вышэйадзначанае дазваляе аднесці кліравыя ведамасці да агульнай справаходнай дакументацыі прадстаўніцтваў праваслаўнай царквы, хача іх інфармацыйны патэнцыял не вычэрпваецца асабовым складам духавенства. Да пачатку XX ст. яны афармляліся на рускай мове, а з пачаткам выкарыстання бланкаў Маскоўскай синадальнай тыпаграфіі — нязменная інфармацыя ўносілася на царкоўнаславянскай мове. Агульнай інфармацыяй для ўсіх фармуляраў ведамасцей з’яўляецца характарыстыка царкоўных пабудоў, прыпісных цэркваў і капліц, рэчаў для правядзення набажэнстваў, колькасці святароў, усебаковая адзнака святароў і царкоўных служачых (у тым ліку узрост, паходжанне, узровень адукацыі, сямейны стан, падушнасць, кар’ерны рост). У канцы адзначалася колькасць прыхаджан і двароў, у якіх яны пражывалі.

У гістарыяграфіі маюцца розныя звесткі па этапах змены фармуляра кліравых ведамасцей [31, с. 329—331; 33]. Тым не менш, у яго развіцці ў Мінскай епархіі можна вылучыць чатыры этапы. Пры гэтым неабходна ўлічваць, што новыя фармуляры распаўсюджваліся ва ўсіх яе цэрквах за адзін — два гады, а не адначасова. У канцы XVIII ст. — 1811 г. (першы этап) выкарыстоўваліся табліцы з 9—10 граф, якія завярталіся подпісамі царкоўнага прычту і прадстаўлялі кароткую інфармацыю пра царкву, духавенства і прыхаджан. З 1802—1803 гг. інфарматыўнасць кліравых ведамасцей узрастае за кошт звестак пра дакументацыю царквы, сямейны стан і пісьменнасць кліру, а таксама пераліку населеных пунктаў у прыходзе. У ведамасцях пазначаюцца дзеці святароў і пазаштатныя святары, якія ўлічваліся таксама ў выніковай ведамасці па духоўным праўленні (благачынні). Ведамасці з гэтага часу падпісваў благачынны. У 1812 г. (другі этап) уведзіцца дзяленне ведамасці на дзве выразныя, больш падрабязныя ў параўнанні з папярэднім этапам, часткі (табліцы) — пра прыход і духавенства. Звесткі пра царкву дапоўніліся датамі яе заснавання і асвячэння, належнай маёмасці, а таксама адзначаўся стан архіва. Паступова змяняецца інфармацыя пра духавенства, якая да 1829 г. уключае звесткі пра жонку і дачок святара, просвірней, удоў і сірот, якія пражывалі пры царкве. У 1829 г. (трэці этап) адбылося падзяленне фармуляра кліравых ведамасцей на тры часткі — пра царкву, прычт і прыход. У першай інфармацыі разбіваецца на 18—19 пунктаў, уключаючы маёмасць царквы і крыніцы яе ўтрымання. Асобна адзначаецца яе аддаленасць ад цэнтраў іншых прыходаў, а таксама вядзенне кніг перадашлюбных вобыхскаў. У другой частцы акцэнтуецца здольнасці членаў царкоўнага кліру, а таксама наяўнасць уласнай маёмасці. У трэцяй частцы кліравай ведамасці адзначаецца саслоўная прыналежнасць прыхаджан, а таксама інфармацыя пра наяўнасць іншаверцаў у прыходзе, яго старасту. У 1875—1880-х гг. у другім раздзеле з’яўляюцца запісы аб удзелах у ваенных паходах, якія звычайна не запаўняліся святарамі Мінскай губерні, а таксама роднасных сувязях кліру адной царквы. З 1895 г. (чацвёрты этап) пачынаецца выкарыстанне фармуляра кліравых веда-

масцей, вырабленага ў Маскоўскай синадальнай друкарні, які ўключаў чатыры раздзелы. Уводзяцца адзначэнне прыходскіх школ і крыніц іх утрымання, колькасць навучэнцаў. Акрамя таго, абавязковай інфармацыяй становіцца год наведвання прыхода епіскапам (першая частка), адпачынак кліру пры адсутнасці графы пра роднасныя сувязі (другая частка). Новая — чацвёртая — частка ўключыла звесткі пра заштатных святароў і царкоўных служачых, іх удоў і сірот з пазначэннем іх маёмасці, крыніц утрымання.

Таму кліравыя ведамасці Мінскай праваслаўнай епархіі, якія на рэпрэзентатыўным узроўні захаваліся ў НГАБ, могуць выкарыстоўвацца для даследавання як канфесіянальнай гісторыі Беларусі, так і развіцця праваслаўя, асобных прыходаў, штодзённасці. Яны прадстаўляюць шырокія статыстычныя звесткі, што патрабуюць крытычнага вывучэння. Азначаныя крыніцы могуць выкарыстоўвацца таксама ў мастацтвазнаўчых, архівазнаўчых, дакументазнаўчых, генеалагічных, біяграфічных, прасапаграфічных і іншых напрамках даследаванняў.

Крыніцы і літаратура

1. Клировые ведомости // Полный православный богословский энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://theological_encyclopedia.academic.ru/ Клировые ведомости. — Дата доступа: 16.05.2018.
2. Литвак, Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX — начало XX в. / Б. Г. Литвак. — Москва: Наука, 1979. — 293 с.
3. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. — Ф. 136.
4. Там жа. — Ф. 136. — Воп. 1. — Спр. 40392.
5. Там жа. — Спр. 40400.
6. Там жа. — Спр. 40406.
7. Там жа. — Спр. 40425.
8. Там жа. — Спр. 40433.
9. Там жа. — Спр. 40454.
10. Там жа. — Спр. 40482.
11. Там жа. — Спр. 40573.
12. Там жа. — Спр. 40594.
13. Там жа. — Спр. 40603.
14. Там жа. — Спр. 40610.
15. Там жа. — Спр. 40643.
16. Там жа. — Спр. 40740.
17. Там жа. — Спр. 40787.
18. Там жа. — Спр. 40804.
19. Там жа. — Спр. 40902.
20. Там жа. — Спр. 40936.
21. Там жа. — Спр. 40944.
22. Там жа. — Спр. 40968.
23. Там жа. — Спр. 41002.
24. Там жа. — Спр. 41032.
25. Там жа. — Спр. 41074.

26. Там жа. — Спр. 41087.
27. Там жа. — Спр. 41132.
28. Там жа. — Спр. 41152.
29. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собрание первое: в 45 т. — Санкт-Петербург: Тип. II отд. собств. ЕИВ канцелярии, 1830—1851.
30. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе: в 55 т. — Санкт-Петербург: Тип. II отд. собств. ЕИВ канцелярии, 1830—1884.
31. Спичак, А. В. Эволюция оформления клировых ведомостей в Тобольской епархии в XVIII — начале XX веков / А. В. Спичак // Научный диалог. — 2015. — № 12(48). — С. 328—338.
32. Устав духовных консисторий — Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1843. — 193 с.
33. Чибисов, М. Е. Клировые ведомости как источник по истории приходов Барнаульского духовного правления Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1804—1864 гг.): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. — Барнаул, 2006. — 243 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.dslib.net/istorio-grafia/klirovye-vedomosti-kak-istochnik-po-istorii-prihodov-bamaulskogo-duhovnogo.html>. — Дата доступа: 11.02.2018.

Артыкул наступіў у рэдакцыю 10.09.2018

Е. В. Серак,

*заместитель декана, доцент кафедры философии и политологии
Белорусского государственного медицинского университета,
кандидат исторических наук;
e-mail: alens@tut.by*

НАРРАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ В РЕКОНСТРУКЦИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ССЫЛЬНЫХ УЧАСТНИКОВ ВОССТАНИЯ 1863—1864 гг. В СИБИРИ

В последнее десятилетие XX в. в исторической науке утверждается новый подход к событиям прошлого, история представлений выделяет в числе факторов, влияющих на исторические события, систему коллективных представлений восприятия окружающей действительности. В этом смысле именно нарративные источники, с их ярко выраженной личностной окраской, являются ценным источником по истории представлений. Сегодня, все большее значение приобретают свидетельства «индивидуальной памяти». Воспоминания, как никакой другой источник, несут в себе отпечаток личности автора, его ментальные установки. Скрытие или изменение сведений автором — это отражение мира представлений в соответствии с особенностями менталитета, типом сознания, предложенными обстоятельствами, которые заставляют видеть описываемые события именно так, а не иначе. Анализ мемуаров позволяет не только реконструировать прошлое, но и выявить образ события, сложившийся в представлениях автора.

Проблеме изучения эпистолярной и мемуарной литературы, написанной осужденными за участие в восстании 1863—1864 гг. и приговоренными к ссылке на каторжные работы и поселение в Сибири, уделили существенное внимание польские исследователи Б. Ендрыховская, Я. Трыньковский [1; 2]. Российским автором Р. В. Оплаканской отмечено несовершенство подходов в изучении мемуаров и воспоминаний, обозначен тезис о необходимости их источниковедческого анализа [3]. Ряд аспектов, связанных с динамикой развития основных разновидностей сибирской мемуаристики XIX в., представлены в работе Н. П. Матхановой [4]. Объектом исследования И. В. Кобак являются задачи и приемы анализа личной переписки как исторического источника, с учетом существующих взглядов на различные точки зрения изучения писем [5].

В XIX в. умели и любили писать письма, это был самостоятельный жанр со своими правилами и канонами, порой чертами художественного, публицистического или философского характера. Свидетельства этой группы источников связаны своим происхождением с непосредственными персоналиями ссыльных участников восстания 1863—1864 гг. Эта группа отличается наибольшей эмоциональностью, где в первую очередь авторы обращают внимание на реализацию репрессивной политики российскими властями, начиная с момента ареста, следствия, вынесения приговора и последующего препровождения в Сибирь до размещения в местах отбывания наказания. Корреспонден-

ция сосланных в Сибирь уроженцев Беларуси, принявших участие в восстании 1863—1864 гг., позволяет проследить процесс установления и функционирования контактов ссыльных с исторической родиной и влияние этих контактов на адаптацию в условиях ссылки. Переписка помогает представить взаимоотношения ссыльных с близким окружением. Из ее узнаем о причинах невозвращения на прежнее место жительства, о желании вступить в брак, об оказании или невозможности оказания материальной помощи родственниками [6, л. 3—3об.; 7, л. 11—12; 8, л. 35—35об.; 9, л. 99—100; 10, л. 78—78об.].

Комплекс неопубликованных архивных материалов, которые располагают эпистолярным наследием повстанцев 1863—1864 гг., содержится в фондах Национального исторического архива Беларуси, Литовского государственного исторического архива, Главного архива древних актов в Варшаве. Часть его сохранилась в исторических архивах городов Перми, Томска, Тобольска, Омска, Иркутска и других непосредственных местах ссылки. В первую очередь в фондах канцелярий полицейских органов, департаментах полиции, жандармских управлений, так как переводы писем с польского языка, как правило, оставались в делопроизводстве органов надзора. В фонде Виленского общества любителей наук нами выявлено «Собрание писем известных лиц к Витольду Оскерко». Эта переписка включает письма А. Одьнца, П. Яшиной, Е. Коновалова и других, письма датируются 1865, 1868, 1882 гг. [11].

Интересным комплексом документов, представляющим хронику жизни ссыльных в Сибири, отражающим разные судьбы людей, является переписка Ф. Мурашко, А. Прушинского, Я. Качковского, С. Радовичевой с семьей, родными и друзьями [12—14; 15]. Благодаря письмам Л. Бальцера, который после окончания срока каторги остался работать в ресторане Иркутска, а позднее стал владельцем двух лавок, возможно узнать, в каких условиях и на каких основаниях осуществлялась предпринимательская деятельность ссыльных, заключались торговые сделки, фамилии лиц, занимавшихся кушлей, а также продажей в г. Иркутске [16].

Большой блок писем принадлежит Михалу Юзефу Жабе, шляхтичу Дисненского уезда Виленской губернии, который был выслан за участие в восстании на жительство в Томскую губернию [17, л. 35]. Его переписка, не считая конспектов книг и других бумаг, насчитывает 59 единиц хранения и находится в государственном историческом архиве Омской области, в деле о злоупотреблениях курганского городничего М. А. Карпинского [18, с. 363]. Письма были адресованы родителям — отцу Юзефу и матери Иоанне, которые проживали в имении Шо Прозорокской волости Дисненского уезда Виленской губернии, приятелю из Витебска, а также брату, сосланному в Пермскую губернию. Корреспонденция, сосредоточенная в фондах архива, охватывает первые годы ссылки 1864—1866 гг. [19, с. 41—42].

Материалы переписки предоставляют возможность характеризовать поведенческие модели ссыльных, формы взаимодействия представителей местного

населения и ссыльных в условиях совместного проживания. Упоминание в письмах фамилий сотоварищей дает возможность рассматривать корреспонденцию как своеобразный документ, содержащий списки ссыльных, находившихся в одной партии, дополненные иногда их психологическими портретами. Так, например, «Виделся с Пуховичем и женой его и дочерью в Тобольске, вместе мы шли на пароходе до Томска. Узнал в дороге Горшечника Андрея, Петраскевича тоже в пожилых годах и при нездоровье, квартируем недалеко один от другого» [20, л. 139—139об.]. В переписке имеет место описание случаев нездоровья и болезней, лечения в больницах, встречаются записи о смерти товарищей и местах их захоронения. Имеются записи об общении между самими ссыльными, ссыльными и сопровождавшими их солдатами или встречавшимся по пути населением, которые являются источником сведений о моральном и физическом состоянии и о поведении людей, оказавшихся в условиях несвободы в суровом краю среди чужого населения.

В письмах многие ссыльные сожалели, что были вовлечены в поток восстания, не имели четких политических убеждений и в ссылке остро осознавали напрасность своих усилий и крушение надежд на будущее. Участники восстания 1863—1864 гг. с горечью описывали, что были осуждены невинно, по доносу. Так, Августовский гражданский губернатор в выписке представлял сведения о десяти лицах, подозреваемых в ложных доносах «из видов корыстолобия» [21, л. 93]. В ходе работы следственной комиссии были выявлены факты того, что свидетели по несколько раз то обвиняли, то отказывались от обвинений, «утверждая, что они вовсе не знают обвиняемых и, что показания их относились к другим лицам». Без внимания оставались «требования подсудимых, что свидетельства против них ложны, обвиняемым отказывалось в даче очной ставки с обвинителями» [21, л. 94].

С течением времени в письмах появляются детали, связанные с повседневной жизнью ссыльных: описание бытовых условий, цен на продукты, тогда как информации о жителях Сибири в них содержалось мало. Как правило, участники восстания описывали сообщество ссыльных, состояние дел общих знакомых, что отчасти подтверждает их недостаточную включенность в принимающее общество. Жизнеощущение и характер писем изменялся, когда ссыльные находили работу, осваивали новые виды занятости, осуществляли предпринимательское дело.

Иными по духу являются письма от родных и близких. Занятые повседневными заботами родственники ссыльных писали о своих насущных делах и проблемах «Слава богу мы все здоровы ... Степан уже смеется, начинает узнавать, Валентин верхом ездит, Соня постоянно занята мытьем или гладит и собирается к своему папе ... Ни слуг, ни нянек у меня нет. Все хлеба и луга потравлены лыщиковскими (имение Лыщики Пружанского у. Гродненской губ. — Е. С.) крестьянами, на зиму ничего не будет посеяно ...» [22, л. 310]. Обрушившиеся на них беды воспринимали как испытание, порой избегали

разговоров в семье о случившихся событиях, но имели место и обвинения со стороны родных и близких «... неприятно слушать выговор отца за то, что ты вмешался в эти дела» [22, л. 310].

В изучении корреспонденции ссыльных актуален вопрос о внутренних и внешних ограничениях, которые обуславливались, с одной стороны, общественной атмосферой, а с другой, угрозой перлюстрации и возможного полицейского преследования. Так, процедура перлюстрации корреспонденции ссыльных повстанцев являлась обязательной. Переписка подобной группы лиц подвергалась цензуре начиная с 1820-х гг. на протяжении всего XIX в. «Все письма, написанные политическими ссыльными во время пути следования, должен забирать начальник конвоя и по прибытии в первый же губернский город передавать губернатору, который, прочитав их, должен переслать по указанному адресу, а в случае, если они возмут сомнения или подозрения, переслать в III Отделение для следующих распоряжений. Это предписание должно быть объявлено политическим ссыльным на исходных пунктах отправки» [23, с. 77].

Сложная процедура полицейского контроля приводит к тому, что многие из отправленных писем попадали к адресатам с большим опозданием, иногда в них были вымараны отдельные слова или целые предложения, а некоторые послания вообще не доходили по назначению, оставаясь в бумагах полицейских ведомств. Действовавшие правила приводили к задержке почтовых сообщений, а также в значительной степени оказывали влияние на их содержание [24, s. 128—139]. По прибытии к месту назначения ссыльные были ознакомлены с порядком ведения корреспонденции. Разрешение вести переписку трактовалось властями как привилегия, которой ссыльные могли воспользоваться только один раз в три месяца, все письма должны представляться лично генерал-губернатору в открытых конвертах. Некоторые ссыльные, правда, сумели искусно обходить эти правила. Цензурные и полицейские ограничения не распространялись на тех, кто последовал в Сибирь добровольно вслед за ссыльными родственниками. Так, Ф. Зенькович, приговоренный к каторжным работам в Уsole, писал своей сестре несколько раз в месяц, подписываясь именем О. Лаговской, которая прибыла в Сибирь добровольно вслед за сосланным на каторгу мужем. Избежать процедуру перлюстрации возможно было, прибегнув к передаче писем через доверенное лицо. «Письма приходили с огромным опозданием, так как кунгурский исправник должен был отсылать их на контроль в Пермь (никто на месте не знал польского языка). Но со временем был найден способ полрубля за одно письмо постовому писарю, которое он приносил адресату перед тем как вручить исправнику» [25, s. 87].

Среди опубликованной корреспонденции сосланных повстанцев 1863—1864 гг. особое место занимают 85 писем Ф. Зенковича, написанные за время его семнадцатилетней каторги в Уsole и пребывания на поселении в Иркутске (1864—1881). Исследовательскую ценность представляют его письма в изуче-

нии вопросов этапирования и организации жизни повстанцев в Сибири. В них запечатлена активность ссыльных, а также контакты и сотрудничество с представителями местной администрации и купеческой среды. В письме к своей сестре Паулине Ф. Зенкович писал, что «педагогическая деятельность поглотила меня всецело, я принял приглашение занять должность гувернера сразу в трех русских семьях. Поэтому ухожу в восемь часов утра и только в половине восьмого вечера возвращаюсь домой. День проходит без перерыва и отдыха между уроками, ни сил, ни времени не остается ни на что» [1, s. 121].

Иное место имеют нарративные источники, оставленные детьми повстанцев в конце XIX в., которым довелось пережить события 1863—1864 гг. или разделить участь ссыльной семьи. Они поставили себе цель сохранить память и спасти от забвения судьбы ссыльных родителей и их окружения в Сибири. Среди них можно выделить воспоминания Я. Остроменцкой, С. Карнацевича, М. Андроновского и др.

Благодаря воспоминаниям сына ссыльного Юзефа Карнацевича Станислава возможно проследить профессиональную карьеру его отца в ссылке, что является в некоторой степени однотипным и для других лиц, занятых в сфере медицины.

Юзеф Карнацевич родился в 1837 г. в семье дворянина в д. Станилевичи Поставского уезда Виленской губернии. За участие в восстании 1863—1864 гг. он был подвергнут военному суду и «приговорен к отдаче в арстантские роты сроком на 4 года, а за окончанием срока . . . отсылается в Сибирь» [26, л. 2]. В 1867 г. Юзефу Карнацевичу удалось устроиться фельдшером в Ишимской городской больнице, где он показал себя сведущим и профессиональным специалистом. Из Ишима в 1869 г. Ю. Карнацевич переехал в Тюмень, где в течение 14 лет работает фельдшером под руководством земского врача. В 1877 г. он получает разрешение на временный выезд из Сибири. В этом же году в Варшавском университете Карнацевич успешно сдает экзамен на звание старшего фельдшера и получает диплом. С 1889 г. его принимают на постоянную службу в должности фельдшера на Тюменский кожевенный завод, где он работал на протяжении 29 лет. Ссыльный фельдшер имел обширную практику, пользовался известностью и уважением среди населения Тюмени [26, л. 2].

О профессиональной адаптации своей матери Казимиры пишет Ядвига Остроменцкая. В предповстанческий период К. Остроменцкая, уроженка Кобринского уезда Гродненской губернии, получившая образование в Митаве (Курляндия) в одной из частных женских школ, где овладела несколькими иностранными языками [27, s. 246, 252, 254]. Находясь в ссылке, в результате настойчивых прошений она получила место учителя французского и немецкого языков в женской гимназии в Томске. Остроменцкая с большим увлечением отдавалась урокам, была окружена уважением коллег и гимназисток. Ею была разработана авторская методика преподавания иностранного языка для начинающих с помощью картинок, которая успешно использовалась в

работе с учениками младших классов гимназии. Комиссия, которая инспектировала Томскую гимназию, была чрезвычайно удивлена языковым навыкам гимназисток [27, s. 54].

Имея высокий личностный адаптивный потенциал, шляхтич имения Андроново Кобринского уезда Гродненской губернии И. Андроновский смог в условиях ссылки органично войти в хозяйственную и общественную жизнь Сибири. Воспользовавшись местными условиями жизни, он сумел развернуть свое дело, стал известным сибирским виноторговцем. В Томске он владел винным заводом «София», основанным в 1885 г., и пивоваренным производством в Барнауле. Кроме этого, ссыльный И. Андроновский открыл около 20 лавок и ресторанов. Помимо предпринимательства, И. Андроновский активно занимался общественной деятельностью, в 1902—1905 гг. он был гласным городской думы и членом комитета по строительству костела в Барнауле. В Сибири он женился, и здесь у него родились 4 сыновей и 5 дочерей, которые после его смерти основали Торговый дом «И. И. Андроновский и сыновья» [28, s. 16, 19, 23].

На основе анализа данных нарративных источников расширяются возможности изучения вопросов устройства и функционирования ссыльно-этапной системы, а также репрессивной политики Российской империи середины XIX в. Переписка позволяет определить проблемы восприятия мест ссылки повстанцами, факторы, обусловившие адаптацию к новым реалиям и интеграцию ссыльных уроженцев Беларуси в сибирский социум, а также их социальную роль в освоении региона. В мемуарах затрагивается тема личного опыта службы ссыльных участников восстания в различных государственных ведомствах Сибири, а также они выступают дополнительным источником в решении вопроса о профессиональной адаптации в ссылке, осознания своей роли в новом качестве — жителей Сибири.

Источники и литература

1. Jędrzychowska, B. Wszystkim obcy i cudzy. Feliks Zienkiewicz i jego listy z Siberii 1864—1881 / B. Jędrzychowska. — Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół Ossolineum, 2005. — 444 s.
2. Трынковский, Я. Юлиан Сабиньский (1797—1869) и его «Дневник» — уникальный источник по истории ссыльных поляков и не только / Я. Трынковский // Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы (Изучение и публикация исторических источников в России и Польше) / отв. ред. Н. А. Макаров. — Москва, 2011. — С. 119—127.
3. Оплаканская, Р. В. Социально-политический и этнокультурный облик Сибири XIX века в мемуарах и воспоминаниях польских политических ссыльных / Р. В. Оплаканская // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII—XIX вв.: сб. тр. / Рос. акад. наук, Ин-т истории; редкол.: М. В. Шиловский (отв. ред.). — Новосибирск, 2005. — С. 58—69.
4. Матханова, Н. П. Сибирская мемуаристика XIX века / Н. П. Матханова. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. — 551 с.

5. Кобак, И. В. Письма как исторический источник задачи и приемы изучения / И. В. Кобак // Вестник СПбГУ. Серия 2. — 2012. — Вып. 2. — С. 142—148.
6. Национальный исторический архив Беларуси (далее — НИАБ). — Ф. 296. — Оп. 1. — Д. 19.
7. Там же. — Ф. 1430. — Оп. 1. — Д. 31252.
8. Там же. — Д. 31255.
9. Национальный исторический архив в г. Гродно (далее — НИАБ в г. Гродно). — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 21.
10. Там же. — Ф. 1713. — Оп. 1. — Д. 1.
11. Lietuvos valstybės istorijos archyvas (LVIA). LVIA. — F. 1135. — Ap. 20. — B. 515.
12. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (AGAD). — Sygn. 277. — Wspomnienia Franciszka Muraszki, weterana powstania styczniowego.
13. Biblioteka Narodowa w Warszawie (Bibl. Narodowa). — Rkps. II 5977. — Prószyński, A. Listy.
14. Bibl. Narodowa. — Rkps. II 8816. — Kaczkowski, J. — Pamiętnik.
15. Bibl. Narodowa. — Rkps. 13579. — Rodowiczowa S. z Rymkiewiczów. — Wspomnienia dotyczące okresu. 1865—1878.
16. Bibl. Narodowa. — Rkps. III 2973. — Balcer, L. Listy z Syberii.
17. НИАБ. — Ф. 320. — Оп. 2. — Д. 98.
18. Мулина, С. А. Контакты ссыльных участников восстания 1863 года с исторической родиной (на примере корреспонденции Михаила Жабы и Эдуарда Радванского) / С. А. Мулина // Polskie dziewiętnastowieczne pamiętniki i listy z Ziemi Zabranych — rola i miejsce w badaniach historycznych. — Warszawa: DiG, 2017. — S. 363—373.
19. Syberyjska korespondencja zesłańców postyczniowych (1864—1866) / pod red. J. Legieć, S. Mulina. — Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu J. Kochanowskiego, 2018. — T. 3. — 380 s.
20. НИАБ в г. Гродно. — Ф. 1. — Оп. 34. — Д. 570.
21. Там же. — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 1.
22. Там же. — Ф. 1. — Оп. 34. — Д. 1257.
23. Государственные преступления в России в XIX веке: Сборник из политических процессов и других материалов, относящихся к истории революционных и оппозиционных движений в России: В 3 т. / под ред. В. Базилювского (В. Богучарского) 1825—1876. — Штутгарт, 1903—1905. — 351 с.
24. Śliwowska, W. Syberia w życiu i pamięci Giejsztorów — zesłańców postyczniowych. Wilno — Sybir — Wiatka — Warszawa / W. Śliwowska. — Warszawa: DiG, 2000. — 399 s.
25. Ендрыховска, Б. Переписка польских ссыльных XIX века как исторический источник (на примере корреспонденции Феликса Зенковича) / Б. Ендрыховска // Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы (Изучение и публикация исторических источников в России и Польше) / отв. ред. Н. А. Макаров. — Москва 2011. — С. 128—139.
26. Государственный архив Тюменской области. — Ф. 1759. — Оп. 1. — Д. 43.
27. Ostromęcka, J. Pamiętnik z lat 1862—1911 / J. Ostromęcka; oprac. A. Brus. — Warszawa: DiG, 2004. — 350 s.
28. Andronowski, M. Ze wspomnień ojca, powstańca 1863 r. Sybiraka / M. Andronowski // Sybirak. — 1938. — № 1—2. — P. 14—23.

О. А. Посредников,
*стажёр младшего научного сотрудника
Белорусского научно-исследовательского института
документоведения и архивного дела;
e-mail: oleg.posrednikov@bk.ru*

ГУБЕРНСКИЕ КОМИССАРЫ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Органы государственной власти и управления на протяжении всей истории играли важную роль в жизни общества, регулируя вопросы политической, экономической и социальной жизни государства. Характер функционирования данных органов, их реорганизация и трансформация ярко демонстрируют политические и социальные процессы, протекающие в государстве. Поэтому особенный интерес вызывают вопросы организации государственной власти и управления в период революционных событий 1917 г. В этой связи для понимания процессов реорганизации власти и осуществления управления на белорусских землях приобретает важность изучение института губернских комиссаров как органов власти Временного правительства на территории Беларуси, сформированных после Февральской революции 1917 г.

Следует отметить, что тема, непосредственно касающаяся организации власти и управления на белорусских землях после Февральской революции 1917 г., не раскрыта в полной мере. В годы существования БССР, в силу идеологических причин, приоритетной являлась тема Октябрьской революции и строительства социалистического государства. Вопросы реорганизации органов власти и управления после Февральской революции 1917 г., реформы, проводимые Временным правительством, отходили на второй план и раскрывались в связи с Октябрьскими событиями и деятельностью большевиков. Ценные сведения по данной теме содержат сборники документов и материалов: «Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии: Документы и материалы: 40 лет 1917—1957» (Т. 1 и 2, 1957) [3; 4]. Существенная работа проведена И. М. Игнатенко в монографии «Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии» (1986) [17]. Данный труд отражает целостную картину происходивших событий и содержит обширный материал, касающийся института губернских комиссаров на территории Беларуси.

В период суверенной Республики Беларусь данная тема возымела интерес у исследователей, о чем свидетельствуют ряд статей, работ и публикаций [13; 16; 42; 45—47]. Среди них особое место занимают труды белорусского исследователя, доктора исторических наук Н. Е. Семенчика. В частности, стоит отметить его монографию «Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 г. — сакавік 1918 г.): Ч. 1: Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах дэмакратычнага рэжыму и Ч. 2: Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах складання таталітарнага рэжыму» (2001) [43; 44]. Данная работа представляет собой комплексное изучение вопро-

сов трансформации органов власти и управления на территории Беларуси в период революционных событий 1917 г. и содержит детальный и информативный материал в отношении формирования и функционирования института губернских комиссаров на белорусских землях.

В российской историографии имеются отдельные публикации, посвященные функционированию института комиссаров Временного правительства как в целом, так и в отдельных регионах России [15; 48; 49]. Среди данных публикаций следует отметить статьи Т. М. Баженовой «Институт губернских и уездных комиссаров Временного правительства» (1975) [2] и Ф. А. Гайда «Механизм власти Временного правительства (март—апрель 1917 г.)» (2011) [11], которые отражают становление данного органа, формирование и развитие его компетенции, выявляют проблемы функционирования и причины кризиса института комиссаров Временного правительства в условиях политической и социальной нестабильности 1917 г.

В тоже время данная тема остается открытой для исследования в различных ее аспектах. В первую очередь необходимо комплексное исследование данного института, его компетенции и деятельности на территории белорусских губерний. Неразкрытым остается вопрос о степени и результатах участия данного органа (в том числе и лиц его представляющих) в жизни губерний и проводимых в 1917 г. политических и социальных преобразованиях. Также открыт для изучения вопрос о функционировании института комиссаров Временного правительства в Беларуси на уровне уездов.

В данной статье проделана работа по систематизации, обобщению и анализу сведений о функционировании института губернских комиссаров как органов власти на территории белорусских губерний. Статья не преследует целью всеобъемлющее раскрытие темы во всех ее аспектах. Задачей является выявление проблем формирования компетенции губернских комиссаров как органов власти и как следствие — процесс их функционирования и осуществления ими управления на вверенных им территориях в условиях революционных событий 1917 г., существования параллельно органов «революционной демократии» и нарастающей социальной и политической нестабильности.

После Февральской революции 1917 г. перед Временным правительством встал вопрос о ликвидации и преобразовании существовавших органов власти и управления и замене их новыми. В отношении административной власти в губерниях данный вопрос решался отстранением от должностей губернаторов и вице-губернаторов и заменой их комиссарами Временного правительства. На основании распоряжения Временного правительства от 4 марта 1917 г. должности комиссаров на уровне губерний и уездов возлагались на председателей земских управ. Комиссарам Временного правительства предоставлялись, в соответствии с действовавшими узаконениями, все права губернаторов, с сохранением за ними руководства работой земских управ [6, 7(20) марта].

На территории Беларуси осуществляли деятельность четыре губернских комиссара: минский, витебский, могилевский и виленский.

Должность могилевского губернского комиссара 5(18) марта 1917 г. занял В. А. Судзиловский [14, 7 марта]. 13(26) марта 1917 г. по причине болезни он поручил выполнение своих обязанностей члену губернского земства, председателю Могилевского губернского комитета Всероссийского земского союза Ф. Я. Хоментовскому. Постановлением Временного правительства от 16 марта 1917 г. Ф. Я. Хоментовский был утвержден на должности [43, с. 30]. В должность витебского губернского комиссара 6(19) марта 1917 г. вступил М. Л. Карташев [10, 10 марта], минского 7(20) марта 1917 г. — Б. Н. Самойленко [7, 11 марта].

Первые губернские комиссары на территории неоккупированных белорусских губерний являлись председателями губернских земских управ. Исключение представляла Виленская губерния, где назначение и деятельность виленского губернского комиссара осложнились оккупацией в 1915 г. города Вильно и большей части Виленской губернии германскими войсками. В связи с этим в неоккупированной части Виленской и Ковенской губерний (Дисненский и Вилейский уезды, 10 волостей Ошмянского, 5 волостей Свенцянского (который в отношении управления был присоединен к Вилейскому уезду) и 5 волостей Новоалександровского уезда) организация власти замедлилась. Управление губернией было сосредоточено в уездном городе Дисне, куда были эвакуированы из Вильно губернские учреждения [20, л. 18]. Виленский губернский комиссар — выходец из крестьян Дисненского уезда О. С. Балай, был избран на должность 21 апреля (4 мая) 1917 г., на съезде представителей волостных и городских комитетов неоккупированных уездов Виленской губернии, который проходил в Минске [7, 23 апреля; 18, 23 апреля].

Комиссары Временного правительства до сентября 1917 г. не имели для руководства единого нормативного правового акта, регулирующего их деятельность. Это порождало необходимость обращаться напрямую к министру внутренних дел за разъяснениями и определенными указаниями в условиях политической и общественной нестабильности. Продолжительное время деятельность комиссаров регулировалась отдельными циркулярными телеграммами министра внутренних дел. Так, 15 марта 1917 г. сообщалось, что губернские комиссары являются уполномоченными и исполнительными органами Временного правительства на местах. В этот период при губернских комиссарах начинают формироваться комиссариаты — коллегиальные демократические органы власти (которые именовались также губернскими исполнительными комитетами, исполнительными комитетами при губернских комиссарах, объединенными общественными комитетами, советами при губернских комиссарах). В связи с этим министр внутренних дел указывал на необходимость организации комиссариатов (комитетов) на уровне губернии, уезда и волости, а также при возможности города и поселка. Губернские комитеты руководили и объединяли дея-

тельность уездных, городских и других местных комитетов, согласовывая с ними свою деятельность [3, с. 113]. Таким образом, для губернских комиссаров совместно с комитетами (которые состояли из представителей правительственных, общественных учреждений губернии и органов самоуправления, политических партий) создавались предпосылки для централизации власти в губернии и осуществления руководства на демократических началах. В Минской, Витебской и Могилевской губерниях организация губернских исполнительных комитетов проходила в марте — начале апреля 1917 г., в Виленской губернии — в конце апреля 1917 г. Данные органы играли важную роль в проведении политики центрального правительства, объединения правительственных и общественных организаций губернии, борьбе с анархией и «контрреволюцией», оказание регулирующего влияния в губернии [37, л. 137]. К середине июля Временное правительство, признавая невозможность работы комиссаров без контактов с местными общественными организациями, констатирует, что общее управление на местах лежит на комиссарах, которые «разрешают вопросы местного управления в единении с общественными исполнительными комитетами» [2, с. 80]. Таким образом, во всех мероприятиях, касающихся местной жизни губернии, комиссар действовал в единении с губернским исполнительным комитетом. Данные органы претерпевали в процессе деятельности реорганизацию, направленную на расширение в них представительства демократических элементов путем оптимизации их структуры.

В конце марта 1917 г. при витебском губернском комиссаре был создан большой совет, в состав которого вошли представители всех «крупных органов демократии» и лица, избранные губернским совещанием, проходившим 25—28 марта (7—10 апреля) 1917 г. Для усиления связи с населением и лучшего исполнения дел был создан также малый совет или совет при губернском комиссаре [38, л. 1]. 23 июля (5 августа) 1917 г. на заседании совета при витебском губернском комиссаре в связи с необходимостью реорганизации власти в губернии был принят проект организации губернии. Согласно проведенным преобразованиям, Витебский губернский комиссариат начал функционировать в составе исполнительного органа — исполнительного комитета и 2 совещательных органов: малого и большого советов [37, л. 134]. Исполнительный комитет состоял из губернского комиссара, 2 помощников и 3—6 членов исполнительного комитета, которые распределяли между собой отрасли деятельности комиссариата. Наиболее важные вопросы вносились на рассмотрение в малый совет. Большой совет созывался в случае менее срочного характера дела, но необходимости его рассмотрения при участии представителей всей губернии [37, л. 139].

В состав малого совета входили: исполнительный комитет, 6 представителей от советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, 5—7 членов, избранных губернским совещанием (25—28 марта 1917 г.), с равным представительством от разных групп населения, а также представители различных орга-

нов власти, местного самоуправления и организаций Витебской губернии [37, л. 139]. В состав большого совета входили: весь малый совет, по одному представителю от каждого уездного комиссариата, уездного земства, уездного совета крестьянских депутатов, городского самоуправления и по одному представителю от витебского губернского сельскохозяйственного общества и витебского торгового промышленного союза [37, л. 139—140].

На заседании малого совета при витебском губернском комиссаре 12(25) октября 1917 г. при обсуждении вопроса организации борьбы с анархией в губернии малый совет постановил принять на себя функции «Комитета по борьбе с анархией» в пределах Витебской губернии. Помимо этого, из его состава был выделен так называемый «Совет трех» для оперативного разрешения всех срочных и текущих дел. В «Совет трех» входили витебский губернский комиссар или его заместитель, комиссар Двинского военного округа и представитель от Витебского совета солдатских депутатов. В циркулярной телеграмме витебского губернского комиссара уездным комиссарам Витебской губернии от 16 октября 1917 г. № 2297 предлагалось организовать подобные органы и в уездах [30, л. 149—150].

При минском губернском комиссаре комиссариат начал функционировать в марте 1917 г. Он являлся исполнительным органом при губернском комиссаре и осуществлял решение и производство неотложных дел [8, 4 июля]. Изначально Минский губернский комиссариат (в количестве 7 человек) составляли уполномоченные комиссаром для различных выступлений от его имени и два его помощника [8, 21 марта]. С 18(31) марта 1917 г. начал формироваться губернский исполнительный комитет [3, с. 285—286; 8, 19 марта]. В его состав помимо комиссариата входило по три представителя от уездов (крестьянин, частный землевладелец, горожанин), а также представители различных организаций Минской губернии [21, л. 12]. С июня 1917 г. Минский губернский комиссариат действовал в составе губернского совета как совещательного органа и малого губернского исполнительного комитета при губернском комиссаре. Помимо этого, в губернском исполнительном комитете была уменьшена численность городских собственнических элементов и увеличено представительство крестьянства [8, 4 июля].

В Могилевской губернии в марте 1917 г. при губернском комиссаре В. А. Судзиловском был создан временный губернский комиссариат с участием членов губернского и уездного земства [42, с. 148]. После, в конце марта — начале апреля 1917 г. могилевским губернским комиссаром Ф. Я. Хоментовским было признано необходимым для общего руководства губернией сформировать губернский комитет. До этого был организован временный губернский комитет в составе 7 человек [14, 3 апреля] и уже в апреле 1917 г. на собрании представителей общественных организаций Могилева был избран губернский исполнительный комитет, который начал работу «в контакте» с советом рабочих и солдатских депутатов [24, л. 129; 0, с. 117]. 10(23) августа 1917 г. на состо-

явшемся собрании представителей губернских организаций было решено заменить существующий губернский исполнительный комитет путем организации нового органа из членов данного собрания. В сентябре 1917 г. был образован комитет объединенных организаций с представительством в новом органе власти губернских советских, партийных, профессиональных и прочих организаций и который осуществлял деятельность «по проведению в губернии разного рода правительственных мероприятий в непосредственной связи с губернским комиссариатом» [21, л. 47; 43, с. 117—118].

В Виленской губернии губернский исполнительный комитет был избран 21 апреля (4 мая) 1917 г. на съезде представителей волостных и городских комитетов неоккупированных уездов Виленской губернии. В нем были представлены в основном крестьяне и рабочие, а также незначительное число мецкан евреев и помещиков. Однако в отличие от губернских исполнительных комитетов в других белорусских губерниях, данный орган за время своего существования проявил себя совершенно неработоспособным органом, который в период до 1(14) сентября 1917 г. собирался всего три раза и не имел никакого влияния [20, л. 19, 20]. Вся деятельность сосредоточилась в президиуме комитета, который исполнял роль совещательного органа при губернском комиссаре [20, л. 20].

Только спустя почти месяц с момента образования института губернских комиссаров на местах, в телеграмме Временного правительства от 4 апреля 1917 г. последовали разъяснения вопросов компетенции губернских комиссаров и их полномочий в отношении уездных комиссаров. Губернскому комиссару присваивались все права и обязанности, возложенные законом на губернатора, за исключением тех, которые отпали вследствие прошедших в государственном строе изменений. Временное правительство оставляло за собой решение о назначении и увольнении уездных комиссаров, предоставив губернским комиссарам лишь право сообщать информацию о возможных кандидатах, а также в случае крайней необходимости назначать помощников уездных комиссаров и информировать уездных комиссаров обо всех распоряжениях правительства для исполнения [12, с. 914].

После выхода 9 июня 1917 г. постановлений Временного правительства «Об изменении действующих положений об общественном управлении городов» и «Об изменении действующего Положения о губернских и уездных земских учреждениях впредь до издания нового о них Положения», в компетенцию губернского комиссара вошел надзор за законностью деятельности органов местного самоуправления. Губернский комиссар получал право опротестовать незаконные постановления органов городского и земского самоуправления в окружном суде. Данные акты укрепляли позиции губернского комиссара как органа власти в губернии, так как представляли конкретные способы воздействия на происходившие в губернии преобразования [41, с. 265—267, 453]. Витебский и минский губернские комиссары в сво-

ей деятельности активно прибегали к такой мере в отношении органов городского самоуправления в основном после их переизбрания, опротестовывая как отдельные постановления городских дум, так и результаты перевыборов данных органов. Так, в августе 1917 г. витебским губернским комиссаром были опротестованы результаты выборов в Двинскую городскую думу, в связи с поступившими сведениями о принуждении со стороны солдат голосовать за кандидатов от социалистов [10, 18 августа].

В результате протеста минского губернского комиссара 12 августа 1917 г. были отменены выборы гласных Мозырской городской думы как несоответствующие закону [8, 15 августа]. Минский губернский комиссар вносил также в августе—сентябре протесты на постановления Бобруйской, Минской, Мозырской, Несвижской, Слуцкой городских дум, касающихся самых различных вопросов, таких, как продовольствие, налогообложение, внутреннее устройство [8, 10 августа, 29 августа, 2 сентября, 6 сентября, 10 сентября].

В тоже время, несмотря на осуществление губернским комиссаром контроля земских органов, со стороны Временного правительства не исходило конкретных указаний в отношении того, что ряд комиссаров являлись членами данных органов, вплоть до председательства в них. Только в июле 1917 г. последовало разъяснение министра внутренних дел о недопустимости совмещения должностей комиссара и председателя земской управы. В то же время данное совмещение признавалось возможным в качестве временной меры и за недостатком людей на местах [8, 13 июля].

Лишь 19 сентября 1917 г. было издано постановление Временного правительства об утверждении «Временного положения о губернских (областных) и уездных комиссарах». Некоторые общие и местные акты, которые касались власти губернатора, несмотря на издание положения, оставались неотмененными. В связи с тяжелой политической обстановкой было допущено совмещение должностей губернского комиссара с другими должностями по местному управлению и самоуправлению. Указывался образовательный ценз для занятия должности губернского комиссара — высшее (желательно юридическое) образование [8, 21 октября]. Однако по причине политической нестабильности, министру внутренних дел было предоставлено право в течение 3 лет назначать на должность лиц, не соответствующих данному цензу, но имеющих достаточный служебный опыт. Губернскому комиссару предоставлялось право издавать обязательные постановления для управления губернией. Признавалась и была окончательно закреплена роль и влияние губернских исполнительных комитетов при губернских комиссарах. Комиссар в соответствии с данным положением назначался министром внутренних дел, по рекомендации соответствующего комитета и осуществлял деятельность по управлению губернией в единении с упомянутым комитетом. За губернским комиссаром окончательно закрепились функции надзора за деятельностью местных органов управления и самоуправления и информирования населения [8, 21 октября]. В целом, данное положение аккумулирова-

ло предыдущие циркуляры министра внутренних дел и не привнесло ничего качественно нового в сложившуюся практику деятельности губернских комиссаров на белорусских землях по причине своей запоздалости.

В течение своей деятельности губернским комиссарам для осуществления руководства губерниями предоставлялось право прибегать к помощи воинских частей. Так, еще в приказе главнокомандующего Западным фронтом генерала А. Е. Эверта от 9 марта 1917 г. № 123, воинским частям во всех населенных пунктах района Западного фронта было поручено оказывать содействие гражданским властям по обращениям, исходящим от губернских и уездных комиссаров [19, л. 2]. В связи с частым возникновением беспорядков и аграрных волнений, содействие комиссарам Временного правительства в установлении порядка со стороны армии было довольно частым явлением. Однако данные меры рассматривались как крайние и в целом не приносили долгосрочного результата.

В целом, по причине нахождения белорусских губерний в районе театра военных действий, губернские комиссары осуществляли руководство губерниями в непосредственной связи с военными властями, в частности дублировали и распространяли приказы по фронту, распоряжения и телеграммы, поступавшие от военных властей.

21 октября 1917 г. министром внутренних дел была проведена последняя попытка укрепления власти губернских комиссаров при помощи войск, путем предоставления в распоряжение комиссаров, для борьбы с анархией и выступлениями, конных частей из запасных кавалерийских полков [5, 18 ноября].

Слабая регламентация вопросов компетенции губернских комиссаров, политическая и общественная нестабильность в государстве создавали проблемы в отношении оперативности и эффективности управления на протяжении функционирования данного органа.

Ярким примером этого может служить эпизод из деятельности витебского губернского комиссара. Советом при витебском губернском комиссаре 21 июля (3 августа) 1917 г. обсуждался вопрос установления твердой власти в губернии. В ходе обсуждений совет констатировал, что губернский комиссар не имеет никаких средств для воздействия на местах, кроме бумажных отношений, и потому совет поручил выполнение задачи, поставленной министром, таким органам, как губернскому земельному комитету, продовольственному комитету и совету солдатских и рабочих депутатов [25, л. 304].

Показательные примеры отсутствия твердой самостоятельной власти наблюдались и в Могилевской губернии, что проявлялось в обращении за разъяснениями и руководством могилевского губернского комиссара к вышестоящим органам. Так, в связи с усилением аграрного движения в губернии после Первого Всероссийского съезда крестьянских депутатов, проходившего в Петрограде с 4 по 28 мая (17 мая по 10 июня) 1917 г., могилевский губернский комиссар в телеграмме министру внутренних дел от 9 июня 1917 г. сообщал о

невозможности борьбы с организованным под руководством земельных комитетов аграрным движением и запрашивал руководства для принятия мер [3, с. 361]. В телеграмме Министерству внутренних дел от 1 августа 1917 г. комиссар просил указаний в связи с требованием крестьян Климовичского уезда выслать помещика-«реакционера» из уезда [3, с. 511].

Стабильное функционирование губернских комиссаров, помимо этого, осложнялось условиями существования органов «революционной демократии» — советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые оказывали влияние на правительственные учреждения, вплоть до отстранения от исполнения обязанностей должностных лиц. Вопросы взаимоотношений между комиссарами и советами практически никак не регламентировались. Инициатива в отношении регламентации вопроса взаимоотношений данных органов принадлежала советам. Так, в соответствии с «Инструкцией Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов всем Советам рабочих и солдатских депутатов» комиссары Временного правительства должны были быть признаны законной властью в случае, если они по своим личным качествам или политическому прошлому не окажутся опасными или вредными «для дела свободы». В случаях, когда совет находил действия комиссаров Временного правительства опасными для дела революции, он имел право телеграфировать об этом правительству и Петроградскому исполнительному комитету для принятия необходимых мер. В вопросах, касающихся общегородских дел, как-то: продовольствие, милиция, общественная безопасность, выборы во временные самоуправления и т. д., советы должны были действовать совместно с другими организациями и комиссарами Временного правительства [1, с. 51; 40, с. 130]. Таким образом, советы являлись своего рода органами контроля по отношению к губернским комиссарам, и губернские комиссары белорусских губерний не избежали влияния данного контроля.

Не имея фактически способов воздействия, губернские комиссары при выполнении стоящих перед ними задач постоянно указывали нижестоящим уездным комиссарам на необходимость опираться в своей деятельности на различные органы. В особенности это проявлялось в ходе возрастания аграрных волнений, урегулирование которых проходило при непосредственной опоре на земельные комитеты, советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. На эту необходимость указывало в своих телеграммах и Министерство внутренних дел. Ярким примером зависимости губернских комиссаров как представителей центральной власти от местных органов служит Минская губерния. В апреле 1917 г. минский губернский комиссар, обязывая уездных комиссаров принять меры к урегулированию отношений между крестьянами и землевладельцами, указывал на необходимость установления связи с советами рабочих и солдатских депутатов [18, 10 мая]. По причине возрастания аграрных волнений в мае 1917 г. минский губернский комиссар в циркулярном указании уездным комиссарам Минской губернии за № 434 от 8 мая 1917 г. распорядился

отменить незаконные решения волостных комитетов и воити в сношение с советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов для выделения кадров подходящих агитаторов, которые бы занимались разъяснением недопустимости аграрных волнений на местах [3, с. 285—286; 7, 7 мая, 13 мая; 22, л. 14, 15]. Особенностью было также то, что в случае возникновения эксцессов на аграрной почве минский губернский комиссар давал незамедлительное распоряжение милиции, с направлением копии об изданном распоряжении советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [3, с. 301].

Таким образом, губернские комиссары действовали в непосредственной связи с функционировавшими при них комиссариатами (комитетами), советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и военными властями. В то же время присутствовало непосредственное влияние данных органов на функционирование и деятельность губернских комиссаров.

Положение в Беларуси губернских комиссаров как органов власти в губернии ухудшалось отсутствием поддержки со стороны общественных органов и организаций, вплоть до состоящих при комиссарах исполнительных комитетов. Причинами недоверия к губернским комиссарам могли служить их социальное положение, деятельность (прошлая и нынешняя) и политические взгляды. К примеру, в исполнительном комитете при минском губернском комиссаре представители Полесья 7(20) июля 1917 г. потребовали ухода Б. Н. Самойленко, аргументировав требование тем, что «нахождение во главе губернии помещика нецелесообразно при решении аграрного вопроса». Однако комитет высказал комиссару свое доверие [25, л. 283].

8 октября 1917 г. съезд советов рабочих и солдатских депутатов Виленской и Ковенской губерний признал необходимым реорганизацию Виленского губернского исполнительного комитета и обновление персонального состава губернского комиссариата, которое в первую очередь должно было заключаться в увольнении заместителя губернского комиссара Сивца «как лица, не соответствующего своему назначению» [25, л. 398].

23 октября 1917 г. в связи с закрытием минским губернским комиссаром, по приказу Верховного главнокомандующего и председателя Совета министров А. Ф. Керенского большевистской газеты «Молот» за призыв к беспорядкам и неповиновению Временному правительству, Минской городской думой было принято постановление, содержащее протест против подобных действий комиссара. Губернский комиссар в свою очередь направил протест на данное постановление в Минский окружной суд [28, л. 2, 6].

В таких условиях губернские комиссары на территории Беларуси не имели возможности избежать как смещения с должностей местными общественными организациями, так и «добровольного» ухода в отставку под влиянием данных органов. Стоит отметить, что данные процессы были свойственны для всей территории бывшей Российской империи.

Так, в Витебской губернии 17(30) марта 1917 г. был отстранен от должности М. Л. Карташев, которому вменили в вину падеж казенного скота и незаконную торговлю кожами во время пребывания на должности председателя Витебской губернской земской управы. Стоит отметить, что в данном случае огромную роль, помимо совета солдатских депутатов и совета рабочих депутатов, сыграл Витебский городской общественный комитет (орган власти в городе Витебске после Февральской революции, сформировавшийся в марте 1917 г.), который действовал по инициативе совета солдатских депутатов и совета рабочих депутатов. По соглашению с советами военная секция ВГОК поместила М. Л. Карташева под домашний арест, и в итоге 18 марта 1917 г. он был освобожден Временным правительством от исполнения обязанностей губернского комиссара [9, 21 марта; 21, л. 9; 35, л. 1].

По решению исполнительного органа ВГОК в исполнение обязанностей губернского комиссара временно вступил бывший председатель Велижской уездной земской управы, член военной секции исполнительного органа ВГОК, подполковник Н. А. Семевский. О состоявшемся аресте ВГОК уведомил Временное правительство и просил назначения нового губернского комиссара [9, 18 марта; 21, л. 9; 22, л. 3]. После смещения М. Л. Карташева под домашний арест, на адрес МВД за подписями членов ВГОК: начальника витебской милиции, есаула М. М. Гнилорыбова, председателя совета рабочих депутатов Г. Я. Аронсона и председателя совета солдатских депутатов А. Д. Тарле была отправлена телеграмма с ходатайством о назначении на должность губернского комиссара председателя ВГОК, кадета А. О. Волковича [12, с. 126; 34, л. 58]. В результате, после освобождения от должности М. Л. Карташева Временное правительство поручило временно вступить в эту должность председателю ВГОК А. О. Волковичу, который 19 марта (1 апреля) 1917 г. приступил к временному исполнению обязанностей губернского комиссара [9, 21 марта; 35, л. 1] и на губернском совещании 28 марта (10 апреля) 1917 г. был избран губернским комиссаром [21, л. 10; 43, с. 31].

В апреле 1917 г. М. Л. Карташев был освобожден из-под ареста, и ему был разрешен выезд из Витебской губернии [10, 11 апреля], так как незадолго до своего ареста М. Л. Карташев послал в Петроград кн. Г. Е. Львову телеграмму с прошением об увольнении в отставку по причине болезни сердца, обострившейся, по его словам, в «последние дни» [10, 14 марта]. После, в мае 1917 г. М. Л. Карташев отъехал в Крым для лечения, внося для этого «крупный залог» [10, 25 мая].

5(18) мая 1917 г. в Могилеве делегат Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов М. Б. Гольман созвал собрание представителей общественных организаций, которое приняло постановление организовать новый губернский комиссариат. В результате 11(24) мая 1917 г. комиссар Ф. Я. Хоментовский подал в отставку. На вакантную должность был избран бывший член Государственного совета князь Н. Н. Друцкой-Соколинский [43, с. 118]. Это

вызвало недовольство в Могилевском совете рабочих и солдатских депутатов, и 16(29) мая 1917 г. его исполнительный комитет, по причине выявленных обстоятельств из «прошлой политической деятельности» Н. Н. Друцкого-Соколинского, счел его кандидатуру «нежеланной» и просил помощников комиссара Г. И. Певзнера и Кусенкова оставаться на своих должностях и исполнять обязанности губернского комиссара. «По причине необходимости присутствия в комиссариате представителей буржуазных элементов» было предложено избрать комиссара, который стоял бы на платформе «не правее Партии народной свободы» [24, л. 172].

В результате, Могилевский губернский съезд советов рабочих и солдатских депутатов (июль 1917 г.) принял резолюцию о политическом недоверии комиссару в связи с шагами, которые он «употребил» для ликвидации аграрных волнений. Н. Н. Друцкой-Соколинский подал в отставку, и обязанности могилевского губернского комиссара перешли к эсеру Г. И. Певзнеру [25, л. 314; 44, с. 25].

Минский губернский комиссар Б. Н. Самойленко находился на должности до сентября 1917 г. Стоит отметить, что в последний период своей деятельности он не принимал активного участия в жизни губернии. С 23 июня (6 июля) 1917 г. Б. Н. Самойленко находился в двухнедельном отпуске [30, л. 47]. С 29 июля по 19 августа (11 августа по 1 сентября) 1917 г. он находился в Петрограде, куда выехал на совещание губернских комиссаров, которое проходило 4(17) августа 1917 г. [27, л. 308]. С 9(22) сентября 1917 г. выехал в месячный отпуск [8, 10 сентября]. В период отсутствия Б. Н. Самойленко обязанности губернского комиссара исполнял его помощник И. И. Метлин. С конца августа и на протяжении сентября в периодической печати активно фигурировали слухи о намерении Б. Н. Самойленко покинуть пост и выехать в Москву, где ему «предложен крупный пост» во Всероссийском земском союзе [18, 31 августа]. Находясь в отпуске, Б. Н. Самойленко 20 сентября (3 октября) 1917 г. сообщил о намерении уйти в отставку [8, 21 октября]. На его место временно исполняющим дела минского губернского комиссара 15(28) октября 1917 г. губернским исполнительным комитетом был избран присяжный поверенный, общественный деятель, эсер И. И. Метлин [8, 21 октября; 18, 31 августа]. В дальнейшем Б. Н. Самойленко проявил себя как гласный от Новогрудского уезда в Минском губернском земском собрании, которое в январе 1918 г. возобновило свою работу после переизбрания [33, л. 19].

Таким образом, «комиссарская чехарда» [2, с. 79] в отношении губернских комиссаров была в особенной степени свойственна для Могилевской губернии, в которой сменилось 4 губернских комиссара, и в меньшей степени она проявилась в Витебской губернии, в которой арест и отстранение от должности М. Л. Карташева являлся закономерным фактом в условиях революционных событий. Несмотря на слабость витебского губернского комиссара как органа власти, сам А. О. Волкович, как активный общественный деятель, бывший

витебский городской голова, член I Государственной думы, подписавший «выборгское воззвание» и перенесший тюремное заключение, обладал существенным авторитетом в губернии, вплоть до того, что в сентябре 1917 г. выдвигался на пост городского головы, и его кандидатура «не встречала препятствий со стороны социалистов» [10, 19 марта].

В тоже время, несмотря на слабую регламентацию деятельности губернских комиссаров как органов власти Временного правительства на местах и отсутствие конкретных способов воздействия на население, общественные организации, и в особенности на советы солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, губернские комиссары проявляли активную деятельность в проведении преобразований, проводимых Временным правительством на территории бывшей Российской империи в 1917 г.

Под непосредственным контролем и руководством губернских комиссаров в марте 1917 г. проходила ликвидация института земских начальников и назначение временных мировых судей [7, 22 марта; 31, л. 7, 8; 36, л. 9]. Активную деятельность губернские комиссары проявили в ходе реорганизации органов земского и городского самоуправления, проводя организацию и контроль данных мероприятий. Особая активность была проявлена витебским, минским и могилевским губернскими комиссарами в ходе реорганизации земского самоуправления, которому с их стороны уделялось серьезное внимание. В частности, была разработана схема производства выборов в земские органы в каждой губернии [8, 19 июля; 32, л. 6; 37, л. 91]. Также губернскими комиссарами осуществлялась работа по проведению выборов во Всероссийское Учредительное собрание, заключающаяся в материально-техническом и организационном обеспечении данного мероприятия.

В тоже время реализация постановлений центрального правительства губернскими комиссарами в белорусских губерниях была неоднозначной и не всегда успешной, что являлось результатом не только слабой регламентации деятельности, но и условий существования губерний, вызванных военным положением и оккупацией части белорусских территорий. Особенно ярким примером здесь служит Виленская губерния, в которой губернскому комиссару приходилось работать в чрезвычайно тяжелых условиях. В Виленской губернии отсутствовали местные суды, функции бывших земских начальников никем не выполнялись, имело место совмещение волостными исполнительными комитетами судебных и административных функций и, как результат последнего, комиссары были вынуждены отменять приговоры данных органов [20, л. 18].

Виленский губернский комиссар отмечал в телеграмме в отдел местного управления МВД от 16 сентября 1917 г. № 15409 о положении Виленской губернии к 1 сентября 1917 г., что «неопределенность и неясность инструкций или полное их отсутствие является основой для смещения функций существующих в губернии органов» [20, л. 18].

В тоже время особенностью Виленской губернии было то, что организованный в г. Дисне после начала Февральской революции 1917 г. совет рабочих и солдатских депутатов, ввиду незначительного количества в Дисне солдат, а также отсутствия фабрик и заводов, не имел «заметного» влияния на течение жизни в губернии и на деятельность губернского комиссара, вплоть до октября 1917 г [20, л. 20].

После Октябрьской революции началась повсеместная ликвидация органов власти Временного правительства. В соответствии с декретом II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов «О полноте власти Советов» от 26 октября 1917 г. комиссары «бывшего Временного правительства» отстранялись от своих должностей [4, с. 18]. Однако данный процесс проходил неравномерно, в том числе и на белорусских землях. В условиях революционной обстановки часть губернских комиссаров сложили с себя полномочия добровольно. И. И. Меллин 6(13) ноября 1917 г. передал временное исполнение дел минскому уездному комиссару и своему помощнику А. А. Михельсону [8, 8 ноября; 26, л. 13], которого после на посту сменил большевик В. С. Селезнев [29, л. 2]. Виленский губернский комиссар О. С. Балай 6(19) ноября 1917 г. заявил об отказе от занимаемой должности по причине ухудшающегося здоровья [5, 18 ноября]. Могилевский губернский комиссар Г. И. Певзнер со времени Октябрьской революции 1917 г. возглавлял в Могилеве комитет общественной безопасности, однако с распадом последнего, после установления в городе власти Военно-революционного комитета, приостановил свою государственную и общественную деятельность. Его обязанности как губернского комиссара исполнял его заместитель С. С. Ждан-Пушкин, который после установления советской власти в Могилеве был арестован Центральным комитетом действующих армии и флота [23, л. 33; 44, с. 25].

Согласно распоряжению Военно-революционного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов от 11 ноября 1917 г. за № 474, в обязанности витебского губернского комиссара вступил большевик П. Н. Солонко, бывший же комиссар А. О. Волкович от указанных обязанностей был освобожден 17(30) ноября 1917 г, однако затягивал сдачу дел, вследствие чего был привлечен к уголовной ответственности [4, с. 215].

Таким образом, становление и организация института губернских комиссаров на территории Беларуси было неоднозначным процессом. Несмотря на то что губернские комиссары активно проявили себя в ходе проведения преобразований, осуществляемых Временным правительством, они в тоже время столкнулись с трудностями в деле организации эффективного управления вверенных им губерний по причине слабой и отрывистой регламентации их деятельности. В Виленской губернии это, помимо прочего, осложнялось оккупацией части губернии, в Могилевской губернии — частой сменой губернских комиссаров. Важное значение, не столько для осуществления деятельности, сколько для сохранения должности губернских комис-

саров, приобрел опыт, репутация и влияние лиц, занимавших данные должности. В результате, губернские комиссары, несмотря на предпосылки, не смогли стать сильными органами власти в губерниях и выработать меры противодействия дестабилизации обстановки. Действия губернских комиссаров в условиях нарастающей революционной обстановки носили во многом декларативный характер и данный орган утратил всякое влияние на положение дел. На первый план в решении различных вопросов в губернии вышли иные органы власти и управления, общественные организации. Это привело к быстрой ликвидации института губернских комиссаров Советской властью, без каких-либо существенных последствий.

Литература и источники

1. Андреев, А. М. Местные советы и органы буржуазной власти (1917 г.) / А. М. Андреев. — Москва: Наука, 1983. — 334 с.
2. Баженова, Т. М. Институт губернских и уездных комиссаров Временного правительства / Т. М. Баженова // Государственный аппарат. Историко-правовые исследования. Сб. науч. трудов Свердловского юридического института / Свердловский юридический институт. Уфимский факультет. — Свердловск, 1975. — С. 70—85.
3. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии: Документы и материалы: 40 лет 1917—1957: В 2 т. / Институт истории партии при ЦК КПБ — филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Институт истории Академии наук БССР, Архивное управление БССР; редкол.: Т. С. Горбунов [и др.]. — Т. 1: Белоруссия в период подготовки социалистической революции (февраль—октябрь 1917 г.). — Минск: Гос. изд-во БССР, 1957. — 1005 с.
4. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии: Документы и материалы: 40 лет 1917—1957: В 2 т. / Институт истории партии при ЦК КПБ — филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Институт истории Академии наук БССР, Архивное управление БССР; редкол.: Т. С. Горбунов [и др.]. — Т. 2: Победа Социалистической революции и упрочение Советской власти в Белоруссии (октябрь 1917 г. — март 1918 г.). — Минск: Гос. изд-во БССР, 1957. — 1070 с.
5. Вестник Виленского губернского комиссара. 1917.
6. Вестник Временного правительства. 1917.
7. Вестник Минского Губернского Комиссара. 1917.
8. Вестник Минского Губернского комиссариата. 1917.
9. Витебский вестник. 1917.
10. Витебский листок. 1917.
11. Гайда, Ф. А. Механизм власти Временного правительства (март—апрель 1917 г.) / Ф. А. Гайда // Отечественная история. — 2001. — № 2. — С. 141—153.
12. Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах: У 4 т. / Акадэмія навук БССР, Інстытут гісторыі; пад рэдакцыяй В. Н. Перцева [і др.]. — Мінск: Выдавецтва Акадэміі навук БССР, 1936—1954. — Т. 3: (1900—1917 гг.). — 1953. — 1018 с.
13. Гісторыя і сучасная арганізацыя дзяржаўных устаноў Беларусі: дапаможнік для студэнтаў / С. Л. Лугаўцова [і інш.]. — Мінск: БДУ, 2013. — 275 с.
14. Гомельская копейка. 1917.

15. Горлова, Т. В. Губернский и уездные комиссары Временного правительства: теория и практика (на примере Курской губернии) / Т. В. Горлова, В. П. Пашин // История государства и права. — 2010. — № 18. — С. 22—25.
16. Гужалоўскі, А. А. Фарміраванне структур грамадзянскай супольнасці ў Беларусі ў 1917 г. / А. А. Гужалоўскі // Беларускі гістарычны часопіс. — 2017. — № 5. — С. 12—20.
17. Игнатенко, И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии / И. М. Игнатенко. — Минск: Наука и техника, 1986. — 344 с.
18. Минская газета. 1917.
19. Национальный архив Республики Беларусь. — Ф. 60п. — Оп. 3. — Д. 150.
20. Там же. — Д. 158.
21. Там же. — Д. 162.
22. Там же. — Д. 167.
23. Там же. — Д. 232.
24. Там же. — Д. 242.
25. Там же. — Д. 243.
26. Национальный исторический архив Беларуси. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 6812.
27. Там же. — Ф. 1685. — Оп. 1. — Д. 2.
28. Там же. — Д. 3.
29. Там же. — Оп. 3. — Д. 2.
30. Там же. — Д. 6.
31. Там же. — Оп. 4. — Д. 1.
32. Там же. — Ф. 2084. — Оп. 1. — Д. 99.
33. Там же. — Ф. 325. — Оп. 1. — Д. 1095.
34. Там же. — Ф. 3445. — Оп. 1. — Д. 1.
35. Там же. — Д. 15.
36. Там же. — Д. 37.
37. Там же. — Д. 56.
38. Там же. — Д. 63.
39. Там же. — Оп. 3. — Д. 6.
40. Организация и строительство Советов РД в 1917 году: сб. документов / Коммунистическая академия. Институт советского строительства. Историческая комиссия; редкол.: П. О. Горин [и др.]. — Москва: Издательство Коммунистической академии, 1928. — 474 с.
41. Сборник указов и постановлений Временного правительства. Т 2. Выпуск 2: 5 мая—24 июля 1917. — Петроград, 1918. — 799 с.
42. Сцебурака, У. М. Трансфармацыя органаў улады пасля Лютаўскай рэвалюцыі 1917 г. на Беларусі / У. М. Сцебурака // Труды БГТУ. Серия 5: Политология, философия, история, филология. — 2009. — № 17. — С. 147—150.
43. Сяменчык, М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 г. — сакавік 1918 г.): У 2 ч. / М. Я. Сяменчык. — Ч. 1: Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах дэмакратычнага рэжыму. — Мінск: БДПУ, 2001. — 199 с.
44. Сяменчык, М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 г. — сакавік 1918 г.): У 2 ч. / М. Я. Сяменчык. — Ч. 2: Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах складвання таталітарнага рэжыму. — Мінск: БДПУ, 2001. — 158 с.

45. Сяменчык, М. Я. Грамадскія камітэты як першы вопыт народаўладдзя на Беларусі ў 1917 г. / М. Я. Сяменчык // Пытанні гісторыі, метадалогіі і метадыкі выкладання: зб. навук. арт. / Бел. дзярж. пед. універсітэт імя М. Танка; рэдкал.: Л. Н. Ціханаў [і інш.]. — Мінск, 1998. — С. 110—123.
46. Сяменчык, М. Я. Рэарганізацыя гарадской і губернскай улады ў Магілёве пасля Лютаўскай рэвалюцыі / М. Я. Сяменчык // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зб. навук. прац VII Міжнар. навук. канферэнцыі 29—30 чэрвеня 2011 г. / Музей гісторыі Магілёва; уклад.: А. М. Баццокоў, І. А. Пушкін. — Магілёў, 2011. — С. 133—135.
47. Томчик, Л. Л. Социально-экономическая и политическая ситуация на Могилевщине (конец XIX века — 1917 г.) / Л. Л. Томчик // Магілёўшчына. — 2011. — № 11. — С. 207—226.
48. Тропов, И. А. Кризис местной правительственной власти в России весной—осенью 1917 г. / И. А. Тропов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2011. — № 4(10). — С. 178—181.
49. Чудаков, О. В. Становление института комиссаров Временного правительства в Сибири / О. В. Чудаков // Омский научный вестник. — 2013. — № 1(115). — С. 15—18.

Артыкул напісаны ў рэдакцыю 11.06.2018

Е. В. Хроленок,

*соискатель кафедры истории России
Белорусского государственного университета,
магистр юридических наук, юрист-лицензиат;
e-mail: evgeny00@mail.ru*

**КАЗАЧЬЕ, СЕЛЬСКОЕ И ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ
СТАРОДУБСКОГО ПОЛКА (1654—1781):
ОБЗОР ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ
И СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ**

Стародубский полк, как военно-административная единица в составе Гетманщины, окончательно сформировался к 1654 г. На первоначальном этапе он являлся частью Нежинского и управлялся наказными полковниками [1, с. 315]. Однако уже в 1663 г., в результате реформ гетмана И. М. Брюховецкого, был преобразован в самостоятельный полк. В таком статусе он уже оставался до самой ликвидации полкового деления в 1781 г. [1, с. 33].

За время существования Стародубского полка в 1654—1781 гг. было проведено большое количество различных переписей и ревизий населения, большей частью сохранившихся в архивах. В дореволюционной, советской и современной историографии было сделано немало попыток анализа документов по учету населения Стародубского полка. Но эти работы либо рассматривали источники по истории населения Левобережной Украины в целом, либо проводили глубокий анализ отдельно взятых документов, либо акцентировали внимание на отражение в них привилегированной части общества: бунчукового и значкового товарищества, старшины.

В данной работе проводится комплексное обозрение источников, содержащих сведения о казацком, сельском и городском населении Стародубского полка за весь период его существования как военно-административной единицы в составе Гетманщины. Полагаем, что данный подход позволит внести определенную научную новизну в изучение истории Гетманской Украины, региональной истории сложного контактного региона исторической Северщины (Брянщины, Северной Черниговщины), демографической, социальной истории и истории повседневности, источниковедения.

Первые сведения о населении Стародубского полка содержатся в присяжной книге Алексею Михайловичу Романову 1654 г., составленной после Переяславской рады, на которой было принято решение о переходе Гетманщины (Войска Запорожского) в подданство Московского царства. Оригинал книги находится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в фонде 124 «Малороссийские дела» [3], кроме того, в 2003 г. ее текст был опубликован в Киеве [1]. Переписчики прибыли в Стародуб из Новгород-Северского 22 февраля 1654 г. [1, с. 315]. Стародубский полк во главе с наказным полковником Афанасием Еремеевым, который одновременно являлся и Погарским сотником, был приведен к присяге в составе восьми сотен: Погарской, Стародубской, Почепской,

Топальской, Попогорской, Бобовской, Дроковской и Мглинской. В книге поименно переписаны казаки полка с сотниками, писарями, есаулами и хорунжими. Также выделены атаманы, однако без названия куреней, которыми они руководили. Интересно, что мещане записаны только в местечке Погар, в отношении же других населенных пунктов полковник и сотники пояснили, что «у них в городах и местечках мещан нет» [1, с. 315], то есть фактически все городское население Стародубщины в 1654 г. являлось казачьим.

В 1663 г. Стародубский полк образовал самостоятельный полк, в который вошли три сотни из коронного Новгород-Северского повета: Новгородская, Шептаковская и Погарская, а также четыре сотни из литовского Стародубского повета: Топальская, Стародубская, Мглинская и Почеповская [1, с. 139]. Чуть позже из Погарской сотни была выделена еще одна — Бакланская. Тогда же при гетмане И. Брюховецком, в октябре—ноябре 1665 г., стольником Кириллом Хлоповым была проведена перепись посполитых Стародуба, Погара, Мглина и Почепе с их уездами. Целью данной переписи являлось желание московского правительства обложить посполитых крестьян и мещан налогами в пользу казны. Оригинал переписных книг хранится в РГАДА в ф. 124 «Малороссийские дела» [4]. Перепись 1665 г. является достаточно информативным документом по сравнению с присяжными книгами 1654 г. В городах и селах указаны войты, ими управляющие, среди мещан выделены райцы и бурмистры. Городское население разделено на сотни и десятины с сотниками и десятниками во главе, а уезды разделены на станы. Каждый город, местечко, село и деревня обозначены отдельно, имеются указания на принадлежащие каждому населенному пункту угодья и мельницы. Поименно переписаны представители мужского пола — глава семьи и его трудоспособные родственники, с указанием на имущественное положение: тип жилого строения, наличие скота, пашни и огорода, об имеющихся промыслах, и как итог — сколько каждый из них может «дати до царской казны» [4, л. 27]. Стоит отметить, что в то время еще принадлежность человека к тому или иному сословию не являлась постоянной; так, казак мог стать посполитым, и посполитый мог записаться в казаки. Среди переписанных посполитых встречается немало людей, потомки которых в более поздних документах числятся казаками [4, л. 174; 5, л. 85]. Для значительного количества сел и деревень Стародубщины переписные книги 1665 г. являются первым случаем упоминания их в письменных источниках. Возможно, обращение к ним было бы серьезным дополнением при издании справочников, таких, как, например, энциклопедический словарь «Населенные пункты Брянского края» 2012 г., в котором сведения из переписных книг 1665 г. проигнорированы [6, с. 305].

Важными источниками, содержащими сведения о жителях Стародубского полка, являются присяжные книги царю Федору Алексеевичу 1676 г. [7], царям Ивану и Петру Алексеевичам 1682 г. [8], царевичу Петру Петровичу 1718 г. [9] и императрице Анне Иоанновне 1732 г. [10], которые хранятся в фондах РГАДА и обладают различной степенью информативности. Общее их обозрение сделано

И. И. Кривошеёй в 2011 г. [11]. Она же в 2013 г. с помощью данных присяжных книг проследила эволюцию бунчукового товарищества Стародубского полка [12]. Кроме того, сохранилась поздняя присяга 1762 г. императрице Екатерине II и цесаревичу Павлу Петровичу, оригинал которой находится в Центральном государственном историческом архиве Украины, г. Киев (ЦГИАК) [13].

«Крестоприводные» книги 1676 и 1682 гг. менее информативны, чем последующие, в части переписи населения Стародубщины, также они уступают и более ранним присяжным листам 1654 г. Полк был приведен к присяге 24 февраля 1676 г. Впервые была переписана старшина полка: полковник, обозные, писари, есаулы, хорунжие, значительные товарищи, товарищи полка и сотен. Списков же рядового казачества, как и мещанства, книга не содержит. За казаков приведены к присяге куренные и городовые атаманы, что дает представление об административном делении сотен в Стародубском полку и указывает на крупные села со значительным количеством казачьего населения. За мещан в городах и местечках присягали войты, а в Стародубе еще и бурмистры, и «вместо всех товарищов своих мещан полку Стародубовского по их велению руку приложил» [6, л. 338] писарь Иосиф Мартинович. В присяге мы находим подтверждение наличия отдельной сотни в Поповой Горе, от которой присягнули сотник, есаул и городской атаман [6, л. 340], в то время как ни в каких ранних (кроме первой переписи 1654 г.) или более поздних документах факт наличия сотни в Поповой Горе не подтверждается. Считается, что она была ликвидирована сразу после 1654 г. и более не восстанавливалась [3, с. 139], однако данная «крестоприводная» книга подтверждает, что она существовала как минимум один год — в 1676 г.

Книга «слятвенным обещаниям» 1682 г. дает развернутый список старшины Стародубского полка, однако имен рядовых казаков, даже на уровне куренных атаманов, в этот раз не содержит. Важным дополнением в этой книге, по сравнению с присягой 1676 г., являются сведения о жителях Стародуба, где в этот раз вместе с войтом и бурмистрами переписаны райцы, лавники и знатные мещане [8, л. 243об. — 244].

В 1713 г. в Стародубском полку образована Новоместская сотня с центром в Стародубе, территория которой до этого времени входила в состав Стародубской и Топальской сотен. Сведения о ее жителях впервые встречаются в присяге царевичу Петру Петровичу, которую составили в феврале 1718 г. по распоряжению Петра I, объявившего своего сына наследником престола, и которая коснулась всех слоев населения Стародубщины. Текст присяги был опубликован в 2017 г. в Украине. Здесь в большом количестве представлена старшина полка, возглавляемого Лукьяном Жоравко, переписано духовенство и мещане. Также присяга содержит поименный список рядовых казаков. Только на этот раз, наряду с разделением на сотни, руководимые сотниками, есаулами и хорунжими, присутствует разделение на курени с указанием их географической принадлежности (курень Заполский, курень Старохалееский и т. д.). Вместе с куренным атаманом прися-

гали в основном главы семейств, чем объясняется небольшое количество казаков: в среднем в курене записано 15 человек. Впервые к присяге были приведены и сельские жители. В документе населенные пункты переписаны по волостям и их владельцам. Владения Киево-Печерской лавры, находящиеся в Новоместской сотне, выделены отдельно. Перепись каждой деревни или села представляет собой поименный список посполитых, который состоит, вероятно, из наиболее зажиточных крестьян во главе с войтом. Кроме того, присяга 1718 г. содержит сведения и о других социальных группах населения полка: стрельцах, пушкарях, бобровниках и цеховых людях. Социальные группы стрельцов и бобровников сформировались в Стародубском полку к концу XVII в. В их обязанности входил отстрел зверя и бобров для дальнейшей поставки ко двору полковника или гетмана. Они получали охранные универсалы от полковников и гетманов за обязательство отбывать службу своим промыслом и таким образом со временем превратились в отдельные социальные группы [14, с. 185].

В конце XVII — начале XVIII в. на Стародубщине появилась новая группа населения — раскольники, бежавшие сюда от гонений, испытываемых на остальной территории Российской империи. Ими на территории Стародубского полка было заложено несколько слобод [15, с. 140]. Впервые население этих слобод, во главе с их войтами, было приведено к присяге на верность императрице Анне Иоанновне. Несмотря на то, что дело, содержащее эту присягу, датировано 1731 г., фактически Стародубский полк присягал в январе 1732 г., это событие нашло отражение в дневнике генерального хорунжего Николая Ханенко: «По службах была процессия на реку и по одправленном водосвятии, палено з 7 пушек, также и три сотни: полковая, новоместская и топальская беглым огнем, котории сего ж числа присягали в соборной церкви» [16, с. 34]. В этот раз, кроме раскольников, присяга практически не коснулась крестьянства. Зато было переписано большое количество городского населения: войты, бурмистры, райцы, лавники, мещане, посполитые, посадские и цеховые люди. Также присяга содержит большое количество имен рядовых казаков, структура переписи в их части неоднозначна, некоторые сотни имеют деление на курени и села, а некоторые же представляют собой лишь список казаков без какой-либо территориальной привязки. В отличие от 1718 г., в этот раз переписаны были казаки, которые фактически несли казачью службу. Так, в Новоместской сотне приведены к присяге 297 рядовых казаков [16, л. 547—550].

Еще одна присяжная книга Стародубского полка, сохранившаяся до наших дней, — это Присяга императрице Екатерине II и цесаревичу Павлу Петровичу, принесенная жителями Стародубщины в июле 1762 г. Данный документ является единственным, который хранится не в РГАДА, а в ЦГИАК и состоит из двух дел. В первом содержится сама присяга Стародубского полка [13], а второе дело переписывает казаков, находившихся в это время на форпостах Украинской линии [17]. За 30 лет, прошедших с момента присяги Анне Иоанновне, казачество в целом и Стародубский полк в частности претерпело некоторые изменения. В

связи с ростом казачьего населения и его значительным расслоением все казаки в 1735 г. были поделены по имущественному признаку на выборных и подпомощников: первые несли казачью службу, вторые лишь помогали им. Около 1750 г. Стародубская и Почепская сотни Стародубского полка были разделены надвое, и были образованы новые сотни, сохранившие название изначальных, ставших 2-й Стародубовской и 2-й Почеповской. Все эти изменения нашли свое отражение в Присяге 1762 г. В этот раз перепись совершенно не затронула сельское население, но подробно осветила казачье. По сотням, куреням и селам были переписаны все казаки, достигшие совершеннолетнего возраста, с разделением их на выборных и подпомощников, а также с указанием на степень родства по отношению к главе семьи. Известно, что на территории Мглинской сотни всегда существовала социальная группа казаков стрельцов, которой посвятила свою работу украинский историк О. А. Васильева [14]. Но Присяга 1762 г. подтверждает наличие этой социальной группы на территории не только Мглинской, но и Новоместской сотни Стародубского полка [13, л. 55об.].

Важнейшим источником для исследования жизни населения Стародубщины второй половины XVII — начала XVIII в. являются актовые книги Стародубского магистрата. Некоторые из них за 1664—1673 гг. [8], 1683 г., 1690 г. [12, с. 82], 1693 г. [19], 1690—1722 гг. [20] были изданы в XIX — начале XX в. Однако большая их часть так и осталась неосвещенной и хранится в ЦГИАК в ф. 208 «Стародубский городской магистрат» и частично в Институте рукописи НБУ им. В. Вернадского (ИР НБУВ) [21; 22]. Данные книги представляют собой сборники актов за определенный год, которые утверждались городским магистратом. Они касались не только жителей самого Стародуба, но и всего полка в целом. К таким актам относились сделки между городскими жителями, казаками и полковой старшиной, которые требовали утверждения у магистрата. Кроме того, магистрат разбирал спорные вопросы между жителями полка и рассматривал дела по обвинению их в незначительных преступлениях. Книги содержат информацию об именах жителей Стародубского полка, их имущественном положении, родственных связях, переходах из одного сословия в другое, миграции. К концу первой четверти XVIII в. Стародубский магистрат утратил свои полномочия, которые перешли к полковому и сотенному правлению. Так, в ЦГИАК в ф. 80 «Стародубская полковая канцелярия» хранятся купчие разных владельцев с 1735 г. [23].

В 1721 г. для расквартирования на территории Украины Мекленбургского корпуса была проведена перепись Черниговщины и Стародубщины. Оригинал этой книги хранится в Архиве внешней политики России МИД РФ (АВПР) [24], и, несмотря на то что она имеет название «Переписная книга Черниговских сел и деревень для занятия во оных квартир Мекленбургскому корпусу», большую ее часть занимает перепись населенных пунктов именно Стародубского полка. Анализ данной книги сделала в 1988 г. А. К. Швидько [25]. Это первая перепись Стародубского полка, затронувшая все слои населения. В кни-

ге переписаны поименно владельцы дворов: старшинских, священнических, купеческих, мещанских, казачьих и крестьянских, с разделением на «грунтовые» и «бобильские». Записаны мельницы, корчмы, рудни и их владельцы.

Уже в следующем, 1722 г., по распоряжению царского правительства в Стародубском полку была проведена кампания по розыску беглых крестьян, материалы которой вполне можно сравнить с переписью посполитого населения. Во всех населенных пунктах, у каждого крестьянина брались объяснения о его происхождении, времени появления на Стародубщине его или его предков. Жители многих сел приносили клятву под страхом денежных штрафов не принимать к себе людей «великороской породы» [26, л. 44]. Материалы этого розыскного дела хранятся в ЦГИАК в ф. 51 «Генеральная войсковая канцелярия» и занимают три дела [26—28].

Начиная с 1723 г. на территории Стародубского полка проводились ревизии различной степени информативности и различной направленности, большинство из которых сохранилось в фондах ЦГИАК.

Первая ревизия была проведена в 1723 г. Ее материалы использовал А. М. Лазаревский в конце XIX в., создавая свой труд «Описание старой Малороссии» [1]. Оригинал ревизии не сохранился, поэтому даже те статистические сведения о количестве и сословной принадлежности жителей различных населенных пунктов, которые приводил А. М. Лазаревский, являются крайне ценным источником для изучения населения Стародубского полка. Однако по некоторым селам сохранились более поздние выписки из ревизии в части казачьего населения, что дает нам возможность получить представление о ее характере. Так, казаки переписывались по дворам в каждом населенном пункте, указывались атаманы, присутствовало разделение на конных и пеших казаков. Особо отмечался порядок несения службы, например, о казаках Иваненках из села Лышичи записано следующее: «промя дворами порознь живут из одного отеческого грунту службу одну войсковую поочередно отбывают» [29, л. 41].

В 1729—1730 гг. в Стародубском полку, как и во всей Гетманщине, было проведено «Генеральное следствие о маестностях», результаты которого были оформлены в отдельную книгу по каждому полку. Стародубская книга сохранилась в двух экземплярах: один хранится в ИР НБУВ [30], а другой — в РГАДА [31]. Кроме того, текст «Генерального следствия о маестностях в Стародубском полку» был издан в Киеве в 1929 г. [32]. Целью следствия было определить права землевладельцев, а также выяснить, какие из населенных пунктов по-прежнему остаются свободными. Книга представляет собой важнейший памятник по истории землевладения на Стародубщине, но кроме этого содержит ценнейшие сведения о населении полка. Ведь были собраны сведения практически обо всех населенных пунктах с приложением универсалов и купчих записей, данные сведения подтверждались «сказками», взятыми у старожил сел и деревень, с перечислением их поименно. Исключение составили лишь «маестности», принадлежащие Киево-Печерскому, Новгородскому и Чернигов-

скому монастырям, а также императору и великороссийским владельцам «за непоказанием крепостей и за недачею старожилами сказок» [32, с. 66].

Следующая ревизия Стародубского полка была проведена в 1735—1737 гг. Оригиналы этой переписи находятся в ЦГИАК в ф. 80 «Стародубская полковая канцелярия» и занимают два дела. Одно содержит данные за 1735 г. и частично за 1737 г. [33], а второе исключительно за 1737 г. [34]. Данная ревизия коснулась только казачьего населения. По сотням, куреням и селам переписаны главы казачьих семейств с разделением их на «грунтовых, средне-грунтовых, мало-грунтовых, крайне-убогих, и их подсоседков грунтовых и безгрунтовых» [34, л. 40]. Особенностью данной ревизии является наличие в ней списков раскомандирования казаков в период с 1733 по 1737 г. Это уникальные документы, в которых поименно переписаны казаки, несшие действительную службу: участвовали в походах войны за польское наследство (1733—1735) и русско-турецкой войне (1735—1737), в карательной экспедиции в Ветку (1735), гибли и умирали в этих походах, стояли на форпостах и несли службу на Украинской линии, состояли при сотенных канцеляриях, продавали казачьи земли, уклоняясь от службы. Во всех этих списках присутствует разделение казаков по имущественному признаку на «конно-оружейных» («доброконных» и «худоконных»), «пеше-оружейных» и «пеших безоружейных», а после 1735 г. — на выборных и подпомощников. Аналогичные списки, правда, казаков только Шептаковской сотни, сохранились в делах ее канцелярии еще и за 1738 [35] и 1740 [36] гг. Данные сведения не только помогают выяснить персональный состав старшины и казаков, но и дают полное представление о мобилизационных возможностях Стародубского полка в указанный период, а также о его роли в военных конфликтах середины 30-х гг. XVII в.

В начале 1740-х гг. в Стародубском полку было проведено сразу три ревизии 1740 [37], 1741 [38] и 1743 [39; 40] гг., материалы которых хранятся в ЦГИАК в ф. 80 «Стародубская полковая канцелярия» и частично в ф. 51 «Генеральная войсковая канцелярия». Результаты ревизии 1741 г., касающиеся свободных посполитых, были переданы в Москву и ныне находятся в РГАДА в ф. 248 «Сенат и его учреждения» [41]. Данные ревизии однотипны, они охватывают все слои казачьего, городского и сельского населения и являются первыми из сохранившихся ревизий посполитых Стародубского полка. В документах поименно переписаны владельцы дворов в населенных пунктах с указанием количества хат и семей во дворе. Казаки делятся на грунтовых: среднегрунтовых, малогрунтовых; малогрунтовых подпомощников, посуседков огородников, которые «имеющие по одному коню в повинностях помоществуют», и тех, что «нищетные не ймеющие ни коней ни волов в едних хатках живущие» [40, л. 8об.]. Посполитые также имеют разделение на грунтовых и подсоседков, а последние — на тех, кто в «повинностях помоществуют» и «всеманищетные» [40, л. 143], а также на «ремесленных людей» [5, л. 460об.]. Для всех трех ревизий характерен тот факт, что они описывают меньшее количество дво-

ров в населенных пунктах, чем было на самом деле. Видимо, это было связано с попыткой населения уйти от уплаты налогов. Но это, вероятно, не устроило и правительство, поэтому уже в 1748 г. была проведена еще одна ревизия. Ее результаты также хранятся в ЦГИАК в ф. 80 «Стародубская полковая канцелярия» [42]. Данная ревизия построена по тому же принципу, что и три предыдущие, но значительно более подробная. Здесь уже владельцы дворов записываются по имени, отчеству и фамилии, кроме разделения по имущественному признаку указывается род занятий, у послопитых количество коней и волов, а у казаков — винокурен и котлов. Переписаны «шинки, школы и шпитали» [42, л. 111об.]. На этот раз количество дворов в населенных пунктах соответствует действительности. Так, в селе Павлички Стародубского полка, согласно ревизии 1740 г., было 13 малогрунтовых дворов и 17 дворов подусудков [5, л. 460—460об.], а в 1748 г. малогрунтовых 10 дворов с 13 хатами, а также два двора войта и десятника, и «нищетных и весьма убогих» оказался 81 двор с 85 хатами [42, л. 506об. — 508об.], и такая ситуация характерна для всех населенных пунктов.

На территории Новоместской сотни Стародубского полка обширные земли занимали владения Киево-Печерской лавры. А. М. Лазаревский сомневался, что их принадлежность была оформлена до 1720 г. [1, с. 436—437]. Однако С. М. Каштанов в своей статье в 2005 г. пришел к выводу о том, что какие-то владения на Стародубщине Киево-Печерский монастырь имел еще к началу XVI в. [43]. Подтверждением его теории служит запись, обнаруженная в переписных книгах 1665 г., согласно которой несколько населенных пунктов Стародубского полка уже являются «маестностью» Киево-Печерского монастыря [4, л. 282]. Монахи, независимо от государства, также проводили перепись своих вотчин. До нас дошли две инвентарные описи владений лавры за 1744 [44] и 1749 гг. [45], которые находятся в ЦГИАК в ф. 128 «Киево-Печерская лавра» и содержат подробное описание Лыбичской, Бобовичской и Попогорской волостей Стародубского полка. Наряду с подробным описанием населенных пунктов в документах фигурируют списки их жителей с указанием, кто из них, сколько и чего сеет на возделываемой земле и сколько платит налогов.

В 1750-е гг. ревизий полка не проводилось, за исключением Мглинской сотни. Данная ревизия датирована 1755 г. и хранится в ЦГИАК в ф. 80 «Стародубская полковая канцелярия», однако дело имеет очень плохую сохранность [46].

Последней ревизией Стародубского полка стала ревизия 1764 г., сохранившаяся в ЦГИАК в ф. 51 «Генеральная войсковая канцелярия» [47], ф. 80 «Стародубская полковая канцелярия» [48; 49] и ф. 128 «Киево-Печерская лавра» [50]. Она также охватила все слои населения Стародубского полка, но выгодно отличается от всех предыдущих своей информативностью. Здесь были переписаны не только владельцы дворов, но и все мужское население полка с указанием родственных связей между членами одной семьи.

Однако ни одна из ревизий не может сравниться по объему информации с Генеральной описью Малороссии, проведенной по распоряжению малороссийского генерал-губернатора графа П. А. Румянцева в 1767 г. Ее результаты сохранились в ЦГИАК в ф. 57 «Румянцевская генеральная опись Малороссии». Информация только по Стародубскому полку в ЦГИАК занимает 66 книг [51]. Их обзор составил в 1875 г. Н. Константинович [52]. Опись содержит подробное описание всех населенных пунктов Стародубского полка, подворную перепись всего населения, включая женщин и детей, их имущества: построек, земли и скота, с приложением документов, подтверждающих права на владение данным имуществом. Генеральная опись Малороссии, без сомнения, является самым важным источником для изучения населения Стародубского полка XVIII в.

Освещая тему источников, содержащих сведения о населении Стародубского полка, нельзя не отметить книги церковного учета: метрические книги и исповедные ведомости. Основная масса этих документов сосредоточена в Государственном архиве Черниговской области (ГАЧО) в ф. 679 «Черниговская духовная консистория», и меньшей частью — в ЦГИАК в ф. 127 «Киевская духовная консистория», ф. 128 «Киево-Печерская лавра» и ф. 990 «Переяславско-Бориспольская духовная консистория». Метрические книги, которые вели священники приходских церквей с 1722 г., фиксировали факты рождения, смерти и бракосочетания всех православных жителей соответствующего прихода. Благодаря данным книгам, можно проследить брачно-семейные связи населения, узнать точные даты данных событий. Кроме того, в метрических книгах есть указания на принадлежность жителей к определенному сословию, а также встречаются сведения, позволяющие понять уровень благосостояния населения того или иного населенного пункта, как, например, «размер пожертвований в церковный ящик» [53, л. 15—15об.]. Исповедные ведомости начали составляться несколько позже — в 1737 г. Они представляли собой подворную перепись всего православного (а с конца 1750-х гг. и раскольничьего) населения соответствующего прихода с указанием возраста жителей и родственных связей. Фактически это был список людей, исповедовавшихся в текущем году; в случае, если человек не являлся на исповедь, обязательно должна была быть указана причина этого. Среди таких причин могли быть «участие в походе» [54, л. 26об.] и «отправление в погонщики» [55, л. 284об.] времен русско-турецкой войны (1735—1739) или «отлучка к армии» [56, л. 1148об.] в связи с Семилетней войной (1757—1763).

Большое количество сведений о жизни населения Стародубского полка XVIII в. содержится в различных судебных делах, «доношениях» жителей друг на друга и на казачью старшину. Такие дела в большом количестве сохранились в ЦГИАК в ф. 51 «Генеральная войсковая канцелярия», ф. 53 «Первая Малороссийская коллегия», ф. 54 «Вторая Малороссийская коллегия», ф. 59 «Киевская губернская канцелярия», ф. 64 «Сотенные канцелярии», ф. 80 «Стародубская полковая канцелярия», ф. 81 «Стародубский гродский суд», ф. 82

«Стародубский поветовый земский суд», ф. 269 «Канцелярия гетмана К. Г. Разумовского», ф. 800 «Погарский поветовый земский суд», ф. 1531 «Погарский подкоморский суд», ф. 1564 «Стародубский подкоморский суд». Среди таких дел находятся сведения о казаках, закрепощенных старшиной, князем А. Д. Меньшиковым, Киево-Печерской лаврой, также в них можно встретить выписки из несохранившейся ревизии 1723 г. [29, л. 41—42]. Благодаря данным сведениям известно о количестве земли, промыслах, мельницах, «детяревых майданах» [57] различных жителей полка; об обидах, которые друг другу наносили посполитые, казаки и мещане. С помощью этих документов можно воссоздать картину жизни населения полка в XVIII в.

Ценнейшим и наименее изученным источником по истории населения Стародубского полка являются так называемые «походные списки» казаков и посполитых. Они составлялись перед отправлением команды в поход либо по итогам ее возвращения. Как правило, такие списки содержали имена и фамилии казаков и посполитых и составлялись по территориальному признаку с указанием сотни (реже куреня или населенного пункта), однако можно встретить указание на возраст и количество снаряжения.

За XVII в. сохранилось лишь три таких документа, хранящихся в РГАДА. Первый список связан с посольством стародубского полковника Рославца в Москву в 1676 г., в нем поименно переписано прибывшее с ним «товариство» Стародубской, Бакланской и Почеповской сотен [58, л. 181—183]. Второй датирован 1678 г. и представляет собой посотенный поименный список павших под Чигирином казаков, в том числе и Стародубского полка: Стародубской, Бакланской (названа здесь Завабельской), Мглинской, Шептаковской, Почеповской и Погарской сотен [59, л. 13—15об.]. Текст данного донесения был опубликован в альманахе «Единорог» в 2011 г. [60]. Третий список, отправленный гетманом И. Мазепой в Москву, представляет собой перепись раненых и убитых казаков при штурме турецкой крепости Казы-Кирмень в 1695 г. В части Стародубского полка в нем есть сведения о казаках пешего полка и казаках Стародубской, Бакланской, Шептаковской, Почепской, Погарской и Мглинской сотен [61, л. 300—303, 320—321].

Однако подавляющее большинство «походных» списков относится к XVIII в., начиная с 1724 г. К сведениям из них в своих работах эпизодически обращались украинские историки В. В. Кривошея [62], И. И. Кривошея [12], О. А. Репан [63], а один, более поздний список 1784 г., был опубликован в 2012 г. в Харькове [64]. Но основная масса этих документов еще ждет своего анализа и опубликования. Все «походные» списки хранятся в ЦГИАК в ф. 51 «Генеральная войсковая канцелярия», ф. 54 «Вторая Малороссийская коллегия», ф. 80 «Стародубская полковая канцелярия», ф. 736 «Канцелярии Киевского, Черниговского и Новгород-Северского генерал-губернатора» и ф. 1501 «Генеральная военная походная канцелярия». Списки охватывают заключительный этап персидских походов Петра I в 1724 [65] и 1725 [66] гг.; большое

количество списков касается русско-турецкой войны (1735—1739), где переписаны буквально все казаки, принявшие участие в той кампании, а также посполитые, предоставившие волов для армии [67] и отправившиеся на ремонт разрушенных укреплений и крепостей [68], несколько списков связано с Семилетней войной (1757—1767) [69; 70].

После проведения реформы П. А. Румянцева и образования казачьих полков по примеру регулярной армии учет казаков, проходящих действительную службу, стал вестись еще более тщательно. К этому периоду относятся списки, свидетельствующие об участии казаков [71] и посполитых [72] Стародубского полка в русско-турецкой войне (1768—1774), в присоединении части бывшей Речи Посполитой (1772) [73, л. 26об. — 29], подавлении восстания Е. Пугачева в Казанской губернии (1774) [73, л. 22об. — 25об.], в Крымском походе (1776) [73, л. 29об. — 30]. Более поздние списки, составленные в 1784—1785 гг., уже после упразднения полкового деления, содержат сведения о поступлении на службу и участии в военных кампаниях казаков во время еще существования Стародубского полка [74, л. 482об.].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что архивы России и Украины содержат значительное количество источников для изучения жизни населения Стародубского полка в период его существования как военно-административной единицы в составе Гетманщины с 1654 по 1781 г. Однако в своем большинстве эти источники не опубликованы и не отражены в историографии.

Источники и литература

1. Присяжні книги 1654 р. Білоцерківський та Ніжинський полки / НАН України, Інститут української археології та джерелознавства ім. М. Грушевського, Нац. ун-т «Києво-Могилянська академія», Ніжинська міська рада; упоряд.: Ю. Мицик, М. Кравеч; голова ред. кол. П. С. Сохань. — Київ: КМ Академія, 2003. — 350 с.
2. Лазаревский, А. М. Описание старой Малороссии: в 3 т. / А. М. Лазаревский. — 2-е изд. — Брянск: Белые Берега: Белобережье, 2008. — Т. 1: Полк Стародубский. — 560 с.
3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). — Ф. 124. — Оп. 1. — Д. 3.
4. РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1. — Д. 73.
5. Центральний державний історичний архів України у м. Київ (ЦДІАК). — Ф. 208. — Оп. 1. — Д. 35.
6. Населенные пункты Брянского края: энциклопедический словарь / сост. О. Р. Вязьмитин. — 2-е изд. — Брянск: Белые Берега: Белобережье, 2012. — 468 с.
7. РГАДА. — Ф. 229. — Оп. 2. — Д. 42.
8. РГАДА. — Ф. 229. — Оп. 2. — Д. 54.
9. РГАДА. — Ф. 140. — Оп. 1. — Д. 34.
10. РГАДА. — Ф. 248. — Оп. 103. — Д. 8250.
11. Кривошея, І. І. Присяги російським царям XVII—XVIII ст. як джерело історії неурядової старшини Гетьманщини / І. І. Кривошея // Сіверянський літопис. — 2011. — № 4. — С. 17—26.

12. Кривошея, И. И. Бунчуковое товарищество Стародубского полка (вторая половина XVII — первая треть XVIII в.) / И. И. Кривошея // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. — 2013. — № 8. — Вып. 26. — С. 80—88.
13. ЦДАК. — Ф. 51. — Оп. 3. — Д. 17215.
14. Васильева, О. О. Стрільці в структурі козацького стану (друга половина XVII — XVIII ст.) / О. О. Васильева // Гілея. — 2011. — № 52. — С. 185—191.
15. Лилеев, М. И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII—XVIII вв. / М. И. Лилеев. — Киев: Тип. Корчак-Новицкого, 1895. — 614 с.
16. Дневник генерального хорунжего Николая Ханенко 1727—1753 гг. / под ред. А. Лазаревского // Киевская старина, приложение. — 1884. — № 5. — С. 33—48.
17. ЦДАК. — Ф. 51. — Оп. 3. — Д. 17216.
18. Орывки из Стародубовской месской книги за 1664—1673 гг. / под ред. В. Л. Модзалевского // Труды Черниговской губернской архивной комиссии. 1909—1910. — 1911. — № 8. — С. 71—105.
19. Актовая книга Стародубского городского уряда 1693 года / под ред. В. Модзалевского. — Чернигов: Тип. Г. М. Веселой, 1914. — 141 с.
20. Стародубского магистрата книга справ поточных (1690—1722) / под ред. Д. П. Миллер, М. М. Плохинский // Труды педагогического отдела историко-филологического общества: сб. / Харьковское историко-филологическое общество. — Харьков, 1894. — Т. 6. — Вып. 2. — С. 259—274.
21. Інститут рукопису Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського (ІР НБУВ). — Ф. 28. — Д. 49—84.
22. ІР НБУВ. — Ф. 1. — Д. 65880—65920.
23. ЦДАК. — Ф. 80. — Оп. 2. — Д. 363.
24. Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской Федерации (АВПР). — Ф. 124. — Оп. 1. — Д. 62.
25. Швидько, А. К. Население Стародубщины по переписной книге 1721 г. / А. К. Швидько // Тезисы докладов 1 межвузовской историко-краеведческой конференции. — Брянск, 1988. — С. 48—49.
26. ЦДАК. — Ф. 51. — Оп. 3. — Д. 833.
27. ЦДАК. — Ф. 51. — Оп. 3. — Д. 783.
28. ЦДАК. — Ф. 51. — Оп. 3. — Д. 800.
29. ЦДАК. — Ф. 51. — Оп. 3. — Д. 10025.
30. ІР НБУВ. — Ф. 119. — Оп. 1 — Д. 14.
31. РГАДА. — Ф. 248. — Оп. 29. — Д. 1813.
32. Генеральне слідство про маєстні Стародубського полку / Український архів, вид. Археографічної комісії; сост. К. О. Лазаревська. — Київ: друк. ВУАН, 1929. — 576 с.
33. ЦДАК. — Ф. 80. — Оп. 2. — Д. 315.
34. ЦДАК. — Ф. 80. — Оп. 2. — Д. 321.
35. ЦДАК. — Ф. 64. — Оп. 1. — Д. 837.
36. ЦДАК. — Ф. 64. — Оп. 1. — Д. 918.
37. ЦДАК. — Ф. 80. — Оп. 2. — Д. 314.
38. ЦДАК. — Ф. 80. — Оп. 2. — Д. 317.
39. ЦДАК. — Ф. 80. — Оп. 2. — Д. 318.
40. ЦДАК. — Ф. 51. — Оп. 3. — Д. 20052.
41. РГАДА. — Ф. 248. — Оп. 29. — Д. 1850.

42. ЦДДАК. — Ф. 80. — Оп. 2. — Д. 319.
43. Кашпанов, С. М. О взаимоотношениях Киево-Печерского монастыря с правительством царя Федора Ивановича в 1585 г. / С. М. Кашпанов // Исторический архив. — 2005. — № 1. — С. 175—197.
44. ЦДДАК. — Ф. 128. — Оп. 1 (Вотчинные дела). — Д. 1674.
45. ЦДДАК. — Ф. 128. — Оп. 4 (Вотчинные дела). — Д. 98.
46. ЦДДАК. — Ф. 80. — Оп. 2. — Д. 320.
47. ЦДДАК. — Ф. 51. — Оп. 3. — Д. 19349.
48. ЦДДАК. — Ф. 80. — Оп. 2. — Д. 325.
49. ЦДДАК. — Ф. 80. — Оп. 2. — Д. 330.
50. ЦДДАК. — Ф. 128. — Оп. 4 (Вотчинные дела). — Д. 22.
51. ЦДДАК. — Ф. 57. — Оп. 1. — Д. 75—147.
52. Константинович, Н. А. Обзорение Румянцевской описи Малороссии. Полк Стародубский / Н. А. Константинович // Обзорение Румянцевской описи Малороссии / Н. А. Константинович, А. М. Лазаревский. — Чернигов, 1875. — С. 391—857.
53. ЦДДАК. — Ф. 127. — Оп. 1012. — Д. 87а.
54. ЦДДАК. — Ф. 128. — Оп. 4. — Д. 20.
55. ЦДДАК. — Ф. 128. — Оп. 4. — Д. 25.
56. ЦДДАК. — Ф. 127. — Оп. 1015. — Д. 32.
57. ЦДДАК. — Ф. 80. — Оп. 2. — Д. 222.
58. РГАДА. — Ф. 229. — Оп. 1. — Д. 107.
59. РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 3. — Д. 352.
60. Кочегаров, К. А. Потери Войска Запорожского в Чигиринской кампании 1678 г. / К. А. Кочегаров // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. — 2011. — № 2. — С. 348—431.
61. РГАДА. — Ф. 229. — Оп. 1. — Д. 84.
62. Кривошея, В. В. Козацька еліта Гетьманщини / В. В. Кривошея. — Київ: ІПіЕНД імені І. Ф. Кураса НАН України, 2008. — 452 с.
63. Репан, О. А. Іржа на лезі: лівобережне козацтво і російсько-турецька війна 1735—1739 рр./ О. А. Репан. — Київ: Києво-Могилянська Академія, 2009. — 195 с.
64. Именные списки казаков украинских полков, проходящих войсковую службу в 1784—1785 гг. / Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев; редкол.: А. Ю. Гриппа, В. Л. Маслийчук, А. Ф. Парамонов. — Харьков: Харьковский частный музей городской усадьбы, 2012. — 196 с.
65. ЦДДАК. — Ф. 51. — Оп. 3. — Д. 1299.
66. ЦДДАК. — Ф. 51. — Оп. 3. — Д. 1718.
67. ЦДДАК. — Ф. 51. — Оп. 3. — Д. 7660.
68. ЦДДАК. — Ф. 51. — Оп. 3. — Д. 5797.
69. ЦДДАК. — Ф. 51. — Оп. 3. — Д. 16904.
70. ЦДДАК. — Ф. 54. — Оп. 1. — Д. 156.
71. ЦДДАК. — Ф. 54. — Оп. 3. — Д. 3459.
72. ЦДДАК. — Ф. 80. — Оп. 1. — Д. 43.
73. ЦДДАК. — Ф. 54. — Оп. 3. — Д. 10761.
74. ЦДДАК. — Ф. 736. — Оп. 1. — Д. 446.

В. С. Пазднякоў,

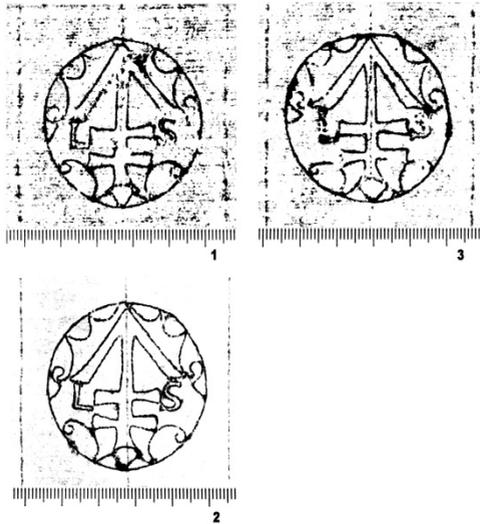
загадчык аддзела археаграфіі
 Беларускага навукова-даследчага інстытута
 дакументазнаўства і архіўнай справы,
 кандыдат гістарычных навук;
 e-mail: vpmiensk@gmail.com

ПЕРШЫЯ ФІЛІГРАНЫ З ГЕРБАМ «ЛІС» (КАНЕЦ XVI ст.)

Маркіровачныя знакі паперы з гербам «Ліс» былі даволі распаўсюджаны ў Вялікім Княстве Літоўскім, асабліва ў XVII ст. На нашых землях яны з'явіліся ў канцы XVI ст. Самыя раннія знакі з «Лісам» адносяцца да двух тыпаў. Разгледзім іх падрабязней.

Тып I

Да яго адносяцца добра вядомыя круглыя філіграні з гербавым знакам «Ліс», валютамі па коле і ініцыяламі LS (рыс. 1; тут і далей філіграні прыведзены парамі, размешчанымі ў шэраг, адлюскі з адной формы размешчаны ў слупок). Безумоўна, гэта ініцыялы Льва Сапегі, пісара ВКЛ у 1581—1585 гг., падканцлера ВКЛ у 1585—1589 гг., канцлера ВКЛ у 1589—1623 гг., ваяводы віленскага ў 1623—1633 гг., вялікага гетмана ВКЛ у 1625—1633 гг.

Рыс. 1. Філіграні з гербам «Ліс» тыпу I.

1 — НГАБ. Ф. 1785. Воп. 1. Стр. 16. Арк. 124 (1598 г., Слонім);

2 — НГАБ. Ф. 694. Воп. 4. Стр. 1336. Арк. 193 (1602 г.);

3 — НГАБ. Ф. 1785. Воп. 1. Стр. 16. Арк. 125 (1598 г., Слонім).

Упершыню такую філігрань апублікаваў у 1844 г. Карнілій Трамонін, які знайшоў яе ў «рукапісных літоўскіх актах» [1, № 1208]. Гэты комплекс даку-

менгаў з разнастайнымі філігранямі Трамонін датаваў 1582 г. Адразу адзначым, што гэта вельмі ранняе датаванне знака, якое не знаходзіць пацвярджэння ў іншых матэрыялах.

Малонак і звесткі Трамоніна паўтарыў польскі гісторык Уладзімеж Будка ў 1928 г. [2]. У больш позняй працы гэтую філігрань У. Будка датаваў інакш, бо знайшоў яе ў дакуменце 1593 г., складзеным у Варшаве [3, № 234; 4, s. 255, 294]. У першай працы У. Будка выказаў меркаванне, што Сапегаўская паперня знаходзілася ў Палонску каля Ружанаў, з чым можна пагадзіцца, але толькі ў дачыненні да XVII ст.

Літоўскі даследчык Эдмундас Лаўцявічус апублікаваў у 1964 г. два малонкі такога знака, прычым адзін быў без ініцыялаў. Пэўна, яны адваліліся ў ходзе адліўкі паперы ці проста не былі бачны на агледзеным аркушы. Знакі датаваны 1597 г. (Коўна) і 1600 г. (Вільня). Вытворчасць такой паперы Лаўцявічус звязаў з дзейнасцю Лукаша Мамоніча [5]. У далейшым Лаўцявічус значна пашырыў сваю калекцыю выяў такога тыпу.

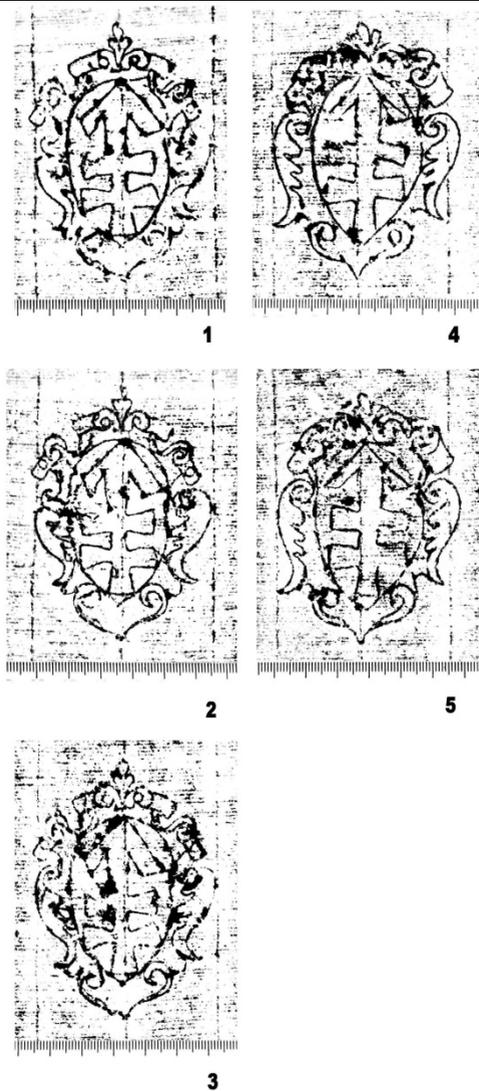
У ходзе нашых пошукаў філіграні гэтага тыпу трапіліся на дакументах 1598 г., створаных у Слоніме, і на дакуменце 1602 г. Пры гэтым аказалася, што маюцца дзве разнавіднасці знака, якія адрозніваюцца дробнымі прыкметамі, так што, хутчэй за ўсё, мы маем справу з парнымі філігранямі, якія выкарыстоўваліся адначасова. У літаратуры гэтыя знакі адзначаны неаднаразова. Іх даты выкарыстання ўкладаюцца ў прамежак 1597—1604 гг.: 1597 г. (Вількамір), 1598 г. (Вільня, Коўна, Вількамір), 1599 г. (Вільня), 1600 г. (Вільня, Коўна), 1601 г. (Расейны), 1602 г. (Вільня, Расейны), 1603 г. (Расейны), 1604 г. (Посваль) [6, № 1857—1865]; 1598 і 1599 гг. [7, № 501, 502], 1594—1607 гг. (абагульненая дата калекцыі філіграней Н. І. Ціхамірава) [8, № 1212. С. 33, 226]; 1600 г. (друкаванае «Евангелле напрасольнае», Вільня) [9, № 102]. Філігрань сустракаецца ў друкаваным Статуце ВКЛ 1588 г., але не ў першым, а пазнейшых выданнях.

Тып II

Другі тып ранніх філіграней з гербам «Ліс» мае зусім іншы выгляд. Тут «Ліс» змешчаны ў картушы з валютамі, ініцыялы адсутнічаюць.

Упершыню філігрань такога тыпу апублікаваў К. Трамонін, які знайшоў яе ў віленскім «Евангеллі вучыцельным» 1595 г. [1, № 1276].

Храналогія ўжывання такіх філіграней наступная. Самыя раннія адзначаны А. Мацюком у «Евангеллі вучыцельным», выдадзеным у Заблудаве ў 1569 г. [10, с. 32. № 113; 11]. Відавочна, гэта памылка. Разам з разглядаемай філігранню А. Мацюк адзначаў у той жа кнізе круглую філігрань з гербам «Ліс» і ініцыяламі Льва Сапегі, якая, зыходзячы з гадоў жыцця гэтай асобы, ніяк не можа датавацца 1569 г. Відавочна, што тут мы маем справу з бльганінай, і разглядаеца А. Мацюком «Евангелле вучыцельнае» з'яўляецца перадрукоўкай, зробленай у Віленскай друкарні Мамонічаў у 1595 г. [12, с. 918]. Наступная кніга, дзе фіксуецца разглядаемая філігрань — віленскае выданне Статута ВКЛ 1588 г. Аднак гэта кніга перавыдавалася некалькі разоў, таму дата 1588 г. умоўная.

Рыс. 2. Філіграні з гербам «Ліс» тыпу II, пара 1.

- 1 — НГАБ. Ф. 1785. Воп. 1. Спр. 15. Арк. 291 (1597 г., Слонім);
 2 — НГАБ. Ф. 1785. Воп. 1. Спр. 15. Арк. 264 (1597 г., Слонім);
 3 — НГАБ. Ф. 1785. Воп. 1. Спр. 16. Арк. 13 (1598 г., Слонім);
 4 — НГАБ. Ф. 1785. Воп. 1. Спр. 15. Арк. 265 (1597 г., Слонім);
 5 — НГАБ. Ф. 1785. Воп. 1. Спр. 16. Арк. 39 (1598 г., Слонім).

Больш дакладныя звесткі пра разглядаемую філігрань паходзяць з сярэдзіны 1590-х гг. Упершыню яна з'явілася ў кнізе М. Вітаслаўскага «Лютня на вяселле» (Вільня, 1594). Потым адзначаецца ў «Евангеллі вучыцельным» (Вільня, 1595), у кнізе М. Сміглецкага «Іра Боства» (Вільня, 1595), у выданні Войцеха Кабылінскага (Кракаў, 1595), у выданнях Алексія Радэцкага (Кракаў, 1597), у «Евангеллі напрасольным» (Вільня, 1600), выданнях Алексія Радэцкага і Себасцяяна Стэрнацкага (Кракаў, 1600).

У 1597 г. папера з такімі філігранямі выкарыстоўвалася для напісання дакументаў у Вількаміры, Расейнах, Слоніме, у 1598 г. — у Слоніме, Посвалі, у 1600 г. — у Вільні, у 1601 г. — у Пінску, Кейданах, у 1602 г. — у Вільні, Расейнах, у 1603 г. — у Слоніме.

Колькі існуе відаў разглядаемай філіграні? На аснове сабраных намі матэрыялаў было вылучана шэсць варыянтаў, пры гэтым чатыры былі ідэнтыфікаваныя як парныя (дзве пары).

Шматлікасць варыянтаў дазваляе пабудаваць тыпалагічны шэраг выяў, пры гэтым у пачатак шэрагу паставіць найбольш дасканалыя выявы. Самы складаны варыянт паказаны на рыс. 2 (левы слупок). Філігрань мае картуш, у верхняй частцы якога змешчаны чатыры дэкаратыўныя скруткі. Парная да яго філігрань (рыс. 2, правы слупок) ужо крыху спрошчана: два скруткі заменены простымі завіткамі. Чатыры астатнія філіграні гэтага тыпу яшчэ больш спрошчаны: усе чатыры скруткі заменены на завіткі, гербавы знак паменшаны ў памеры і не датыкаецца межў авала, агульныя памеры знака таксама зменшаны.

Разгледзім храналогію ўжывання філіграней гэтага тыпу больш падрабязна.

Самая складаная і дасканалая філігрань (рыс. 2, левы слупок) знойдзена намі ў дакументах, складзеных у 1597—1598 гг. у Слоніме [13, № 116]. Папера з такім знакам ужыта пры друкаванні кнігі Войцеха Кабылінскага (Кракаў, 1595) [14, № 519]. Парная філігрань, але з адным скруткам (рыс. 2, правы слупок), у нашых матэрыялах таксама адносіцца да 1597—1598 гг. (Слонім) [13, № 117]. Такая папера ўжыта пры друкаванні «Евангелія вучыцельнага» (Вільня, 1595) [1, № 1276; 10, с. 32. № 113; 11, с. 130—136] (А. Мацок памылкова палічыў гэту кнігу заблудаўскім выданнем 1569 г.), кнігі М. Вітаслаўскага «Лютня на вяселле» (Witosławski M. Lutnia na wesele ... Вільня, 1594), кнігі М. Сміглецкага «Іра Боства» (Smiglecki M. O Bostwie przedwiecznym Syna Bożego ... Вільня, 1595) [6, № 1902], у дакуменце 1596 г. (Уладзімір) [3, № 235; 4, s. 255].

Другая пара філіграней гэтага тыпу (рыс. 3) у нашых матэрыялах датуецца 1597 г. (Слонім) [13, № 112, 113]. Іншыя даследчыкі знайшлі іх адпаведна (разнавіднасць рыс. 3, левы слупок): у дакументах 1597, 1602 гг. (Расейны), 1600, 1602 гг. (Вільня), 1601 г. (Кейданы), у друкаваным «Евангеллі напрасольным» (Вільня, 1600), друкаваным Статуце 1588 г. (пазнейшае выданне) [6, № 1904, 1907, 1908]; а таксама (разнавіднасць рыс. 3, правы слупок): у друкаванай кнізе Алексія Радэцкага (Кракаў, 1597), на дакуменце 1598 г. (Заслаў) [3, № 236; 4, s. 255], на ўкраінскім дакуменце 1598 г. [15, с. 11. № 394].

1

3

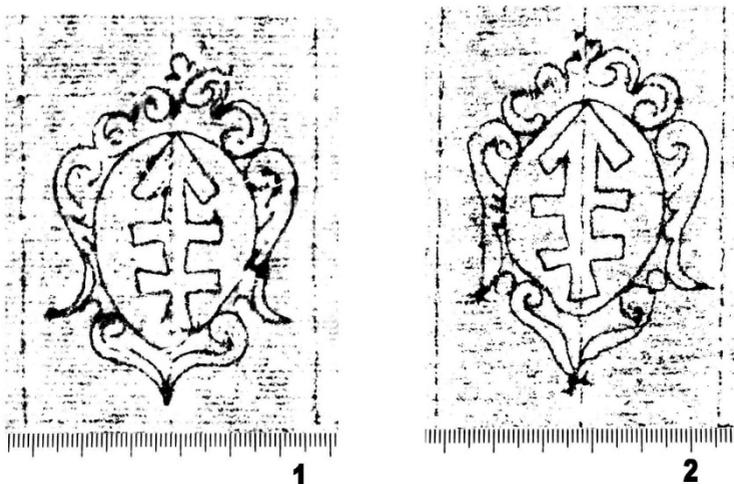

2

Рыс. 3. Філіграні з гербам «Ліс» тыпу II, пара 2.

- 1 — НГАБ. Ф. 1785. Воп. 1. Стр. 15. Арк. 181 (1597 г., Слонім);
 2 — НГАБ. Ф. 1785. Воп. 1. Стр. 15. Арк. 345 (1597 г., Слонім);
 3 — НГАБ. Ф. 1785. Воп. 1. Стр. 15. Арк. 358а (1597 г., Слонім).

Астатнія дзве філіграні (рыс. 4) вельмі падобныя адна на адну, магчыма, яны таксама парныя, але наяўныя ў нас матэрыялы не дазваляюць гэта ўпэўнена сцвярджаць. Адна з іх (рыс. 4, злева) знойдзена на дакуменце 1598 г. (Слонім) [13, № 114], а другая (рыс. 4, справа) — на дакуменце 1603 г. (Слонім) [13, № 115]. Іншыя даследчыкі знайшлі іх адпаведна (разнавіднасць рыс. 4, злева): у друкаванай кнізе А. Радэцкага (Кракаў, 1597), у друку Г. Радэцкага (Кракаў, 1600), у друку С. Стэрнацкага (Кракаў, 1600) [14, № 518, 521, 522]; а таксама (разнавіднасць рыс. 4, справа): на дакументах 1597 г. (Вількамір), 1598 г. (Посваль), 1601 г. (Пінск), у друкаваным «Евангеллі напразастольным» (Вільня, 1600), друкаваным Статуце 1588 г. (пазнейшае выданне) [6, № 1903, 1905, 1906; 9, № 104].

Рыс. 4. Філіграні з гербам «Ліс» тыпу II, пара 3.

1 — НГАБ. Ф. 1785. Воп. 1. Стр. 16. Арк. 170 (1598 г., Слонім);

2 — НГАБ. Ф. 1785. Воп. 1. Стр. 19. Арк. 280 (1603 г., Слонім).

Абапіраючыся на сумарныя храналагічныя даныя, можна заўважыць, што пара (рыс. 2) найбольш ранняя і ўжывалася ў прамежку 1594—1598 гг. Спрошчаная пара знакаў (рыс. 3) ужывалася крыху пазней — у 1597—1602 гг., як і два астатнія знакі (рыс. 4) — у 1597—1603 гг.

Застаецца адкрытым пытанне, якая паперня вырабляла гэтыя знакі?

Польскі даследчык У. Будка адносіць іх да вытворчасці Вільні, аднак ніяк не аргументаваў сваю думку [4, s. 255, 294]. Э. Лаўцывічус, які сабраў шмат такіх знакаў, ідэнтыфікацыі паперні не даў. Ядвіга Сінярская-Чапліцкая не была ўпэўнена, што такія філіграні належалі Сапегам. Яна звяртае ўвагу, што агульныя абрысы гэтых філіграней нагадваюць кракаўскія (з іншымі гербамі). Да таго такія філіграні з «Лісам» сустракаюцца ў кракаўскіх старадруках, а «на падставе доволі ўважлівага аналізу паперы выданняў, надрукаваных на землях усёй Рэчы

Паспалітай, мабыць, няма выпадку, каб літоўская папера была прывезена для патрэб малапольскіх друкарняў» [14, с. 19]. Да гэтага можна дадаць, што папера з такім тыпам філіграней сустракаецца на ўкраінскіх землях (Уладзімір, Заслаў), што таксама хутчэй указвае на Кракаў як на месца яе вытворчасці.

Маючы два тыпы філіграней з гербам «Ліс», можна памеркаваць, якія з іх адносяцца да вытворчасці Вільні, бо менавіта тут у канцы XVI ст. адзначаецца вытворчасць паперы, звязаная з імем Лукаша Мамоніча.

З наяўных дакументаў пра віленскую паперню можна сказаць наступнае. Яшчэ 28 сакавіка 1566 г. вялікі князь літоўскі і кароль польскі Жыгімонт Аўгуст даў млынару Лукашу Юдку пляц у 1 валоку для пабудовы млына (які называецца таксама гамер) на р. Вільня, каля вялікай дарогі, якая шла з Вільні да Раканцішак. Пры гэтым Юдка быў вызвалены ад усялякай аплаты, а пасля яго смерці яго ўдава і сыны мелі плаціць у гаспадарскі скарб па 8 коп грошаў штогод. Ад сябе Лукаш Юдка запісаў сваёй жонцы, Кацярыне Феранцаўне, 200 коп грошаў на гэты пляц і млын. Пасля смерці мужа (якая наступіла да 1595 г.) Кацярына засталася ўласніцай гэтага прадпрыемства, але хутка яго адабраў дзяржаўны ўраднік — падскарбі земскі і пісар ВКЛ Дзмітры Халецкі. Кацярына падала на яго скаргу ў Віленскі гродскі суд, які з-за таго, што на суд з боку Халецкага ніхто не з'явіўся, прысудзіў млын удаве. Далей справа пайшла на разгляд гаспадарскага суда, і 4 сакавіка 1595 г. суд вырашыў пакінуць млын ва ўладанні Кацярыны. На судзе высветлілася, што ў справу быў ангажаваны скарбны ВКЛ Лукаш Мамоніч, які, пэўна, атрымаў млын ад Дзмітрыя Халецкага. Суд прадаставіў Кацярыне права спаганяць з Мамоніча тья шкоды, якія яна панесла ў выніку дзесяняў улад [16, арк. 454адв. — 455адв.].

Пры апісанні ўсіх гэтых падзей паперня не ўпамінаецца, пэўна, яе яшчэ не было. Але ў 1598 г. яна ўпамінаецца. У гэты час яна з млынамі і гамерамі знаходзілася ў фальварку Павлина Лукаша Мамоніча: «в тые каменіцы помененье и в фольварокъ Повильно, млыны, гамеръ и в паперню, так же и во вси иншия маестности» [17, с. 149]. Атрымліваецца, што пасля судовага выраку 1595 г. Лукаш Мамоніч нейкім чынам умацаваў за сабой пляц з млынам і гамерам і пабудаваў там паперню.

На падставе гэтых дакументаў можна зрабіць выснову, што філігрань з гербам «Ліс» і без аніякіх ініцыялаў (тып II) не можа належаць віленскай паперні, бо філігрань з'явілася ў друкаваных выданнях у 1594 г., а віленская паперня пачала дзейнічаць не раней за 1595 г.

У той жа час і філігрань з «Лісам» і ініцыяламі LS (тып I) таксама, быццам, з'явілася ў больш ранні час, чым была пабудавана паперня на р. Вільні, прынамсі, сустракаюцца даты 1593 і сумарна 1594—1607 гг. (гл. вышэй). Аднак другая дата ў гэтым шэрагу — умоўная, паўстала ў выніку абагульнення звестак з калекцыі філіграней Н. І. Ціхамірава [8, № 1212. С. 33, 226]. У такім выпадку першая дата аказваецца храналагічна адарванай ад асноўнага масіву даных і неверагоднай. Э. Лаўцявічус, які абагульніў звесткі літоўскіх архіваў, датаваў яе

1597 г. і далей. Па нашых, беларускіх, матэрыялах, яна сустракаецца з 1598 г. і далей. Гэта адпавядае даным пісьмовых дакументаў адносна з'яўлення паперні на р. Вільні — паміж 1595 і 1598 гг. Такім чынам, з'яўленне яе паперы, пазначанай філігранню з гербам «Ліс» і ініцыяламі LS, можна датаваць 1597 г.

Самі па сабе разглядаемія філіграні даволі цікавыя, але асаблівае значэнне яны маюць у сувязі з датаваннем друкаванага Статута ВКЛ 1588 г. Прычым у розных выданнях Статута сустракаюцца філіграні як тыпу I (з ініцыяламі LS), так і тыпу II (без ініцыялаў). Калі звярнуцца да філіграней «Ліс» без ініцыялаў, то можна заўважыць, што ранніх філіграней такога тыпу ў Статуце няма. Статутныя філіграні сабраў у сваім альбоме Э. Лаўцявічус. Пры гэтым яму спаткаліся філіграні тых разнавіднасцей (рыс 3, левы і правы слупкі; рыс. 4, справа), якія па надзейных звестках датуюцца не раней за 1597 г. Статутныя філіграні з «Лісам» з ініцыяламі LS (тып I) таксама датуюцца не раней за 1597 г.

Усё гэта паказвае, што тыя выданні Статута ВКЛ 1588 г., якія маюць філіграні гэтых тыпаў, таксама не варта датаваць раней за 1597 г. Э. Лаўцявічус на аснове аналізу філіграней вылучыў два выданні Статута ВКЛ 1588 г.: першае выйшла ў 1588 г., а другое — у прамежку 1597—1602 гг., хутчэй, у 1600 г., але не выключыў магчымасці існавання іншых выданняў [6, р. 154—157].

Да праблемы датавання выданняў Статута 1588 г. на аснове філіграней звярнуўся У. Мякішаў. Паводле яго назіранняў, філіграні з гербам «Ліс» без ініцыялаў і ініцыяламі LS спатыкаюцца толькі ў трэцім выданні Статута. Усе гэтыя філіграні ён лічыў прыналежнасцю паперні Мамонічаў у Павільні, а трэцяе выданне Статута ён услед за Э. Лаўцявічусам датаваў 1600 г. [18, с. 204]. Калі апошняе сцвярдженне можна прыняць з пэўнай доляй верагоднасці (для ўдакладнення трэба аналіз філіграней Статута ўсіх тыпаў, а іх каля 40), то аднясенне агулам усіх філіграней з гербам «Ліс» да вытворчасці Мамонічаў выклікае пырэчнасці. І зусім нельга пагадзіцца з думкай А. Гусевай, якая датавала апошняе выданне Статута прыкладна 1594/1595 гг. [12, с. 909].

Літаратура

1. Тромонин, К. Изъяснения знаков, видимых в писчей бумаге, посредством которых можно узнавать, когда написаны или напечатаны какие-либо книги, грамматы, рисунки, картинки и другие старинные и нестаринные дела, на которых не означено годов / К. Тромонин. — М., 1844. — 22 с., CIV табл.
2. Budka, W. Filigrany z herbami Łodzia i Lis / W. Budka // Antologia prac historyka papiernictwa Włodzimierza Budki. — Nowa Ruda, 2009. — S. 32—34.
3. Budka, W. Znaki wodne papierni w Rzeczypospolitej Polskiej XVI w. / W. Budka // Papiernie w Polsce XVI wieku. — Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1971. — 79 s., 26 tabl.
4. Budka, W. Znaki wodne papierni w Rzeczypospolitej Polskiej XVI w. / W. Budka // Antologia prac historyka papiernictwa Włodzimierza Budki. — Nowa Ruda, 2009. — S. 248—299.
5. Laucevičius, E. Lietuvos popieriaus dirbtuvės XVI—XVII amžiais / E. Laucevičius // Iš Lietuvos kultūros istorijos. — Vilnius, 1964. — IV. — P. 239—272.
6. Laucevičius, E. Popierius Lietuvoje XV—XVIII a. / E. Laucevičius. — Vilnius: Mintis, 1967. — 287 p.

7. Siniarska-Czaplicka, J. Filigrany papierni położonych na odszarze Rzeczypospolitej Polskiej od początku XVI do połowy XVIII wieku / J. Siniarska-Czaplicka. — Wrocław, Warszawa; Kraków, 1969. — XVI, 41 s., CCXXVIII tabl.
8. Филиграния XVII века по рукописным источникам ГИМ: Каталог / Составители: Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина. — М., 1988. — 246 с.
9. Филиграния XVII века по старопечатным книгам Украины и Литвы: Каталог / Составитель Т. В. Дианова. — М.: ГИМ, 1993. — 191 с.
10. Мацюк, О. Я. Бумага изданий Ивана Федорова / О. Я. Мацюк // Федоровские чтения, 1978. — М.: Наука, 1981. — С. С. 21—34.
11. Мацюк, О. Я. Бумага заблудовских изданий / О. Я. Мацюк // Иван Федоров и восточнославянское книгопечатание. — Минск: Наука и техника, 1984. — С. 130—136.
12. Гусева, А. А. Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века: Сводный каталог / А. А. Гусева. — М.: Индрик, 2003. — Кн. 2. — С. 649—1355.
13. Філіграні архіўных дакументаў Беларусі XVI—пачатку XX ст. / Складальнік В. С. Пазднякоў. — Мінск: БелНДДАС, 2013. — 255 с.
14. Siniarska-Czaplicka, J. Katalog filigranów czerpalni Rzeczypospolitej zebrany z papieru druków tłoczonych w latach 1500—1800 / J. Siniarska-Czaplicka. — Łódź, 1983. — 64 s., CXXXIV tabl.
15. Каманін, І. Водяні знаки на папері українських документів XVI і XVII в. в. (1566—1651) / І. Каманін, О. Вітвіцька. — Київ: Друкарня Всеукраїнської Академії Наук, 1923. (Збірник Історично-Філологічного Відділу Всеукраїнської Академії Наук. № 11). — 29, 144 с.
16. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. — Ф. КМФ-18. — Воп. 1. — Стр. 277.
17. Акты Виленской археографической комиссии. — Вильна, 1893. — Т. 20. — ССXXVI, 669 с.
18. Мяснішев, В. Бумажные секреты Мамоничей / В. Мяснішев // Федоровские чтения, 2005. — М.: Наука, 2005. — С. 199—214.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 03.09.2018

*А. А. Савинов,
магистрант Академии управления
при Президенте Республики Беларусь,
юрисконсульт 2-й квалификационной категории,
младший научный сотрудник отдела документоведения
Белорусского научно-исследовательского института
документоведения и архивного дела;
e-mail: savinovrecord@mail.ru*

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО» НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Исторически сложилось так, что такое фундаментальное понятие в документоведческой науке и в области практической работы с документами, как «делопроизводство» в течение относительно короткого времени претерпело значительные изменения. Связано это с тем, что терминология в области архивного дела и делопроизводства имела и имеет свойство быстро меняться. В свою очередь и ученые-документоведы на различных этапах развития делопроизводства предлагали свои суждения относительно дефиниции рассматриваемого нами термина. Следует отметить, что в правовой науке исследования подобного рода до настоящего времени не проводились, поэтому в статье в дальнейшем мы будем ссылаться на работы ученых в области документоведения, посвященные данной проблематике.

На наш взгляд, за точку отсчета необходимо взять времена Российской империи, когда в принципе появилось упоминаемое нами понятие. Поступим так для того, чтобы проследить динамику понятия «делопроизводство» для более глубокого его понимания и осознания того, что понадобилось определенное время, чтобы прийти к консенсусу относительно определения рассматриваемого нами термина.

Когда современная территория Республики Беларусь всецело входила в состав Российской империи, впервые уже была произведена попытка дать определение понятию «делопроизводство». В силу вышесказанного необходимо упомянуть «Письмовник...» Варадинова [1, с. 1] и понятие «делопроизводство», данное там.

Само делопроизводство Варадинов определяет как науку, излагающую правила составления деловых бумаг, актов и самих дел. Как видим, это определение далеко от современного определения понятия «делопроизводство» и больше напоминает современное понятие «документоведение». Исходя из работы А. Е. Рыбакова и А. М. Назаренко, термин «документоведение» на современном этапе имеет следующее определение: документоведение — это наука, изучающая документ и системы документации в их историческом развитии, теоретические и практические проблемы создания документированной информации учреждений любой организационно-правовой формы [11, с. 7].

На уровне правовой доктрины определение понятия «делопроизводство» давалось также в проекте «Словаря архивных терминов» 1966 г. и «Кратком словаре архивной терминологии» 1968 г. Давайте приведем определения делопроизводства из этих источников.

В проекте «Словаря архивных терминов» делопроизводство — это совокупность работ, связанных с документированием деятельности и организацией документов учреждения [12, с. 13].

В «Кратком словаре архивной терминологии» делопроизводство также представляет собой совокупность работ, связанных с документированием деятельности организацией документов учреждений [8, с. 18].

В частности, в научных работах основателя документоведения в СССР К. Г. Митяева приводятся следующие определения понятия «делопроизводство».

Делопроизводство — это различные системы документирования отдельных отраслей деятельности государственных учреждений [10, с. 31—32].

Делопроизводство — это система документирования и документации в учреждениях, организациях и предприятиях, обязательная и необходимая в силу закона или потребностей их деятельности [7, с. 7].

Первым техническим нормативным правовым актом, регулирующим терминологический аппарат в области делопроизводства, был ГОСТ 16487-70. «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» [3, с. 2]. Издан он был в Москве в 1971 г. В данном ГОСТе содержалось 49 терминов, в том числе и понятие «делопроизводство». Согласно данному стандарту, делопроизводство — это деятельность, охватывающая вопросы документирования и организации работы с документами в процессе осуществления управленческих действий.

На смену ГОСТу 16487-70 пришел ГОСТ 16487-83 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» [4, с. 2]. В нем уже содержалось следующее определение: делопроизводство — это деятельность, охватывающая документирование и организацию работы с документами.

В технических нормативных правовых актах, принятых уже после обретения Республикой Беларусь независимости, приводятся следующие определения рассматриваемого нами понятия.

Делопроизводство — это отрасль деятельности по обеспечению документирования и организации работы с документами [6, с. 2].

Делопроизводство — это деятельность по обеспечению документирования и организации работы с документами [5, с. 2].

В действующем терминологическом стандарте [5, с. 2] термины «делопроизводство» и «документационное обеспечение управления» тождественны, что по нашему мнению не совсем верно, так как термин «документационное обеспечение управления» более широк, нежели термин «делопроизводство».

Рассмотрим же мнение некоторых ученых-документоведов относительно разграничения понятий «делопроизводство» и «документационное обеспечение управления».

Интересно мнение российского ученого-документоведа А. Н. Соковой. Она предполагает в качестве гипотезы, что под документационным обеспечением управления справедливо будет понимать упорядочение документирования и управление всеми системами документации в целях сокращения документооборота, повышения качества документов и своевременного обеспечения актуальной информацией, необходимого для принятия решений в условиях применения современной техники и новых информационных технологий [13, с. 143].

Несколько иного взгляда относительно разграничения упомянутых понятий придерживается М. В. Ларин [9, с. 155—156]. Исследователь задавался вопросом, в чем же отличие данных понятий от общепринятого в советской практике термина «делопроизводство». Согласно последнему ГОСТу [2] делопроизводство определяется как отрасль деятельности, обеспечивающая документирование и организацию работы с официальными документами. Одновременно с этим ГОСТ понятие «делопроизводство» сводит к понятию «документационное обеспечение управления». Это понятие документационного обеспечения управления, по мнению Ларина, в значительно большей степени позволяет использовать информационно-технологическую составляющую в работе с документами, а значит, более современно с точки зрения внедрения в делопроизводственные процессы информационных технологий. Как практический итог такого понимания делопроизводство почти повсеместно вытесняется понятием «документационное обеспечение управления». Вместе с тем, по мнению Ларина, термины «делопроизводство» и «документационное обеспечение управления» — неравнозначные понятия в отличие от повсеместно употребляемого термина «делопроизводство». Для документационного обеспечения управления существенным является его распространение на все системы управленческих документов на любых носителях.

Для документационного обеспечения управления свойственно наличие самостоятельного структурного подразделения, в обязанности которого входит проектирование, внедрение правил создания документа и контроль за их соблюдением, а также установление ответственности управленческого персонала за нарушения требований закона и подзаконных актов в области документационного обеспечения управления.

Таким образом, можно сделать вывод, что понятие делопроизводства претерпело значительные изменения со времен появления на территории нашей страны и стало близким сегодняшнему определению уже к 70-м гг. XX в. Параллельно с этим свои дефиниции термина давали советские документоведы. Следует отметить, что в правовой науке ни СССР, ни Республики Беларусь данное понятие не рассматривалось.

На современном этапе в технических нормативных правовых актах, регулирующих терминологический аппарат в сфере делопроизводства, понятие «делопроизводство» отождествляется с понятием «документационное обеспечение управления», что не только на наш взгляд, но и на взгляд российских авторитетных ученых-документоведов не совсем верно, так как понятие «документационное обеспечение управления» шире, нежели понятие «делопроизводство».

Делопроизводство следует рассматривать здесь как некую системную деятельность по ведению документов, в то время как документационное обеспечение управления в данном контексте правильнее понимать как обеспечение организации в целом и ее сотрудников документной информацией, в них содержащейся, или часть информационного обеспечения управления.

Литература и источники

1. Варадинов, Н. Делопроизводство или теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному, коллегияльному и одноличному письмоводству к составлению всех правительственных и частных деловых бумаг и к ведению самых дел, с приложением к оным образцов и форм. Часть первая. — СПб.: в типографии Якова Трея, 1857. — 394 с.
2. Государственный стандарт РФ ГОСТ Р 51141-98 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» (утв. Постановлением Госстандарта РФ от 27 февраля 1998 г. № 28) (отменен). Система ГАРАНТ [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://base.garant.ru/181655/#friends#ixzz4e1PiKLu9>. — Дата доступа: 12.04.2017.
3. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения: Государственный стандарт Союза ССР, утв. постановлением Государственного комитета стандартов Совета Министров СССР от 11 декабря 1970 г. № 1739. — Москва, 1971. — 8 с.
4. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения: Государственный стандарт Союза ССР, утв. постановлением Государственного комитета СССР по стандартам от 31 октября 1983 г. № 5231. — Москва: Государственный комитет СССР по стандартам, 1984. — 14 с.
5. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения: Государственный стандарт Республики Беларусь, утв. и введен в действие постановлением Госстандарта Республики Беларусь от 29 марта 2013 г. № 18. — Минск: БелНИИДАД, 2013. — 20 с.
6. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения: Предварительный государственный стандарт Республики Беларусь, утв. и введен в действие постановлением Госстандарта Республики Беларусь от 5 мая 2010 г. № 19. — Минск: БелНИИДАД, 2010. — 20 с.
7. История и организация делопроизводства в СССР: Учеб. пособие / Под ред. д-ра ист. наук проф. А. В. Чернова; М-во высш. образования СССР, Моск. гос. ист.-архивный ин-т. — Москва: [б. и.], 1959. — 359 с.
8. Краткий словарь архивной терминологии (под ред. В. И. Кострикина, А. С. Малитикова, И. С. Назина, К. И. Рудельсона, Л. Л. Смоктуновича) — Москва-Ленинград, 1968. — 56 с.
9. Ларин, М. В. Управление документацией в организациях. — М.: Научная книга, 2002. — 288 с.

10. Митяев, К. Г. Документоведение, его задачи и перспективы развития // *Вопр. архивоведения*. — 1964. — № 2. — С. 27—37.
11. Рыбаков, А. Е. *Документоведение: пособие* / А. Е. Рыбаков, А. М. Назаренко. — Минск: БГУ, 2013. — 267 с.
12. *Словарь архивных терминов* / Главное архивное управление при Совете Министров СССР. — Москва, 1966. — 42 с.
13. Сокова, А. Н. *Научная разработка проблем документационного обеспечения управления в условиях перестройки управления архивным делом*. — 258 с.

Арткыл настулїу рэдакцыю 03.01.2018

Ю. В. Нестерович,
старший научный сотрудник Центра исследований
белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси,
кандидат исторических наук;
e-mail: nesterca.com@yandex.by

СТРУКТУРНЫЙ ПОДХОД К ОПИСАНИЮ ЭДИЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТОВ: СТРУКТУРА ПУБЛИКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ДОКУМЕНТА, СТРУКТУРА АРХЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ, СТРУКТУРА ПЕРЕДАННОГО ТЕКСТА

В методических рекомендациях БелНИИДАД 2014 г. [1] и 2016 г. [2] словосочетание «структура документального издания» служит наименованием раздела 7 «Структура документального издания», соответствующее понятие не раскрывается и термин более не употребляется. Публикуемая статья послужит извлекаемым из системы теоретико-методических археографических знаний дополнением к данному разделу нормативно-методической литературы. При этом в отечественной науке принято, что понятие структуры археографической публикации, т. е. публикации ИД (исторических документов), уже понятия документального издания. Например, формулируется: «анализ внутренней структуры *археографической публикации* позволяет сформулировать ряд положений, наличие которых наряду с внешними признаками (целевое назначение; место хранения документа; лицо, готовящее публикацию), выделяет ее среди *других документальных изданий*» [3, с. 100] (курсив наш. — Ю. Н.). Уточнение понятий структуры публикации ИД и археографического издания недостижимо без непротиворечивой корреляции в науке понятий публикации и издания, без выработки оптимальной модели издания на основе применения системного подхода. Корреляция понятий публикации и издания в рамках междисциплинарного синтеза, в том числе *применительно к публикациям ИД*, рассматривается нами в [4—7] и др. Основной ее результат — логический вывод о том, что публикация произведения, ИД — часть издания, сопровождаемая в издании выходными сведениями. Результаты такой корреляции адекватно распространять и на публикацию «памятников письменности», а термилируя точнее, (устраняя метафоричность) — НЛП (неординарных литературных произведений). Обобщая понятия археографии и текстологии, будем далее излагать о РЭП (ретроэдиторской* публикации) и РЭИ (ретроэдиторском издании). РЭП охватывает публикации ИД и публикации НЛП, а РЭИ — археографические издания и издания, подготовленные филологами, включающие НЛП. РЭП и РЭИ — результат междисциплинарного синтеза понятий археографии и тексто-

---

* Термин «*ретроэдиторский*» мы употребляем в расширенном значении в сравнении с его употреблением А. Д. Степанским в [8], охватывая и подготовку к изданию НЛП, не относимых к современным.

логии. Понятие археографической публикации с существенным отличительным признаком обеспечения исследований в исторической науке, подготовленным соответственно нормам археографии материалом, остается базисным в рамках археографии. При этом его приемлемо определять, беря к нему *логическим родом* понятие РЭП: *Археографическая публикация* — РЭП, осуществленная в соответствии с правилами археографии, обеспечивающая исторические исследования ИД. Беря термин «публикация ИД» *частичным* синонимом к термину «археографическая публикация», следует иметь в виду, что первый не отражает отмеченный выше признак.

Применение системного и структурно-системного подходов, выбор оптимальной трактовки структуры как в методике археографии (при изложении методов публикации ИД), так и в теории археографии (при осмыслении эдидии и формировании понятийного аппарата археографии) означает выход построений археографии на общенаучный уровень методологии, предполагает согласование их с общенаучными подходами, их понятийным аппаратом и моделями. Концепт структуры имеет общенаучную значимость: входя в состав общенаучного — системного подхода. Он выступает общенаучной категорией, т. е. формой, в которой осуществляется научное мышление. Системный и структурно-системный подходы допускают многообразие методов, охватывают различные трактовки структуры. Отметим три значимых (для освещения взятой темы) трактовки: при изучении зависимости свойств элементов структура трактуется как способ связи элементов целого. При изучении специфических особенностей строения системы, природы ее свойств, структура трактуется как ее состав (набор составляющих систему элементов) и способ взаимодействий элементов. При изучении эволюции связей и организации системы структура трактуется как установившаяся связь элементов, образующих ее состав. При последней модели выделяется экстенсивная (рост числа элементов во времени), интенсивная (рост числа связей и их мощности при постоянном числе элементов), редуцирующая и деградирующая структура. В логико-эпистемологии науки отмечается: употребление термина «структура» в значении совокупности структурных элементов, выступающих субстратом изменений системы, в комплексе с их связями характерно для «общего обыденного представления о структуре-субстрате», включающего «субстративные элементы (части) целого» и способы связи элементов, см.: [9, с. 6]. Тем не менее, структурно-субстратный метод распространен, в том числе в документоведении, дипломатике, книговедении. Выбор метода во многом обусловлен взятым предметом исследования.

В книговедении отсутствуют весомые обоснования понятий, обозначающих «структура издания», а в издательском деле моделирование структуры издания не оптимизировано. Распространено определение термина «структура издания»: «составные части издания и связи между ними». Этому соответствует структурно-субстратная трактовка структуры. При этом не вполне четко обосновывается, что сложность издания «приводит к тому, что в нем можно разли-

чить несколько структур. Это, однако, не отменяет необходимости объединять все составные части в единое содержательное и художественное целое...» Эпистемологически точным излагать о применении структурно-системного подхода для описания издания, с выделением ряда понятий, терминируемых «структура». Более распространено определение «структуры издания» (оно внесено в ГОСТ Р 7.06-2002, СТБ 7.209-2008, справочник [10]), соответствующее системологическому понятию структуры как способа связи элементов: «связь и взаимное расположение составных частей издания: основного и дополнительного текстов и аппарата издания, а также входящих в них содержательных и художественных элементов». В терминологических стандартах состав одноязычного издания представлен тремя крупными единицами: основным текстом (охватывающий текст произведения), дополнительный текст (охватывающий приложения к основному тексту), вспомогательный текст (охватывающий «аппарат издания»); в состав многоязычных изданий входит и параллельный текст. В терминологических стандартах, в зависимости от «наполнения и функционального назначения», выделяют сопроводительный или СВА (справочно-вспомогательный аппарат) и справочно-поисковый аппарат. Такое деление отличается от производимого в книговедении деления вспомогательного текста книги — на НСА (научно-справочный аппарат) и СВА, см.: [11, с. 145]. В терминологических стандартах по отношению к тексту издания («текст издания» при этом берется гиперонимом (общим термином) к двум выделенным единицам издания — «основному тексту» и к «дополнительному тексту») и к аппарату издания выделяются части и их элементы. Что само по себе несоразмерно; соразмерно было бы выделять элементы основной и дополнительной единиц издания. В теории систем принято выделять элементами системы *неразложимые* далее ее части. Между тем, выделяемые в терминологических стандартах единицы издания *разлагаются на части*. Это следует оценивать как не выделение структурных элементов и не применение структурно-системного подхода; а в случае его применения — как выделение абстрактных единиц. Соотношение понятий структуры и состава издания в терминологических стандартах проводится недостаточно четко. Это проявляется в выделении «составных частей аппарата издания», «составных, структурно-композиционных, структурных частей, единиц текста издания», т. е. текстов издания как структурных элементов. Распространено и иное выделение единиц издания («книги»): с отнесением к ним текста, иллюстраций и декоративных украшений. При этом различаются основной (авторский), дополнительный текст и справочно-вспомогательные тексты. Выделение единиц издания в книговедении и издательском деле рассчитано на издания, включающие литературные произведения, но не публикации ИД. К тому же ИЭ, относимые к НСА РЭИ, в публикациях ИД, включенных в научное периодическое издание, приемлемо рассматривать и элементами конкретных публикаций ИД. Что ведет к двойной идентификации ИЭ. *Оптимальным моделированием* представляется соответствующее понятийному аппарату информатики выделение структурными эле-

ментами (неразложимыми частями) публикации и издания информационных элементов. Следует иметь в виду, что модель структуры издания с выделением единицами его основного и дополнительного текста неприменима для описания ультраразвернутой структуры публикации ИД (публикации ИД, в которой переданный текст представлен с разночтениями). Поскольку в такой публикации переданный с разночтениями текст включает не только результаты передачи текста, выбранного в качестве основного, а и иных текстов, образовавшихся в процессе функционирования документа, законодательного акта, нарративного материала в социальной среде.

В «Правилах издания исторических документов в СССР» 1990 г. [12] употребляется термин «структура документального издания», хотя соответствующее понятие остается не раскрытым. Изложение в п. 242 их о «наборе частей» издания отсылает к понятию состава *археографического издания, но не публикации ИД*. На это показывает перечисление элементов именно РЭИ, изложение об *однотомных, многотомных и серийных документальных изданиях*, но не о публикациях ИД в изданиях, не о публикациях ИД в качестве приложения к основным частям издания, расположения. Вместе с тем, изложение в п. 243 их об «отдельных частях издания» и их расположении соответствует «общему обыденному представлению о структуре-субстрате». В целом в Правилах «проектируется» трактовка структуры РЭИ как состава РЭИ (раскрывающего специфику организации его элементов) и порядка расположения частей археографического («документального») издания (рассматривая шире — РЭИ). Недостаточно точно относимые к аппарату РЭИ элементы идентифицируются в п. 242 как «элементы НСА», учитывая, что список сокращений, оглавление — элементы *СВА, но не НСА*. Характерной особенностью при раскрытии структуры издания ИД в п. 242 Правил является не *упоминание* об ИЭ археографического оформления ИД как *составной части издания*. Этому соответствует включение в структуре издания ИЭ археографического оформления в раздел «Текст документов» (исключение их из нее было бы вопиющим недосмотром). Такое обозначение основного раздела РЭИ (включающего, наряду с переданным текстом ИЭ оформления, текстуальные примечания) неточно. Отметим, что как в отечественных, так и в зарубежных археографических изданиях основной раздел РЭИ обозначается иначе. В РЭИ, включающих публикации книг Метрики ВКЛ, такой РЭИ обозначается и как «текст актов», «текст дел». Во избежание выхода Правил за пределы научной методологии, исходим из того, что в п. 242 их подразумевается, что заголовки и легенды к ИД вкуче с переданными текстами и текстуальными примечаниями входят в раздел РЭИ «Текст документов». В этом случае исключение ИЭ археографического оформления из его структуры объясняемо, поскольку единицами археографического издания берутся преимущественно (но не исключительно) не ИЭ, которые приемлемо выделять в нем, а *разделы его* (непоследовательность конституирования структуры РЭИ проявляется в выделении в Правилах частями РЭИ то всяких приме-

чаний, то только примечаний по содержанию). Выделение единицами издания его разделов противоречит терминологическим стандартам издательского дела и понятийному аппарату книговедения, в которых раздел — крупная рубрика, наиболее крупная «структурная часть основного текста издания». При выделении структурными единицами издания основного, дополнительного и вспомогательного текста [13], либо текста и изобразительных элементов [19]. Из изложения Правил логически выводимо, что структурные элементы РЭИ не совпадают с его разделами (это вытекает из выделения такими элементами примечаний по тексту и содержанию). В связи с этим целесообразно различать номинальную структуру РЭИ и структуру публикации ИД как результата эдиции ИД. Изложение структуры издания в п. 242 Правил рассогласовано (не унифицировано) с изложением расположения частей издания в п. 243. В п. 243, в отличие от п. 242, среди отдельных частей издания, порядок расположения которых унифицируется, включены только примечания по содержанию. Из этого следует выводить, что в номинальной структуре РЭИ текстуальные примечания включаемы в переданный текст («тексты документов» по терминологии Правил). Рассогласовано в п. 242—243 представление термина «текст документов»: он употребляется в единственном и во множественном числе. В Правилах понятие структуры РЭИ («документального издания») не охватывает принцип систематизации ИД в издании, на что показывает уже название раздела VI в них — «Систематизация документов и структура издания» [12]. В Методических рекомендациях БелНИИДАД 2014 г. в раздел 7 внесены подразделы «расположение структурных частей издания» и «систематизация публикуемых документов» [1]. Это приемлемо истолковывать как включение в структуру публикации принципа систематизации ИД. В них внесено положение: «расположение структурных частей публикации ИД определяется ее типом и формой», но изложение о порядке расположения частей РЭИ *необходимо охватывает и выделение состава РЭИ*. В Методических рекомендациях БелНИИДАД 2003 г. [14] представлен иной состав РЭИ: предисловие, тексты, научный аппарат документов, дополнения, иллюстрации, НСА, перечень сокращений, перечень опечаток. Существенными отличиями такого состава от состава РЭИ, представленного в Правилах, является выделение предисловия разделом и структурной частью РЭИ (не включением его в НСА издания), структурной частью РЭИ (но не его разделом) ИЭ археографического оформления («научного аппарата документов»). В них различаются понятия публикации ИД («издания отдельных документов») и археографического издания («издания книги») ИД. Как в Правилах, так и в рассматриваемых рекомендациях не производится различение структурных элементов издания — *неразложимых его частей* и наиболее крупных его рубрик. Моделирование структуры РЭИ затрудняет такая особенность РЭИ, что некоторые ИЭ его могут быть представлены в разных разделах либо «рассеяны» («легенда» к ИД может входить целиком в пре-

дисловие, оформление, сопровождающее переданный текст, либо частично в предисловие и оформление).

Общепринята структура публикации ИД и РЭП, при моделировании которой понятия публикации и издания не различаются, соответственно, не различаются публикация ИД (РЭП) и археографическое издание (РЭИ). Применяя системный подход, В. П. Козлов моделирует документальную публикацию как систему взаимосвязанных и взаимодополняющих ИЭ, включающую компонентами публикуемые документы, «конвой» и «сигнальную систему». Характеризует ее как «систему с массой (или одним) документов ограниченного состава», в форме упорядоченного информационного массива [15, с. 14—16]. Этому соответствует выделение единицами документальной публикации переданного текста (текстов) конкретного документа, законодательного акта, ИД, нарративного материала и др., элементов НСА, но не выходных сведений. В. П. Козлов выделяет «одинарную документальную публикацию» — публикацию документа (*не только ИД*) без «конвоя» и сигнальной системы. «Двойную документальную публикацию» — публикацию документа с «конвоем» либо с сигнальной системой. «Тройную документальную публикацию» — публикацию документа и с «конвоем», и с сигнальной системой [16, с. 11—12]. При этом остается неясным, какие элементы аппарата издания он относит к сигнальной системе. Вследствие неразличения понятий публикации и издания, неоткоррелированности понятий текста и произведения, аппарата издания и выходных сведений, такое выделение не приращает теоретические знания археографии. Е. А. Плешкевич полагает, что «элементы сигнальной системы в виде выходных данных присутствуют всегда — иначе это не публикация» [17]. Также не различая понятия публикации и издания. Различая их, выходные данные следует включать в состав издания (но не в состав публикации), рассматривать элементом археографического и РЭИ, но не элементом публикации ИД и РЭП. РЭП включает из СВА издания только элементы издательского оформления материалов. Исходя при этом из стандартной трактовки «выходных данных» с выделением элементами ее места выпуска издания, юридического имени издательства (издающей организации), года выпуска издания [18—19]. И из подсистемы терминов: *опубликование* — явление введения литературного, графического и иного произведения, законодательного акта, документа, ИД, в общественный оборот *через издание*. *Опубликованное произведение* — литературное и/или изобразительное произведение (ряд их), представленное авторским либо издательским оригиналом, *введенное в оборот через издание*. *Опубликованный документ* — подлинник документа (проект, его копия), *введенный в оборот через издание*. *Опубликованный ИД* — ИД, введенный в оборот *через издание*. *Публикация ИД* — введенный в оборот *через издание ИД в комплексе с оформлением ИД и НСА*. Терминоэлементы «опубликование», «опубликованный», «публикация» тесно связаны, вплоть до замещения. Тем не менее, смысл терминов: 1. «опубликование произведения, документа, ИД» и т. п.; 2. «опубликован-

ное произведение, опубликованный документ, ИД» и т. п.; 3. «публикация произведения, документа, ИД» и т. п. — достаточно четко демаркируем. Первая их группа отсылает к факту введения документов, произведений и т. д. в общественный оборот. Вторая группа отсылает к факту представления их в издании. Термины этой группы обозначают документ (материал), представленный в издании, рассматриваемый вне комплекса с сопутствующими элементами. Третья группа отсылает к составу опубликованного документа (материала) в структуре издания. Термины этой группы обозначают представленный в издании документ (материал), выделяемый в комплексе с сопутствующими элементами. *Опубликование ИД* — это факт введения ИД в научный оборот. *Опубликованные ИД* — это введенные в научный оборот ИД — переданные их тексты (взятые основным текстом опубликования, а также приведения различий с другими источниками текста в случае их наличия). *Публикация ИД* — переданные тексты, рассматриваемые в комплексе с архивным шифром публикуемого ИД, элементами археографического оформления и иными ИЭ, отражающими работу публикатора. Например, *опубликованный ИД* — «Манифест Временного Рабоче-крестьянского советского правительства Белоруссии» — это помещенный в периодические и непериодические издания ИД. *А его публикация* — переданный текст Манифеста, ИЭ археографического оформления, архивный шифр публикуемого ИД (т. е. текст которого взят основным текстом опубликования), вкуче с элементами. В. В. Скалабан и вел изложение именно о его *публикациях в различных изданиях* и об использовании в публикации Манифеста его текста [20]. Принимая во внимание такое изложение (сделанное в условиях отсутствия унификации базисных терминов) и обобщая его, референт термина «публикация ИД» «имеет резерв»: он может обозначать не только ИД на уровне текста, а охватывает, как минимум, и оформление переданного текста.

Применяя структурно-системный подход к публикации ИД и археографическому изданию, обобщая — к РЭИ и РЭИ, целесообразно выделять не только структуру РЭП, РЭИ, но и структуру НСА РЭИ, структуру передачи текста. При этом востребована трактовка структуры как логической связи, расположения элементов в комплексе с составом издания либо вне его (в зависимости от целей изучения объекта). Структуру РЭИ приемлемо трактовать как совокупность отношений расположения составных частей издания, возникших в результате упорядочения его ИЭ. Структура публикации ИД обусловлена организацией передачи текста реализуемой РЭП. Структура РЭИ обусловлена не только структурой передачи текста (формой переданного текста), а и «разветвленностью» и «глубиной» НСА издания. Формируя понятия археографии на основе применения структурного подхода, будем расширять ее понятийный аппарат. Этому соответствует внесение в ее терминосистему новых терминов либо уточнение значения терминов, уже используемых в литературе по ней. *Структура публикации ИД* — связь элементов публикации ИД, в которой первостепенное значение имеет форма переданного текста. *Структура РЭП* —

связь элементов РЭП, в которой первостепенное значение имеет форма переданного текста. *Структура РЭИ* — связь элементов публикации ИД (НЛП), в которой первостепенное значение имеют форма переданного текста, «разветвление» и «глубина» НСА издания. *Номинальная структура РЭИ* — последовательность расположения элементов РЭИ (исключая выходные его данные). *Свернутая структура публикации ИД* — публикация ИД, в которой представлена сокращенная форма переданного текста. *Развернутая структура публикации ИД* — публикация ИД, в которой представлена полная форма переданного текста. *Мезоразвернутая структура публикации ИД* — публикация ИД, в которой представлена фрагментарная форма переданного текста. *Ультрасвернутая структура публикации ИД* — публикация ИД, в которой представлена сокращенная форма переданного текста. *Ультраразвернутая структура публикации ИД* — публикация ИД, в которой представлена полная форма переданного текста с приведением разночтений. *Структура передачи текста* — способ связи элементов передаваемого текста. Следует различать структуру передаваемого текста и структуру передачи текста. *Элементарная структура передачи текста* — полная передача текста, не сопровождаемая примечаниями (по тексту). *Фрагментарная элементарная структура передачи текста* — фрагментарная передача текста, не сопровождаемая составлением примечаний. *Сложная структура передачи текста* — полная передача текста, сопровождаемая примечаниями. *Фрагментарная сложная структура передачи текста* — фрагментарная передача текста, сопровождаемая примечаниями. *Ультразлементарная структура передачи текста* — полная передача текста с приведением разночтений (двух и более источников текста) без примечаний. *Ультрасложная (бинарная, тринарная, квартерная) структура передачи текста* — полная передача текста с приведением разночтений (двух и более источников текста), сопровождаемая примечаниями. *Ультрафрагментарносложная структура передачи текста* — фрагментарная передача текста с приведением разночтений и примечаниями. *Ультрафрагментарноэлементарная структура передачи текста* — фрагментарная передача текста с приведением разночтений, но без примечаний. Перевод публикуемого текста не изменяет структуру передачи текста, поскольку является *процедурой адаптации* его для пользователей. Переведенный текст входит в структуру РЭП. Представленное расширение понятийного аппарата имеет *практическую значимость*: способствует точному описанию и четкому изложению методики публикации ИД, позволяет публикаторам ИД более четко методически ориентироваться.

В археографии эпистемологической и терминоведческой разработке передачи текста внимание почти не уделяется, структурный подход вовсе не применяется. Основное внимание сосредоточено на методических вопросах. В ней фактически проводится различение текста, взятого предметом ретроэдиции, и текста как составной части РЭИ, РЭП (опубликованный текст имеет видоизменения на синтаксическом, технологическом, графическом уровне: в нем измене-

на пунктуация, он включает специальные значки из инструментария ретроэдитора, по сравнению с оригиналом изменено расположение знаков и т. д.). Такое различие необходимо закрепить унификацией терминов — «публикуемый, переданный текст». Востребовано включение в ее терминосистему и термина «форма переданного текста». Этого также недостаточно, поскольку формы опубликованного текста разнообразны, а структура передачи текста разнится. При дипломатическом способе передачи текста опубликованный текст с элементарной структурой передачи текста может графически быть изоморфен и гомоморфен тексту произведения, документа, взятого в качестве предмета ретроэдиции. При критическом способе передачи текста переданный текст не только может существенно графически разниться с текстом, взятым в качестве предмета эдиции ИД, но и охватывать в аспекте опубликования (введения в оборот) ряд текстов произведения, стадий функционирования документа, форм реализации НПА, стадии бытования нарративного материала. Будучи в издании, графически основным текстом (уточняя лингвистически — гипертекстом), переданный текст с ультраэлементарной, ультрасложной структурой передачи текста, представляет ряд текстов произведения, стадий функционирования документа и т. д. Является их ретроэдиционным эквивалентом. В Методических рекомендациях, изданных БелНИИДАД в 2005 г., в составе публикации латинскоязычного исторического акта («публикации латинского документа») выделены, как минимум, хронологическая и топологическая даты, «легенда», «сам текст с приведением вариантов и примечаний». Тем самым, в актовой археографии, как минимум, рекомендуется, а, как максимум, требуется придерживаться ультрасложной структуры передачи текста. Это означает, что публикация, как минимум, латинскоязычного исторического акта является научной РЭП. Показательно, что А. А. Жлутко не употребляет термин «передача текста». Возможно, латентным мотивом этого является интуитивное понимание археографом противоречивости термина «передача текста ИД», к которому все равно приходится обращаться в изложении при использовании термина «передача текста». Взамен последнего он употребляет комплекс терминов, которые приемлемо рассматривать и как собрание их — «размещение, представление, транскрипция текста», а взамен термина «выбор текста» употребляет термин «установление текста». При этом он достаточно широко использует терминологический элемент «передача», образуя термины «передача шрифтов, изобразительных элементов, сокращений, помет, надписей». Представляется, что по отношению к понятию, обозначенному им как «передача изобразительных элементов», более точным будет использовать иной терминологический элемент — «обозначение». Учитывая, что в Методических рекомендациях 2005 г. не требуется непременно включать «изображение выявленного элемента» в передаваемый текст, а по возможности включать в приложение, расположенное в конце текста издания [21].

В археографии при представлении структуры археографического издания не проводится отчетливо различение структурных элементов издания: *неразлю-*

жымых его частей и наиболее крупных его рубрик. Применение структурно-системного подхода в теории и методике археографии — эффективный способ их развития, соответствующий общенаучному уровню методологии. Следует различать: *структуру переданного текста* (в археографическом издании) — способ связи элементов и состав переданного текста. *Структуру публикации ИД* — фундируемую набором ИЭ связь элементов публикации ИД, обусловленную формой их организации. *Структуру археографического издания* — коррелятивную определенному составу издания связь его элементов, обусловленную формой организации ИЭ, «разветвлением» и «глубиной» НСА археографического издания.

Источники и литература

1. Методические рекомендации по публикации документов и материалов по истории Беларуси 1917—1991 гг. / сост. В. С. Поздняков и др. — Минск: БелНИИДАД, 2014. — 90 с.
2. Металдычныя рэкамендацыі па публікацыі кірылічных дакументаў і матэрыялаў па гісторыі Беларусі канца XVIII — пачатку XX ст. / склад.: В. С. Пазднякоў, М. Ф. Шумейка. — Мінск: БелНДДАС, 2016. — 88 с.
3. Шумейко, М. Ф. Белорусская археография в XIX — XX вв. (Проблемы теории, истории, методики) / М. Ф. Шумейко — Минск: БелНИИДАД, 2007. — 498 с.
4. Нестерович, Ю. В. Оптимизация терминов «публикация архивного документа», «публикация документа национального архивного фонда», «публикация исторического источника» // Архивариус. Зб. нав. паведамл. і арт. / Ю. В. Нестерович. — Вып. 12. — Минск: НГАБ, 2014. — С. 56—65.
5. Нестерович, Ю. В. О трансдисциплинарном взаимодействии понятий документа и информационного продукта в ракурсе описания структуры издания и публикации при построении общей интертеории // Термінологія дакументознаўства та суміжных галузей знань: зб. наук. праць / Ю. В. Нестерович. — Вып. 10. — К., 2017. — С. 48—60.
6. Нестерович, Ю. В. Корреляция понятий, обозначаемых терминами «публикация», «произведение», «издание» в междисциплинарном поле // Берковские чтения: Книжная культура в контексте международных контактов: Материалы междунар. науч. конф. (Минск. 26—27 мая 2015 г.) / Ю. В. Нестерович. — Минск, 2015. — С. 336—344.
7. Нестерович, Ю. В. Корреляция понятий «публикация», «произведение», «издание», «документ» в междисциплинарном поле / Ю. В. Нестерович // Научные и технические библиотеки. — 2015. — № 4. — С. 66—83.
8. Степанский, А. Д. Археология: термин, объект, предмет / А. Д. Степанский // Отечественные архивы. — 1996. — № 3.
9. Нестерович, Ю. В. Труды по экспликации базисных понятий научных теорий. Т. 1: Экспликация базисных понятий документоведения и инфософии / Ю. В. Нестерович. — Минск: ГНУ «Институт истории НАН Беларуси», 2010. — 312 с.
10. Справочник издательских терминов // <http://www.lit100.ru>.
11. Библиотечное дело: Терминологический словарь / ред. кол.: отв. ред. Н. С. Карташов. — Киев, 1986.
12. Правила издания исторических документов в СССР. — М.: Главное архивное управление при Совете Министров СССР, 1990. — 188 с.

13. СТБ 7.209-2008.ССИБІД. Издания. Основные элементы. Термины и определения (ГОСТР 7.0.3-2006, НЕО). Издание официальное. — Минск, 2009.
14. Метадзжныя рэкамендацыі па публікацыі рукапісных актавых кірылічных крыніц у Беларусі (XIII—XVIII стст., перыяд Вялікага княства Літоўскага) / аўт.-склад. А. І. Груша. — Мінск: БелНДДАС, 2003. — 168 с.
15. Казлоў, У. П. Некаторыя пытанні археаграфіі як навуковай дысцыпліны / А. М. Міхальчанка, У. П. Казлоў // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Вып. 2. — Мінск: БелНДДАС, 2001.
16. Козлов, В. П. Основы теоретической и прикладной археографии. — М.: РОССПЭН, 2008. — 224 с.
17. Плешкевич, Е. Документационный подход в теории археографии и документоведения: сравнительный анализ / Е. Плешкевич // Научно-техническая информация. — Сер. 1. — 2008. — № 4.
18. Издательские термины и понятия. С комментарием. — Владивосток: ДВО РАН, 2008. — 40 с.
19. Книговедение. Энциклопедический словарь. — М., 1982.
20. Скалабан, В. В. О публикациях «Манифеста Временного Рабоче-крестьянского советского правительства Белоруссии» / В. В. Скалабан // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Мінск: БелНДДАС, 2002. — Вып. 3. — С. 55—58.
21. Метадзжныя рэкамендацыі да публікацыі лацінскіх дакументаў XIII—XIV стст. / аўт.-склад. А. А. Жлутка. — Мінск: БелНДДАС, 2005. — 50 с.

Артыкул наступіў у рэдакцыю 29.01.2018

ПУБЛІКАЦЫІ ДАКУМЕНТАЎ

Да публікацыі Гэці М. Ч. «Падуанскі побыт Францыска Скарыны (1512)»

У 2006 г. у зборніку «Manoscritti, editoria e biblioteche dal medioevo all'età contemporanea» (Рукапісы, выдавецкая справа і бібліятэкі ад сярэднявечча да сучаснасці) выйшаў артыкул супрацоўніцы Цэнтра гісторыі Падуанскага ўніверсітэта, славіста, доктара Марыі Чэчылі Гэці «Падуанскі побыт Францыска Скарыны». У гэтай абагульняючай працы пададзены агляд дзейнасці першадрукара з італьянскага гледзішча, а калі больш дакладна, з пункту гледжання навукоўцаў таго ўніверсітэта, дзе калісьці здабыў прэстыжную годнасць доктара медыцыны («выдатны муж Францішак Скарына»). Магочы на ўвазе актывізацыю скарыназнаўчых даследаванняў у сувязі з 500-гадовым юбілеем друку Скарынам кніг Бібліі ў 1517—1519 гг., і паколькі артыкул застаўся невядомым нашым гісторыкам і архівістам, скарыназнаўцам, часткова з-за моўнага бар'еру, рэдакцыя вырашыла падаць яго ў перакладзе на беларускую мову з ласкавага дазволу аўтаркі. Мяркуем, што нягледзячы на некаторыя спрэчныя сцвярджэнні аўтаркі, знаёмства з артыкулам будзе карысным для беларускай навуковай грамадскасці. Вялікую вартасць для скарыназнаўства, на нашу думку, мае таксама дадатак з самай поўнай і найбольш дакладнай транскрыпцыйнай чатырох вядомых на сённяшні дзень падуанскіх дакументаў доктарскай прамоцыі Скарыны. Да гэтага дадатку мы вырашылі дадаць пераклад памянёных дакументаў на беларускую мову, зроблены Віктарам Дарашкевічам, у новай рэдакцыі Алеся Жлуткі.

Ад рэдакцыі

Марыя Чэчылія Гэці,

*супрацоўніца Цэнтра гісторыі Падуанскага ўніверсітэта,
славіст, доктар;*

e-mail: vpmiensk@gmail.com

ПАДУАНСКІ ПОБЫТ ФРАНЦЫСКА СКАРЫНЫ (1512)*

Імя Францыска Скарыны** традыцыйна асацыіруецца не столькі з ведамі і досведам, якія ён здабыў у галіне медыцыны (аб якіх сведчыць падуанскі акадэмічны тытул, што будзе цэнтральнай тэмай нашай гаворкі), колькі з роляй, якую ён ўзяў на сябе ў распаўсюджванні друку на ўсходнеславянскіх землях. У гэтай якасці фігура Скарыны карысталася і карыстаецца цяпер вялікай папуляр-

* Шчыра дзякую за дапамогу і супрацоўніцтва Эміліі Веранэзе Чэзрарчу, асабліва за транскрыпцыю дакументаў, што датычацца падуанскага дактарату Францыска Скарыны, а таксама Вівіяне Назілі, пільнаму і чуйнаму знаўцу славянскага свету: менавіта ёй я абавязана за важную бібліяграфію і «адкрыццё» для мяне гістарычнай і лінгвістычнай рэальнасці, у якой праходзіла жыццё і дзейнасць нашага героя.

** У гэтым аддадзена перавага расійскім формам імені і прозвішча, якія больш вядомы на міжнародным узроўні, беручы пад увагу таксама і беларускі варыянт (Францыск Скарына). Існуюць розныя версіі імені Скарыны, прысутныя ў яго выданнях і ў афіцыйных дакументах: Францішак, Францыск, Францішко, Франціско, акрамя лацінскага варыянта *Franciscus*. У другой палове XIX ст. было выказана меркаванне, заснаванае на сумніўнай інтэрпрэтацыі аднаго дакумента, што сапраўднае імя Скарыны насамрэч было Георгій, ад грэцкай асновы, а значыць, праслаўнага паходжання, якое ён пазней змяніў на Францыск — імя, пад якім паступіў у каталіцкі ўніверсітэт у Кракаве.

наско ў гістарыяграфіі краін Усходняй Еўропы, у прыватнасці, у беларускім асяроддзі.

Не ўдаючыся ў сутнасць таго ўзвелічэння (ім часта грашыць празмерны нацыяналізм), з прычыны якога апошнім часам было перагледжана жыццё і дзейнасць Скарыны*, несумненна заслугоўвае ўвагі, таксама і ў неславянскім свеце, фігура гэтага інтэлектуала, які перакінуў свайго роду «мост» паміж усходнеёўрапейскай культурай і светам заходняга гуманізму. Сапраўды, Скарына ажыццявіў публікацыю шэрагу тэкстаў пераважна рэлігійнага характару, накіраваных, дзякуючы інавацыйнай дзейнасці лінгвістычнага *рэстайлінгу*, на задавальненне патрэбы чытачоў, якім з распаўсюджваннем друку прапаноўвалася таксама і ў далёкіх русінскіх землях, адкуль Скарына быў родам, магчымаць атрымання ведаў і інфармацыі, што больш не маглі знайсці адпаведнай формы ў царкоўнаславянскай мове, афіцыйнай у праваслаўнай традыцыі, якая стала ў той час дрэнна зразумелай для большай часткі насельніцтва**.

Невядома дакладная дата нараджэння Францыска Скарыны. Біяграфія прапаноўвалі, раз за разам, розныя гіпотэзы, якія ўсё ж разглядаюць перыяд з

* Пад тэрмінам *скарыназнаўства* маецца на ўвазе «комплексная навуковая дысцыпліна, якая вывучае жыццё і творчасць Скарыны і, у шырокім сэнсе, пачатковы перыяд гісторыі кнігі і выдавецкай дзейнасці ў Беларусі і Літве»: артыкул *Скориноведение* ў энцыклапедычным даведніку *Франціск Скорина и его время. Энциклопедический справочник* (Мінск, 1990. С. 508—513). Шмат твораў, прысвечаных жыццю і творчасці друкара з Полацка. Нагадаем, сярод іншых, апрача класічнага (нядаўна перавыдадзенага): П. В. Владимиров. *Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык* (Мюнхен, 1989) (арыгінальнае выданне: Санкт-Петербург, 1888), выданні: Е. Л. Немировский. *Франциск Скорина. Жизнь и деятельность белорусского просветителя* (Мінск, 1990) і *По следам Франциска Скорины. Документальная повесть* (Мінск, 1990), выданні біяграфічнага характару: Олег Лойко. *Скорина* (Москва, 1989), а таксама на беларускай мове (Алег Лойка. *Франциск Скарына або сонца Маладзкіковае* (Мінск, 1991)). Карысныя таксама *Франціск Скорина. Беларускі гуманіст, просветитель, перапісчык* (Мінск, 1989) і *Скориныч. Літаратурна-навуковы ежэгоднік* (Мінск, 1991). Перавыданне твораў і больш шырокае распаўсюджванне публікацый, якія адносяцца да пераадрукара з Полацка, узяла на сябе ў 90-х гадах XX ст. Беларуская Акадэмія навук.

** Пра гэтае пытанне, як і пра іншыя, гл. у выдатнай працы: A. Martel. *La langue polonaise dans les pays ruthènes. Ukraine et Russie Blanche, 1569—1667* (Lille, 1938 (Travaux et mémoires de l'Université de Lille). P. 68—76). Сярод усходніх славян хрысціянска-праваслаўнай канфесіі выкарыстоўвалася ў якасці кніжнай мовы (у прыватнасці, для рэлігійных тэатраў) царкоўнаславянская мова мясцовай рэдакцыі: гэта была мова ўсё менш і менш зразумелая, асабліва сярод ніжэйшых слаёў насельніцтва, якой, аднак, быў накіраваны прагрэсуючы заняпад (нягледзячы нават на спробы «ажывіць» яе эзуітамі, а таксама ў школах праваслаўных брацтваў (Martel. *La langue polonaise ...* P. 235—239, 269—271).

1485 па 1490 г. як час гістарычна найбольш імаверны*. Сярод прыведзеных доказаў на падтрымку гэтага сцвярджэння знаходзім неаднаразова цытаваны рэестр імагрыкуляцый Кракаўскага ўніверсітэта, дзе ў зімовым семестры 1504 г. згадваецца ўпісанне ў яго пэўнага «*Franciscus Lucede Poloczko*». Калі меркаваць, што, як і другія еўрапейскія ўніверсітэты, польская вучэльня таксама не прымала студэнтаў, маладзейшых за 14 гадоў, можна зрабіць выснову, што на момант паступлення і Францыск Скарына ўжо дасягнуў адпаведнага ўзросту**.

Як ужо неаднаразова згадалася, Скарына быў родам з Полацка, аднаго з найстарэйшых цэнтраў усходнеславянскіх зямель, размешчанага на берагах Дзвіны, які згадваецца ў летапісах з 862 г. Як жыццёва важны пасярэднік у гандлёвых адносінах паміж усходнімі землямі і балтыйскім рэгіёнам, тэрыторыя Полацка была далучана на пачатку XIV ст. да Вялікага Княства Літоўскага, з якім потым будзе дзяліць свой лёс (што прывядзе, як вядома, да палітычна-тэрытарыяльнага саюзу з Польшчай)***. У Полацку (насяленьтва якога ў XVI ст. налічвала больш за дзесяць тысяч жыхароў) пераважаў праваслаўны кампанент: каталікі ўяўлялі сабой нязначную меншасць, але варта адзначыць,

* У прыватнасці, вельмі цікавы, хоць і досыць фантастычны, погляд М. М. Шчакаціхіна, які ў 1925 г. выплывуў гіпотэзу пра сувязь паміж друкарскім знакам Скарыны (дзе прадстаўлены з чалавечымі рысамі, сонца і, перад ім, маладзік, якія сімвалізуюць зацьменне) і зацьменнем сонца, якое, на яго думку, адбылося ў дзень нараджэння друкара. Аналізуючы 4 зацьменні, бачныя з русінскіх зямель у апошняй чвэрці XV ст., пра якія ёсць паведамленні ў летапісах і хроніках пад 1476, 1486, 1487 і 1491 гг., Шчакаціхін выказаў меркаванне, што астранамічная падзея з 6 сакавіка 1486 г. супадае з нараджэннем Скарыны. З гэтага вынікае, што ў момант паступлення ў Кракаўскі ўніверсітэт яму было б 18 гадоў (*Франциск Скорина и его время ...* С. 287). Аб тыпаграфічным знаку Скарыны гл.: Немировский. *Франциск Скорина ...* С. 270—273.

** У Кракаўскім універсітэце зімовы семестр пачынаўся 19 кастрычніка і працягваўся да чацвёртага тдня Вялікага посту ў наступным годзе: у 1505 г. ён заканчваецца 1 сакавіка. Студэнты імагрыкуляваліся на працягу ўсяго семестра: у адпаведнасці з гэтым мы дапускаем, што Скарына мог нарадзіцца ў 1490 г., калі паступіў ва ўніверсітэт ва ўзросце ад 13 гадоў і 8 месяцаў, як мінімальны паказчык, да 15 гадоў і 2 месяцаў, як максімальны (*Франциск Скорина и его время ...* С. 288). Першая рэканструкцыя ўзросту Скарыны *aposteriori*, вылічаная са спісаў у матрыкулах Кракаўскага ўніверсітэта, належыць: Владимиров. *Доктор Франциск Скорина ...* С. 44.

*** Тэрыторыя Полацка была часткай русінскіх зямель, якія ўваходзілі ў склад Вялікага Княства Літоўскага, якое, у сваю чаргу, з XIV ст. было звязана з Польшчай персанальнай уніяй, якая ператварылася пазней, у 1569 г., у Люблінскую унію. Яе вынікам было стварэнне палітычнага і тэрытарыяльнага аб'яднання (так званай Рэчы Паспалітай абодвух народаў), з адзіным знешняй палітыкай і манетаю, але з рознымі адміністрацыйна-прававымі сістэмамі. На думку некаторых гісторыкаў, Люблінская унія паклала пачатак усё больш шырокаму пранікненню на ўсход польскай мовы і культуры. Пад агульнай назвай «русінскія землі» маюцца на ўвазе вялікія тэрыторыі паміж Польшчай і Масковіяй, на якіх жылі ўсходне-славянскія народы ў перыяд да стварэння незалежных дзяржаў — Украіны і Беларусі.

што толькі ў школьных установах, якімі кіравалі менавіта яны, можна было вучыць лацінскую мову, валоданне якой было абавязковай умовай для допуску да ўніверсітэцкай адукацыі.

Такім чынам, верагодна, што сын заможнага купца, якім быў малады Францішак, пасля атрымання альбо дома, альбо з большай верагоднасцю пры праваслаўнай манастырскай школе пры саборы Святой Сафіі, які быў вядомы сваёй багатай бібліятэкай, першапачатковай адукацыі (чытанне з Псалтыра і кірылічнае пісьмо), прыступіў да вывучэння лацінскай мовы, наведваючы кляштар Святога Францыска, заснаванага бернардынцамі ў Полацку ў 1498 г.*

Як мы ўжо адзначалі, у 1504 г. Францыск Скарына фігуруе ў Кракаве, запісаны ва ўніверсітэт, які на той час быў адзінай вышэйшай навучальнай установай на тэрыторыі тагачасных Польшчы і Літвы: універсітэт, заснаваны ў 1364 г. у форме акадэміі, стаў лічбца ўніверсітэтам толькі ў наступным стагоддзі, а на той час налічваў тры асноўныя факультэты (тэалагічны, юрыдычны і медыцынскі). Паступленне на іх прадугледжвала, як і ўсюды, папярэдняе вывучэнне «сямі вызваленых навук» і атрымання ступені бакалаўра. Навучанне маладога студэнта «ліцвіна» (так ён быў пазначаны) ва ўніверсітэце, якое пачалося з ужо згаданай іматрыкуляцыі***, скончылася ў 1506 г. з атрыманням ступені бакалаўра. У той жа самы час у Кракаве Францыск пазнаёміўся з выдавецкай дзейнасцю

* Бернардынцы належалі да Ордэна братоў меншых канвентуальных, які атрымаў сваё імя ад найбольш вядомага з іх прадстаўніка Бернардына з Сіены, і былі распаўсюджаны пераважна на польска-літоўскіх землях. Некаторыя гісторыкі мяркуюць, што Скарына мог навучацца ў Вільні: напрыклад, у артыкуле *Скарына*, апублікаваным Аліцыйяй Нагуркаў: *Polski słownik biograficzny* (=PSB). 38, Warszawa—Kraków, 1998. P. 291—294. Звесткі пра дзейнасць бернардынскага кляштара ў Полацку можам знайсці ў: К. К. Кантак. *Bernardyni polscy*. I. 1453—1572 (Lwów, 1933). P. 28—29 і 177—178. «Бернардыны, якія адпраўлялі Богаслужбу па грэка-праваслаўным абрадзе, але на лацінскай мове, маглі навучыць яго (Скарыну) лацінскай граматыць»: так мяркуе Лойко. *Скорина* ... С. 8. Існаванне бернардынскага кляштара ў Полацку аспрэчваецца Немировскім. *Франціск Скорина* ... С. 161—162, які, на яго думку, знаходзіўся ў Вільні (дзе ў адпаведнасці з меркаваннямі апошняга і іншых гісторыкаў, ад пачатку XVI ст. дзейнічала каталіцкая школа пры катэдральным саборы.

** «Franciscus Luce de Ploczko 2 gr» — гэта, відавочна, памылка ў транскрыпцыі назвы роднага горада Скарыны, Полацка, а не польскага горада Плоцка. Цьгата была ўзята з *Album studiosorum Universitatis Cracoviensis*. 2. 1490—1551, edidit A. R. Chmiel (Cracoviae, 1892. P. 91). У навучальным годзе 1504—1505 у матрыкулах упісаны 291 навучэнец, з якіх 141 былі з польска-літоўскіх і ўкраінскіх зямель, у той час як астатнія 150 паходзілі з іншых рэгіёнаў. Толькі 60 змаглі скончыць курс навучання і атрымаць ступень бакалаўра ў навучальным годзе 1506—1507: сярод іх таксама фігуруе «Fran[ciscus] de Poloczko. Lithanus»: *Statuta nec non liber promotionum philosophorum ordinis in Universitate studiosorum Jagellonica, ab anno 1402 ad annum 1849* / J. Muczkowski ed. (Cracoviae, 1849. P. 144). Статыстычныя звесткі прадстаўлены ў: Немировский. *Франціск Скорина* ... С. 166—167. Дата атрымання бакалаўрзата Скарынам, верагодна, — 14 снежня 1506 г. (*Ibidem*. С. 167).

цо друкарні Швайпольта Фіёля, у якой на пачатку дзевянацых гадоў XV ст. выйшлі першыя ў свеце друкаваныя кірыліцай кнігі*.

Наступныя 6 год, пасля першага ўніверсітэцкага перыяду, у біяграфіі Скарыны даволі цьмяныя. Датчына гэтага перыяду не было знойдзена аніводнага даставернага дакумента, што дазваляе нам толькі рабіць нейкія дапушчэнні: у прыватнасці, можна дапускаць, што гэты прамежак часу Скарына правёў у адным з еўрапейскіх універсітэтаў**, дзе атрымаў ступень магістра. Яшчэ адна праўдападобная гіпотэза, якая, між іншым, грунтуецца на падуанскіх дакументах, звяртае ўвагу (хоць і не абавязкова ў якасці альтэрнатывы) на звестку пра службу (у якасці «каралеўскага сакратара») пры каралеўскім двары ў Даніі***.

* PSB, *Скорина*. S. 291. Паводле розных крыніц, знаходзяць падабенства паміж творамі, апублікаванымі Скарынам у Празе і Вільні і тымі, якія выходзілі з друкарні Фіёля, якая дзейнічала ў Кракаве з 1483 г. Абвінавачаны ў ерасі і па гэтай прычыне арыштаваны ў 1491 г., пазней ён будзе апраўданы, але яго тыпаграфічная дзейнасць усё роўна спыніцца ў пачатку XVI ст. Даволі малаверагодна, на падставе захаваных звестак, сцвярджаць, што Скарына мог сустрэцца з Фіёлем: больш верагодна, што ён ведаў яго выданні, распаўсюджвання ў значнай меры на польска-літоўскай тэрыторыі. Аб гісторыі ўзнікнення і развіцці друку ў Кракаве ў перыяд Рэнесансу: Т. Ulewicz. *Wśród impresorów krakowskich doby Renesansu* (Kraków, 1977).

** Немировский у «дакументальнай аповесці» пра жыццё Скарыны: *По следам Франциска Скорины ...* С. 7. Меркаванне цытуецца ў неаднаразова згаданым артыкуле: *Скорина*. SPB. С. 291.

*** Што тычыцца меркавання аб знаходжанні Скарыны ў Даніі, гэтая інфармацыя грунтуецца на дакументах аб абароне дактарату ў Падуі, дзе яго згадваюць як «сакратара Дацкага караля» (*Падуя, Archivio della Curia Vescovile, Diversorum, 49, f. 122*). Тэкст апублікаваны таксама ў *Acta graduum academicorum ab anno 1501 ad annum 1525*, асудаді E. Martellozzo Forin (Padova, 1969. P. 227—228, 227). Гэты ж дакумент уключаны, але не поўнаасцю і з пропускамі ў: *Подзвіг Скарыны* (Мінск, 1992. С. 27): гэта буклет, які змяшчае тэкст (на беларускай і італьянскай мовах) выступлення Міністра замежных спраў Рэспублікі Беларусь П. В. Краўчанкі на ўрачыстай цырымоніі адкрыцця мемарыяльнай дошкі, прысвечанай Франціску Скарыне, у Падуанскім універсітэце (20 кастрычніка 1992 г.). Нарэшце, лацінскі і беларускі вырыянты цытаванага тэксту знаходзяцца таксама ў: *Egzamenasyjnija dokumenty dr. Francisza Skaryny u Paduanskim Uniwersytecie // Znič. 61* (1961). S. 7; 62—63 (1961), S. 10; 64—65 (1962), S. 12. Адрывіццё дакументаў пра атрыманне доктарскай ступені Скарынам прылісваецца многім: Эторэ Лю Гато (у той час прафесару славянскай філалогіі ў Падуанскім універсітэце), які быў ім выяўлены ў 1937 г., але не быў потым апублікаваны, глядзі таксама: А. В. Фралоўскі. *Скарыніна ў: 450 год беларускага кнігадрукавання* (Мінск, 1968. С. 428—430); Немировский. *Франциск Скорина. Жизнь и деятельность ...* С. 205 і артыкул: Колесник В. А. *Франциск Скорина и его время*, ва ўжо згаданым энцыклапедычным зборніку *Франциск Скорина и его время*. С. 218. Скарына мог прыехаць у Капенгаген у пачатку Жыгімонта I, караля Польшчы і Вялікага князя літоўскага і потым запымацца там, каб працаваць у каралеўскай канцэлярыі.

Штосьці важнае, нават калі і не задакументаванае, несумненна адбылося ў тых невядомых нам гады: юнак ва ўзросце паміж 22 і 27 гадамі, згодна з выказанай раней біяграфічнай гіпотэзай, які ўвосень 1512 г. прыязджае ў Падую ў яе знакаміты ўніверсітэт, каб атрымаць тут тытул доктара, не мог быць недасведчаным. Гаворка ідзе аб свядомым і падрыхтаваным кандыдаце, які пасля паспяховай *peregrinatio academica* — «акадэмічнай вандроўкі», падобнай да падарожжаў яго выбітных калег: дастаткова згадаць, сярод многіх, імя Мікалая Каперніка, які так, як і Скарына, пачынаў у Кракаве свой універсітэцкі *cursus studiorum*, каб пасля знайсці прытулак у розных італьянскіх універсітэтах, у тым ліку і ў Падуі*.

Пэўныя пытанні могуць узнікнуць не так пра яго побыт у Падуі, як пра яго храналагічную прывязку: працягваліся ваенныя дзеянні (бо ў той час яшчэ ішла Камбрэйская вайна і Падуя знаходзілася пад пагрозай, якая выходзіла з боку антывенецыянскай кааліцыі). Такая сітуацыя моцна змяніла дынаміку ўніверсітэцкага жыцця ў гэтым венецыянскім горадзе, парушыўшы яго звычайны «парадак»**. Таму ў перыяд, які супадае з прыездам Скарыны ў Падую, перапыняюцца ўніверсітэцкія лекцыі, за частковым выключэннем прыватных***: затое працягваецца наданне доктарскіх годнасцей, а таксама з'яўляюцца даныя пра павелічэнне «*колькасці вызваленых ад аплаты за экзамен з-за адсутнасці сродкаў на прычыне вайны*»****.

Сярод тых, хто паграпіў, або тых, каго ўвалі ў гэты статус, фігуруе і Францыск Скарына, які згадваецца ў дакументах пра наданне акадэмічных ступеняў, як «*artis doctor pauper*». У выпадку з маладым русінам да меркавання аб беднасці дадаецца як аргумент, які павінен быў паўплываць на атэстацыйную калегію (у дадзеным выпадку на Святую Калегію дактароў вызваленых навук і медыцыны), а, менавіта, яго геаграфічнае паходжанне і значная адлегласць («*a longinquissimis partibus forsamperquatuor milliam illiariaet ultra*»), якую ён пераадолеў, каб паграпіць у Падую, горад, які на пачатку XVI ст. яшчэ карыстаўся (нягледзячы на абвастрэнне канкурэнцыі з боку іншых італьянскіх універсітэтаў і ўзмацнення ўніверсітэцкага пратэктывізму) сусветна прызнанай высокай

* Як вядома, Капернік завяршыў студэнцкую кар'еру ў Ферары, дзе атрымаў доктарскі тытул па кананічным праве, у маі 1503 г. Адносна перыяду, праведзенага ім у Падуі, згадаем толькі артыкул: E. Rigoni. *Un autografo di Niccolò Copernico // Quaderni per la storia dell'Università di Padova* 16 (1983). P. 105—108.

** Так сцвярджае F. Dupuigrenet-Desroussilles. *L'Università di Padova dal 1405 al Concilio di Trento // Storia della cultura veneta. Dal primo Quattrocento al Concilio di Trento*. II (Vicenza, 1980. P. 626—627). Аўтар згадвае, не называючы, аднак, імянаў, эпізод (у лістападзе 1512 г.) «аднаго русінскага студэнта, які прыбыў у Падую «*a longissimis partibus*»...» P. 625.

*** *Ibidem*. P. 627. Афіцыйна ўніверсітэт зноў аднавіў сваю навучальную дзейнасць, пачынаючы з акадэмічнага года 1517—1518.

**** *Ibidem*. P. 627.

рэпутацыйнай навуковых ступеняў, якія тут надаваліся. Акрамя гэтага, універсітэт надалей заставаўся прывабным для навучэнцаў польскага і літоўскага паходжання, якія на працягу стагоддзяў складалі значны працэнт гасцей гэтага венецыянскага горада.

Таксама трапляе ў гэтую слаўную традыцыю і Скарына, які, як ужо згадваўся, увосень 1512 г. прыбывае ў Падую, каб атрымаць ступень доктара медыцыны (недасягальная на той час мэта, напрыклад, у Кракаве, дзе першы дактарат такога роду ўпершыню быў нададзены толькі ў 1527 г.)*. Малады чалавек меў, як ужо гаварылася, добрую падрыхтоўку і атрымаў адзінадушнае адабрэнне з боку членаў медыцынскага Калегіума, скліканых, каб ацаніць яго і «*quonia melegantissimeshabuit*», яны прызнаюць яго *idoneus* «тыдрыхтаваным» да апошняга іспыту**, які адбыўся 9 лістапада 1512 г. і закончыўся абвяшчэннем *doctor artiset medicinae* сына полацкага купца Лукі, а таксама, згодна з пратаколамі іспыту, *secretarii regis Daciae* «сакратара дацкага караля».

Пасля заканчэння акадэмічных фармальнасцей (якія засведчаны апублікаванымі ў дадатку дакументамі), Франціск Скарына, верагодна, пакінуў Падую: таксама і ў гэтым выпадку дакументы, якія дайшлі да нас, з'яўляюцца няпэўнымі і з вялікімі прагаламі, што прымушае нас рабіць розныя здагадкі. Сярод іншых прывядзём тых, якія дапускаюць побыт маладога русіна ў Венецыі: у гэтым горадзе ў затоцы ён мог усталяваць кантакты з друкарскім асяроддзем, адным з самых ажыўленых у Еўропе, дзе ў тым жа самым 1512 г. выйшла першае кірылічнае выданне. Зноў жа ў Венецыі за некалькі гадоў да гэтага (у 1506 г.) пабачыла свет Біблія на чэшскай мове, што магло натхніць Скарыну праз кароткі час распачаць сваю выдавецкую справу.

Нават калі выглядае дастаткова праўдападобным, што Скарына мог скарыстаць з побыту ў Італіі, каб наведаць горад Святога Марка і пазнаёміцца, як і лобы іншы адукаваны замежнік, з яго друкарскай і выдавецкай дзейнасцю (у той час «фізічна» апанаванай Альдам Мануццям), але цалкам пацвердзіць гэта перашкаджаюць запярэчэнні ў пытаннях практычнага характару, звязаныя з ваеннай сітуацыяй (з ужо згаданай вайной Камбрэйскай лігі), якая, напэўна, не спрашчала кантакты паміж гарадамі мацерыка са сталіцай. Такім чынам, па

* Гэта адбылося 28 лютага 1527 г.: адсутнасць акадэмічных ступеняў у медыцыне раней тлумачыцца невысокай якасцю выкладання гэтай дысцыпліны ў Ягелонскім універсітэце (С. Morawski. *Histoire de l'Université de Cracovie, Moyen age et Renaissance*. III (Paris—Cracovie, 1905. P. 267—268)).

** Як вядома, «у XVI стагоддзі прысваенне акадэмічнага тытула праходзіла ў тры этапы: спачатку студэнт прасіў «ласку» (*gratia*) у Святой Калегіі быць дапушчаным да іспытаў, пасля чаго спрабаваў свае сілы ў «пробным» і, нарэшце, пасля здачы «прыватнага» іспыту атрымліваў доктарскія знакі (*Acta graduum academicorum ab anno 1501*, с. IX). У той момант, калі студэнт прасіў «ласку», ён павінен быў даказаць, што прайшоў прадугледжаныя курсы навучання: таму, верагодна, што і Скарына таксама прад'явіў доказы адпаведнай ранейшай падрыхтоўкі.

ўсёй верагоднасці, сустрэча Скарыны і Мануцыя (з выдавецкай прадукцыяй якога Скарына быў бясспрэчна знаёмы) не адбылася. Гэтак жа малаверагодна, каб праз некалькі гадоў адбылася і другая сустрэча, вакол якой гісторыкі выказвалі розныя фантастычныя дапушчэнні: тут мы маем на ўвазе сустрэчу ў Вітэнбергу, пратаганістамі якой быццам бы былі Марцін Лютэр і наш Скарына*. Тым не менш біёграфы зноў жа дапускаюць яго побыт у Венецыі ў перыяд пасля падуанскага дактарату: шмат хто выказвае здагадку наконт прысутнасці русінскага доктара ў складзе польскай дэлегацыі, якая ў 1515 г., пасля заканчэння Венскага кангрэса (на якім сабраліся дзеля антытурэцкіх захадаў імператар Максімільян I, а таксама ўладары Багеміі і Венгрыі, Польшчы і Літвы) прыбыла ў Венецыю. У той час у сталіцы Венецыянскай рэспублікі друкарскае мастацтва дасягнула значных вышынь таксама і ў галіне кірылічнага друку. У выніку, тут Скарына («падштурхнуць») на гэта каралём Жыгімонтам I) мог з лёгкасцю замовіць тыпаграфскі шрыфт, які потым выкарыстаў для ўласных выданняў.

Але тут не зусім адпаведнае месца, каб падрабязна аналізаваць падзеі, якімі адзначыліся жыццё і дзейнасць Францыска Скарыны ў «пасляпадуанскі» перыяд: таму абмяжуемся рэканструкцыяй у агульных рысах, недакладнай з прычыны, як мы ўжо шмат разоў нагадвалі, фрагментарнай і няпоўнай дакументацыі.

Што да наступных пяці год пасля падуанскага доктарскага «прыумфу», то, напрыклад, мы зноў абапіраемся толькі на гіпотэзы і здагадкі. Магчыма, Скарына вяртаецца ў Кракаў і ў адпаведнасці з традыцыяй, пачатай Фіёлем, выношвае ідэю перакладу і выдання Бібліі на даступнай для адносна шырокай аўдыторыі мове. На думку іншых біёграфаў, больш верагодна, што Скарына яшчэ раней распрацаваў свой уласны праект выдання і адразу накіраваўся ў Прагу, горад, у якім магчыма (магчыма!) ужо быў, і дзе (зноў жа магчыма!) мог пасля бакалаўрэта прадоўжыць універсітэцкае навучанне і потым атрымаць тытул *magister artium*, які, як мы ўжо бачылі, быў у яго на момант завяршэння ў Падуі сваёй акадэмічнай кар’еры**. Ва ўсякім разе, у Празе (і гэта, у адрозненне ад шматлі-

* У 1525 г. паведамляецца аб прысутнасці ў Вітэнбергу пэўнага «Franciscus Polonus»: ён сустрэўся з Лютэрам, а пазней быў абвінавачаны ў тым, што быў агентам на службе каталіцкай царквы і таму мог быць арыштаваны. Аб гэтай падзеі, ад якой гістарыяграфічныя збалансаваныя і надзейныя рэканструкцыі безумоўна аддзялілі фігуру Скарыны, упершыню згадаў влічлі славіст Барталямеі (Ернэй) Копітар у 1839 г. (*De facultatis Pragenae medicinae doctore Francisco Skorina lithuano, doctoris Martini Lutheri insidiatore quaestio historica* у: В. Копітар, *Hesyehii glossographi dicipulis et epoglossistis russus, in ipsa Constantinopoli sec. XII—XIII codice Vindobonensi graecorussia omnia ...* (Vindobonae: C. Gerold, 1839. P. 33—34). Гэтая тэма потым была працягнута ў: В. Ягич. *Новые письма Добровского, Копитара и других юго-западных славян* // Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук. 62 (1897).

** Згодна з меркаваннем славіста Юсіфа Добраўскага (1753—1829), Францыск Скарына мог уваходзіць у склад групы саноўнікаў, якія суправаджалі Жыгімонта, вялікага князя літоўскага і караля польскага, на Венскі кангрэс (1515): падчас вяртання з якога Скары-

кіх гіпотэз, абсалютна пэўна) выйшла ў свет 6 жніўня 1517 г. першае выданне Скарыны — Псалтыр (сакральны тэкст самы вядомы і распаўсюджаны ў славянскім свеце)* і затым, у наступныя два гады, іншыя 22 тамы Старога Запавету, з таго часу вядомыя як «Біблія руска»**: адносна хуткі час, які спатрэбіўся яму для выдання, можа быць абумоўлены папярэднімі кантактамі Скарыны з асяродкамі ў багемскай сталіцы, што гарантавала аптымальнае, з практычна-арганізацыйнага гледзішча, выкананне працы. На карысць выбару Прагі прамаўляе наступны, не менш істотны аргумент: чэшская мова, акрамя таго што ўяўляла сабой самы развіты моўны рэфэрэнт у славянскім свеце, яшчэ мела досвед перакладу Святога Пісання, што пацвярджае немалая колькасць рукапісных версій Бібліі і тры, ранейшыя за Скарынавы, друкаваныя выданні, часткова згаданыя вышэй***.

Сапраўды, менавіта чэшская версія Бібліі была ўзята за аснову для скарынаўскага перакладу на мову, якая ўяўляе сабой «не столькі кадыфікацыю гутаркавай мовы», колькі хутчэй «спалучэнне мясцовых дыялектных элементаў з іншымі, «кніжнага» паходжання, перад усім, агульнарускага»****. Ніводная з друкарняў, якія дзейнічалі тады ў Празе, не друкавала на кірыліцы. Выбар Скарыны скарыстацца адной з іх, каб друкаваць на мове, якую з істотнай доляй спрашчэння мы можам назваць «русінскай», сведчыць, на наш погляд, не толькі пра вядомасць Скарыне пражскага асяроддзя, але і пра культуральную пластычнасць і эластычнасць гэтага асяроддзя, яшчэ глыбока закранутага гусіцкай

на мог спыніцца ў Празе на службе ў пляменніка Жыгімонта, Людовіка, які прыйшоў на чэшскі трон у вельмі маладым узросце (Немировский. *Франциск Скорина* ... С. 220—222).

* Мова, на якой Скарына выдае Псалтыр (на думку Аляксея Віктарава), блізкая да расійскага варыянта паркоўнаславянскай мовы, з асаблівым аднясеннем да т. зв. «Генадзіеўскай Бібліі», якая паўстала ў 1499 г. у Ноўгарадзе па ініцыятыве мясцовага арцыбіскупа (А. Е. Виктор. *Замечательное открытие в древнерусском книжном мире // Беседы в обществе любителей российской словесности при имп. Московском университете*. 1 (1867). Вып. 1. С. 1—27).

** Тры, ранейшыя за скарынаўскае, выданні Бібліі на чэшскай мове выходзілі адпаведна ў Празе (1488), Кутнай Горы (1489) і, як ужо згадалася, у Венецыі (1506).

*** Паводле J. Merell. *Bible v českých zemích od nejstarsích dob do současnosti*. Praha, 1956. S. 15, налічвалася 25 поўных перакладаў Бібліі, 27 Старога і 35 Новага Запаветаў, 22 Псалтыра і 17 Евангелія.

**** Пад «агульнарускай» (абщерусской) маецца на ўвазе мова, «якая была і заставалася агульнай літаратурнай мовай усходніх славян, нават пасля таго, калі гутарковыя мовы ўжо адрозніваліся, і да таго часу, пакуль гэты агульны літаратурны *usus* не быў зменены гэтымі адрозненнямі, і побач з расійскай зацвердзілі сябе як літаратурныя мовы, беларуская і ўкраінская»: E. Sgambati. *Il Tristano bianco-russo* (Firenze, 1983. P. 13).

«рѣвалопцьѣй»), якая была такой яркавай і такой драматычнай часткай яго ранейшай гісторыі*.

Лінгвістычнае пытанне, якому мы тут надаём увагу толькі збольшага, насамрэч з’яўляецца фундаментальным, каб добра зразумець маштаб культурнага эксперымента Скарыны і выбуховую сілу яго Бібліі на «гутарковай» мове.

Паводле агульнага меркавання ўнікальнасць выдання палягае ў падвойным статусе мовы, носьбітам якой яно з’яўляецца: у той час як Псалтыр быў надрукаваны на царкоўнаславянскай мове (гэты вырыянт, як ужо зазначана, моцна залежыць ад рускай традыцыі), іншыя кнігі Святога Пісання былі перакладзены на «русінскую» (*ruskij jazuk*) мову, адносна якой навукоўцы доўгі час падзяляліся ў меркаваннях: адны адносілі яе да царкоўнаславянскай, іншыя да старабеларускай, а некаторыя да «гібрыднай» мовы, у склад якой уваходзілі, на аснове царкоўнаславянскай традыцыі, элементы беларускай «народнай» мовы, менавіта той, на якой сапраўды размаўлялі на землях, з якіх Скарына паходзіў**.

Нядаўнія даследаванні дазваляюць нам цяпер разгледзець пераклад Скарыны ў больш шырокім кантэксце, у межах культурных і лінгвістычных працэсаў таго часу. Рашэнне адысіі ад структур, збудаваных на грэцкай мове, а менавіта, царкоўнаславянскіх і прытрымлівацца граматычных і сінтаксічных формаў, якія адносяцца да чэшскай, яркава выяўляе пэўную культурную арыента-

* Насамрэч, Скарына меў намер выдаць усе кнігі Бібліі, як паказвае агульная назва працы («Библия руска») і прадмова («Предисловие доктора Франциска Скорины с Полоцка во всю Библию рускаго языка», як доказ зацікаўленасці ў выданні «поўнай Бібліі»). У фінансаванні кнігадрукарскай дзейнасці зрабіў значны ўнёсак Багдан Онкаў, прадстаўнік багатай сям’і гандляроў і землеўладальнікаў з Вільні. Яму Скарына, па ўсёй верагоднасці, таксама быў абавязаны і ўсталяванымі кантактамі, у тым ліку і ў пражскі перыяд, якія гарантавалі першадрукару больш выгодныя ўмовы пры пераездзе ў літоўскую сталіцу. Багдан Онкаў, які веў гандаль таксама і з Масквой, магчыма, быў першым пасярэднікам у данясенні выданняў Скарыны да «рускага» свету (некаторыя гісторыкі не выключаюць, дарэчы, паздкі Скарыны ў Маскву ў сярэдзіне 20-х гадоў: гэта не з’яўляецца цалкам малаверагодным з увагі на эканамічныя выгоды, якія расійскі рынак мог гарантаваць для гандлю Святым Пісаннем на кірыліцы).

** На карысць першай гіпотэзы выказаліся напрыканцы XIX ст.: А. И. Соболевский. *Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык* (Рецензия на книгу: П. В. Владимиров) // Журнал Министерства народного просвещения. 10 (1888). С. 321—332 і ў наступным стагоддзі: А. В. Фроловский. *Чешская Библия в истории русской культуры и письменности (Франциск Скорина и продолжатели его дела)* // Сборник филологический. 12 (1940—1946). С. 213—214. Сцвярджэнне аб існаванні старабеларускай мовы падтрымлівае, сярод іншых: Владимиров. *Доктор Франциск Скорина ...* а таксама Е. Ф. Карский. *Что такое древнее западнорусское наречие*, манускрыпт 1893 г., перавыдадзеная ў: *Труды по белорусскому и другим славянским языкам* (Москва, 1962), у той час як гіпотэза змешвання царкоўнаславянскай і «кывоў» мовы вычарпальна разгледжана ў: Н. И. Толстой. *Избранные друды. Славянская литературно-языковая ситуация*. 1 (Москва, 1998).

цільо Скарыны. Робячы выбар на карысьць «простай» мовы, якой была чэшская, Скарына выразна выяўляе сваё стаўленне да «высокай» культуры (прадстаўленай на латвіне) і ў той жа час з выдатным культурным і «камерцыйным» прадбачаннем, ён пераадолюе цяжкасці, якія паходзяць ад узрастаючага разрыву паміж царкоўнаславянскай мовай і тымі, для каго прызначалася рэлігійная літаратура, шпоруз цяжэй зразумелая*. Як паказалі ўжо сучасныя даследаванні, на такую пазіцыю Скарыны моцна паўплывала адукацыя, атрыманая ў Кракаве і Падуі, якая адчыніла маладому русіну дзверы ў свет гуманізму, адкуль ён павінен быў атрымаць шмат стымуляў і натхнення**.

Звычайна, дапушчэнні і здагадкі суправаджаюць таксама і ад'езд Скарыны з Прагі (дзе яго друкарская праца не была яшчэ завершана): для гэтага маглі быць розныя матывы альбо рэлігійнага ці фінансавога характару (напрыклад, патрабаванні фінансуючай асобы перанесці ведавецкую дзейнасць у Вільню, дзе яе кошты былі таннейшымі), альбо, з большай верагоднасцю, санітарнага характару, звязаныя з эпідэміяй чумы, якая вясной 1520 г. успыхнула ў сталіцы Багеміі. Такім чынам, на пачатку новага дзесяцігоддзя мы знаходзім Скарыну ў Вільні, трывала ўлучанага (дзякуючы ўдаламу шлюбу***) у асяроддзе мясцовага мяшчанства і гатовага аднавіць з новымі ідэямі і новай энергіяй сваю ведавецкую дзейнасць.

Менавіта ў тыя гады выходзіць у свет *Малая падарожная кніга* (1522), свайго роду альманах, які змяшчаў элементы сакральнай літаратуры і звесткі астранамічнага і метэаралагічнага характару, асабліва карысныя для тых, хто па працы быў змушаны рабіць частыя паездкі. У 1525 г. выходзіць *Апостал* (Дзеі Апосталаў), апошняе надрукаванае Скарынам выданне, у склад якога ўваходзіла таксама кірылічная версія лістоў апостала Паўла (кожны з якіх належным чынам суправаджаўся ўводзінамі самога выдаўца): акрамя культурнай каштоўнасці, выданне ўяўляе поўны сінтэз друкарскіх і ведавецкіх здольнасцей доктара з Полацка.

Пасля гэтага (1525 г., між іншым, года сумнеўнай сустрэчы ў Вітэнбергу), па прычынах, аб якіх зноў жа можна толькі здагадвацца, друкарня Скарыны спыняе ўсялякую дзейнасць. Але гэта не азначае, зразумела, знікнення са сцэны нашага героя, якога мы сустракаем то пры адным, то пры другім двары валада-

* Martel. *La langue polonaise ...* P. 66—97.

** Наконт гэтага (і ўвогуле наконт «лінгвістычнага пытання») ў Скарыны, апісанага з навуковай кампетэнтнасцю і выдатнай ураўнаважанасцю) адсылаю да: Н. Н. Запольская. *Обицый славянский литературный язык: типология лингвистической рефлексии*, (Москва, 2003. У прыватнасці С. 78—85).

*** Паміж 1525 і 1528 гг. Скарына ажانیўся з удавой багатага віленскага купца і разам з ёй увайшоў у гандлёвую справу са старэйшым братам Іванам Скарынам. У шлюбе нарадзіўся сын Сымон, галоўны відавочца, які пасля смерці маці пабачыў доўготу і сумную судовую цяганіну паміж бацькам і сваякамі памерлай маці (*Франциск Скорина и его время ...* С. 222, 506).

роў у Еўропе, якая ў той час перажывае націск магутных пльняў рэлігійнага і палітычнага характару, якія карэнным чынам змянялі яе ідэнтычнасць і воблік. Вось ён у Кёнігсбергу, пры двары герцага Прусіі, перакананага паслядоўніка ідэй Рэфармацыі, якія той намагаўся пашыраць таксама і праз друк. Арганізацыя друкарскай справы магла задаволіць гэтае імкненне і была галоўнай падставай для «паклікання» Скарыны на службу пры двары Гогенцолернаў, дзе ён заставаўся да 1530 г., пасля чаго ў тым жа годзе вярнуўся ў Вільню.

Аднак лёс быў відавочна супраць. Менавіта ў 1530 г. моцны пажар спустошыў літоўскую сталіцу, знішчыўшы амаль дзве траціны яе будынкаў. Страта ўсёй маёмасці ў спалучэнні з рознымі судовымі перыпетэямі (звязанымі з ужо згаданай «аспрэчванай спадчынай» памерлай жонкі) змушаюць Скарыну шукаць новыя кірункі для сваёй дзейнасці: ён звяртаецца да свайго акадэмічнага тытула, які атрымаў гадамі раней у Падуі, працуе ў якасці лекара і асабістага сакратара Віленскага каталіцкага біскупа Яна, сына Жыгімонта I Старога, і з гэтай прычыны, таксама «неафіцыйнага» намесніка бацькі на літоўскіх землях*. Асоба вялікага культурнага значэння, цвёрдай гуманістычнай арыентацыі, Ян адзначаўся сваімі намаганнямі, скіраванымі на змяненне палітыкі рэлігійнай талерантнасці, якая дагэтуль характарызавала Ягелонаў у кіраванні літоўскімі землямі, і імкненнем надаць новую ролю і прывілеі каталіцкаму кампаненту. Верагодна, гэтыя змены, разам з ужо згаданымі судовымі і фінансавымі перыпетэямі (якія завяршыліся ў 1532 г. арыштам**), прымусілі Скарыну канчаткова адмовіцца ад выдавецкай дзейнасці, што пацверджваецца яго знаходжаннем на новым месцы, а менавіта пры пражскім двары Фердынанда I Габсбурга ў якасці лекара і даглядчыка мясцовага батанічнага сада***. І па ўсёй верагоднасці тут, у Празе, Францыск Скарына памёр, верагодна, да 1541 г., як сведчаць

* Народжаны ў 1499 г. у Кракаве, у 1510 г. прызначаны канонікам, Ян вывучае права ў Балоніі, прабыўшы ў Італіі да 1516 г. У 1519 г. стаў біскупам Вільні, а пасля гэтага ў 1536 г., у Познані. Памёр 18 лютага 1538 г.

** Пасля смерці Івана Скарыны, які актыўна ўдзельнічаў у фінансаванні друкарскай дзейнасці Францыска ў Вільні, крэдыторы паспрабавалі перакласці яго даўгі на брата, Францыска, які стаў аб'ектам рэальнага судовага «пераследу», які скончыўся ў лютым 1532 г. яго арыштам. Дзякуючы пасрэдніцтву некаторых аўтарытэтных знаёмых Скарына атрымаў магчымасць звярнуцца да каралеўскага суда, на якім даказаў сваю невінаватасць.

*** Аб гэтай новай ролі знаходзім сведчанне ў акце, зацверджаным 29 студзеня 1552 г. Фердынандам I і выдадзеным Сымону Скарыне для абароны і гарантыі атрымання спадчыны па бацьку, у якім ёсць спасылка на «доктара Францішка Скарыну, русіна з Полацку, нашага «садоўніка»». Больш падрабязныя звесткі F. Sokolová. *Nad nektěrymi problémy života a díla Franciska Skoryny* // *Slavia*. 47 (1978). А. 3. Р. 308—323. Іншыя дакументы ўказваюць потым на спрэчкі паміж Скарынам і багемскімі ўладамі па пытаннях, звязаных з запрыманнем або нявыплатай заробку: вырашэнне гэтай праблемы было знойдзена ў ліпені 1539 г. (PSB. *Skoryna*. S. 293).

некагорыя дакументы, якія даюць нам магчымасць паспрабаваць датаваць, хаця і *a posteriori*, апошні перыяд яго жыцця*.

Як ужо неаднаразова адзначалася, тут не зусім адпаведнае месца, каб падвзячы вынікі, належна асэнсаваць у экзістэнцыйным і культурным плане асобу і дзейнасць Францыска Скарыны. Ён праходзіць, нават у дакладным фізічным сэнсе, праз некалькі дзесяцігоддзяў еўрапейскай гісторыі, якія аказаліся ўлучанымі ў адно з самых напружаных і неспакойных стагоддзяў. Чалавек культуры, які вырас у плённым і жыццядайным клімаце гуманізму, Скарына — гэта таксама канкрэтны чалавек, адважны прадпрымальнік, які не баіцца прысвяціць сябе выдавецкай дзейнасці, якая ў тых часы ў славянскім свеце рабіла свае першыя, нясмелыя крокі. Гуманіст, поўны ўвагі да дэталей, з дбайным аналізаваннем крыніц, з якіх чэрпаў матэрыял для сваіх выданняў, доктар з Полацка, а таксама і «сучасны» чалавек, здольны разумець патрэбы грамадства, якое перажывала грунтоўныя перамены, грамадства, якое адважлівала права на доступ да крыніц яго рэлігійнай ідэнтычнасці (як вучыў Лютэр) і, адначасова, на пошук, праз цяжкі шлях моўнай аўтаноміі, і адшуканне сваёй гістарычнай прыналежнасці да гэтага часу нявызначанай і забытанай.

Савецкая гістарыяграфія на працягу многіх дзесяцігоддзяў змяшчала Скарыну ў пантэон бацькоў, занадта надмернай славянскай «бацькаўшчыны» (ці беларускай, паводле пазнейшага нацыяналізму). Мы больш схільны ўяўляць яго як разумнага і дальнабачнага гуманіста-прадпрымальніка, які нёс да шырокай і зацікаўленай аўдыторыі Божае Слова на мове, якую мог зразумець кожны вернік. Тым самым ён зрабіў працу рэвалюцыйнага значэння, прызначаную на тое, каб пашырыць межы разумення і пазнання, і перакінуць мост, не толькі ў метафарычным сэнсе, паміж дзвюма культурнымі рэальнасцямі (лацінскай спадчыны, з аднаго боку, і візантыскага ўтліву — з другога), якія менавіта тады (у той перыяд) пачыналі адкрывацца адна да адной і весці дзялог не зусім лёгкі, але, менавіта па гэтай прычыне, вельмі неабходны.

Пераклад з італьянскай мовы Ганна Гардаі з выдання: Maria Cecilia Ghetti. Il Soggiorno Padovano di Francisk Skorina // Manoscritti, editoria e biblioteche dal medioevo all'età contemporanea. Roma, 2006.

Рэдактар перакладу Ягор Сурскі.

* Гэтае меркаванне абатпраецца на данясенне аб пажары ў 1541 г. у Празе, дзе паведамляецца аб смерці малага Францішка «сына нябожчыка доктара русіна», якога, як мяркуецца, можна атаясаміць са Скарынам: на падтрымку гэтага пункта гледжання можам прывесці вышэйзгаданы дакумент 1522 года, які, хоць і няцэўна, аднак яшчэ раз пацвярджае смерць Францыска Скарыны. Пра хроніку пажара паведамляе J. F. Beckovský. *Poselkyňe starých příběhův českých*. Díl 2 (od r. 1526—1715). Sv. 1. (1525—1607) (Praha, 1879).

ДАКУМЕНТЫ

№ 1

Padova. Archivio Storico dell'Università. 321, f. 5v

Gratie in medicinis amore Dei magistri Francisci Rutheni quondam domini Luce.

In Christi nomine, amen. Anno eiusdem nativitatis millesimo quingentesimo duodecimo, indictione XV, die veneris quinto novembris. Padue, in ecclesia Sancti Urbani, hora XVII^a.

Convocato, et more solito congregato sacratissimo Collegio famosissimorum medici et medicine doctorum Padue de mandato excellentis medici et medicine doctoris domini Thadei Mussati vice-prioris dicti Collegii, cum medicines dominorum consiliariorum dicti Collegii, quo quidem Collegio sic convocato, prefatus dominus prior dixit: «Excellentissimi domini doctores, causa convocationis excellentiarum vestrarum est ista: est quidam doctissimus iuvenis, medici doctor, pauper, qui a longinquissimis partibus forsam per quatuor millia milliaria et ultra ab hac preclara civitate, pro augmentando famam et honorem illius huiusque florentissimi Ginnasii et sacri Collegii medicin, ad illam se contulit, et vellet sibi medicin de dono et gratia speciali ac amore Dei per hoc sacrum Collegium in medicines. Si placet excellentiis medicine ipsum medicines fatiam. Qui quidem iuvenis et doctor prefatus medicines dominus Franciscus quondam domini Luce Scorina de Poloczko Ruthenus». Quibus sic peractis, fuit introductus dictus magister Franciscus, et petiit humiliter ac reverenter sibi medicin gratie in medicines amore Dei, ut supra expositum est per prefatum dominum vicepriorem. Offerrensque se predicare ubilibet famam, honorem et utilitatem dicti collegii et cuiuslibet doctoris in particulari. Quibus sic dictis, exivit dictum Collegium: et prelibatus dominus viceprior dixit: «Domini doctores, vos audivistis istum pauperem et doctum iuvenem. Si est aliquis qui vellit aliquid dicere, surgat et dicat apparere suum». Et tandem, factis multis sermonibus et arengationibus inter dictos dominos doctores. Dicitus dominus viceprior posuit partitum tenoris infrascripti, videlicet: «Quibus placet quod dictus dominus Franciscus habeat gratias in medicines amore Dei cum dispensatione statutorum in reliquis ponant ballotam suam in piside rubea affirmante, quibus vero non placet ponant in viridi negante». Et sic, dactis ballotis, fuit obtentum dictum partitum nemine discrepante.

№ 2

Padova. Archivio Storico dell'Università. 321, f. 6r

Tentativuminmedicinis domini magistri Francisci Rutheni.

MDXII, die sabbati sexto novembris, Padue, in ecclesia Sancti Urbani, hora XVII^a.

Convocatis et congregatis excellentissimis doctoribus sacri Collegii dominorum artium et medicine doctorum Padue in loco solito, ex mandato egregii artium et medicine doctoris domini magistri Thadei Mussati viceprioris, tentatus fuit eximius artium doctor dominus magister Franciscus quondam domini Luce Scorina de Poloczko

Ruthenus in medicinis super punctis hoc mane sibi assignatis; et quoniam, ipsa puncta memoriter recitando ac argumenta contra se facta reassumendo et optime resolvendo, elegantissime se habuit, ideo ab omnibus doctoribus Collegii predicti ibi existentibus, nemine discrepante, fuit idoneus iudicatus et admitendus ad examen suum privatum in medicinis, et ita merito admissus, sub promotoribus videlicet: domino magistro Francisco de Noali, domino magistro Francisco de Este, domino magistro Hieronymo a Mulo, domino magistro Bartholomeo Barisono et domino magistro Hieronymo de Urbino.

Qui quidem dominus Franciscus iuravit etc. in forma.

Nomina doctorum qui interfuerunt: dominus magister Thadeus Mussatus viceprior, dominus magister Bartholomeus a Volta, dominus magister Franciscus de Noali, dominus magister Franciscus de Este, dominus magister Hieronymus a Mullo, dominus magister Nicolaus de Noali, dominus magister Aurelius Boneto, dominus magister Hieronymus Rubeus, reverendus dominus Bartholomeus de Sancto Vito, dominus magister Hieronymus Maripetro, dominus magister Bartholomeus Barisonus, dominus magister Hieronymus de Urbino, dominus magister Antonius de Soncino et dominus magister Marcusantonijs de Ianua.

№ 3

Padova, Archivio Storico dell'Università, 321, f. 6v

Privatum examen in medicinis domini magistri Francisci Rutheni.

MDXII, die martis nono novembris, Padue, in episcopali palatio, in loco solito examinum.

Convocatis et ut moris est solemniter congregatis celeberrimis doctoribus sacri Collegii dominorum artistarum et medicorum tam in artibus et medicina quam in artibus tantum, de mandato egregii artium et medicine doctoris domini Thadei Mussati viceprioris et consiliariorum, coram reverendo in Christo patre et domino domino Paulo Zabarella, Dei et apostolice sedis gratia episcopo Argolisense, reverendissimi in Christo patris et domini domini Sixti miseracione divina tituli Sancti Petri ad Vincula presbiteri cardinalis sancte Romane Ecclesie vicecancellarii et Ecclesie Paduane perpetui administratoris dignissimi comitisque Succensis ac huius Studii celeberrimi Paduani cancellarii apostolici suffraganeo locumtenente ac vicario in spiritualibus generali, sub viceprepositura preclari artium et medicine doctoris domini Thadei Mussati, et in assistentia egregii artium et medicine doctoris domini Francisci Fulmanelli de Verona vice-rectoris dominorum artistarum Padue, necnon coram omnibus doctoribus dicti Collegii ibi astantibus, eximius artium doctor dominus Franciscus condandomini Luce Scorina de Poloczko Ruthenus fuit examinatus private et rigore super punctis hoc mane assignatis. Qui ita laudabiliter et elegantissime se habuit in hoc suo rigoroso examine, in recitando dicta eius puncta et argumentis contra se tactis optime respondendo, quod ab omnibus doctoribus ibi existentibus nemine penitus dissentiente fuit approbatus ac sufficientiens (sic) in medicinis iudicatus et per suprascriptum reverendissimum dominum vicarium doctor in medicinis pronuntiatus in forma solita.

Quo facto excellens artium et medicine doctor dominus magister Bartholomeus Barisonus promotor pro se et collegis ultranotatis ei tribuit insignia in facultate medicinae.

Nomina autem doctorum qui interfuerunt sunt videlicet: dominus magister Thadeus Mussatus viceprior, dominus magister Bartholmeus a Volta, dominus presbiter Iacobus de Curte, dominus magister Hieronymus de Cathaneis, dominus magister Nicolaus de Ianua, dominus magister Baptista a Galta, dominus magister Franciscus de Noali, dominus magister Franciscus de Este, dominus magister Hieronymus a Mullo, dominus magister Nicolaus de Noali, dominus magister Aurelius Boneto, dominus magister Hieronymus Rubeus, reverendus dominus Bartholomeus de Sancto Vito, dominus magister Hieronymus Maripetro, dominus magister Bartholomeus Barisonus, dominus magister Hieronymus de Urbino, dominus magister Franciscus Porcelinus, dominus magister Carolus de Ianua, dominus magister Antonius de Soncino, dominus magister Paulus a Sole, dominus magister Petrus de Noali, dominus magister Andreas de Aliotis, dominus magister Marcusantonijs de Ianua, dominus magister Cristophorus a Lignamine.

№ 4

Padova. Archivio della Curia vescovile. *Diversorum*, 49, f. 122r
MDXII, indictione XV, die martis VIII mensis novembris.

Privatum examen in medicinis eximii viri domini magistri Francisci quondam domini Lucae Scorina de Poloczko Rutheni secretarii regis Daciae, coram ultrascripto reverendissimo domino SUFFRAGANEO et vicario, per venerandum Collegium dominorum artistarum Paduae, in asistentia spectabilis artium et medicine doctoris domini magistri Francisci Fumanelli, almae universitatis artistarum vicereactoris, examinati: qui fuit unanimiter, concorditer ac concorditer (sic) et eorum nemine penitus dissentiente in medicinis approbatus, sub promotoribus suis ARTIUM et medicine DOCTORIBUS dominis magistris Bartholomaeo Barisono, qui dedit insignia, Francisco de Novali, Francisco Estensi, Hieronymo a Mulo et Hieronymo de Urbino.

Testes: spectabiles artium doctores domini magistri Alovisius Zuchatus Tarvisinus et Daniel de Foroiulio Patavus; egregii artium scholares domini Michael Zambonus quondam domini Iacobi civis Venetus et Gaspar de Gabrielis filius domini Petri civis Paduae; dominus Valerius de Largis clericus Paduanus.

ПЕРАКЛАД ДАКУМЕНТАЎ

№ 1

1512 ліст. 5. — Падуя

Удзяленне ласкі трымаць іспыты на ступень доктара медыцыны Францішку русіну, сыну нябожчыка пана Лукі з Полацка

Ар.: Пан. 21,2 × 30,4. Падуя, Archivio Antico dell'Università di Padova, vol. 321, f. 5v.

ЕЗУС МАРЫЯ

Удзяленне ласкі трымаць іспыт у медыцыне, з любові да Бога, магістру Францішку, русіну, сыну нябожчыка пана Лукі

У імя Хрыста, амэн. У год ад Яго Нараджэння тысяча пяцьсот дванаццаты, індыкта XV, у пятніцу пятага лістапада ў Падуі, у касцёле святога Урбана а 17-й гадзіне, на скліканай і ў звычайным парадку сабранай святой Калегіі найслаўнейшых падуанскіх дактароў мастацтваў і медыцыны на даручэнне дастойнага доктара мастацтваў і медыцыны пана Тадэя Мусаці, віцэ-прыёра памянёнай Калегіі, са згоды паноў дарадцаў гэтай Калегіі, калі такім чынам Калегія была склікана, памянёны пан прыёр прамовіў: «Высокадастойныя паны дактары, прычына склікання Вашых дастойнасцей такая: ёсць нейкі вельмі вучоны малады чалавек, доктар мастацтваў, бедны, які прыбыў з надзвычай далёкіх краёў, магчыма, за чатыры тысячы міляў і больш ад гэтага слаўнага горада, дзеля таго, каб узвялічыць славу і гонар Падуі, а таксама гэтай квітнёчай гімназіі і нашай святой Калегіі. Ён просіць гэтую святыю Калегію дазволіць яму ў якасці дару, асаблівай ласкі і з любові да Бога, трымаць іспыт у медыцыне. Калі, Вашы дастойнасці, дазволіце, я загадаю яго ўвесці. Гэты малады чалавек і згаданы доктар завецца пан Францішак, сын нябожчыка пана Лукі Скарыны з Полацка, русін».

Пасля гэтага быў уведзены згаданы магістр Францішак. Пакорліва і ветліва ён папрасіў удзяліць яму ласку з любові да Бога [трымаць іспыт] у медыцыне, як было вышэй сказана памянёным панам віцэ-прыёрам, і абяцаў абвясціць паўсюль славу, гонар і карысць гэтай Калегіі і кожнага з дактароў паасобку.

Пасля гэтых слоў ён выйшаў з памянёнай Калегіі і згаданы пан віцэ-прыёр сказаў: «Паны дактары, вы выслухалі гэтага беднага і вучонага юнака. Калі хто-небудзь хацеў бы штосьці сказаць, няхай устане і скажа сваё меркаванне». І нарэшце, пасля шматлікіх прамоваў і выказванняў згаданых паноў дактароў, памянёны пан віцэ-прыёр абвясціў галасаванне такімі словамі, а менавіта: «Хто згодны, каб гэтаму пану Францішку ўдзяліць ласку трымаць іспыт у медыцыне з любові да Бога паводле дазволу статутаў у астатнім, няхай кіне свой голас у ўрну пацвярдзальную, чырвоную; хто не згодны, няхай кіне ў адмоўную, зялёную». І праведзенае такім чынам галасаванне не дало ніводнага голасу супраць.

№ 2

1512 ліст. 6. — Падуя

Пробны іспыт з медыцыны магістра Францішка, русіна, сына нябожчыка пана Лукі Скарыны з Полацка

Ар.: *Пан. 21,2 × 30,4. Падуя, Archivio Antico dell'Universitadi Padova, vol. 321, f. 6.*

Езус Марыя

Пробны [іспыт] з медыцыны пана магістра Францішка, русіна

У 1512 [годзе], у суботу, шостага лістапада, у Падуі ў касцёле святога Урбана а 17-й гадзіне на даручэнне выдатнага доктара мастацтваў і медыцыны пана магістра Тадэя Мусаці, віцэ-прыёра, былі скліканы і сабраны ў звычайным месцы найдастойнейшыя дактары святой Калегіі падуанскіх пануў дактароў мастацтваў і медыцыны. Іспыт у медыцыне на вызначаньня яму гэтай раніцай пытанні трымаў знакаміты доктар мастацтваў пан магістр Францішак, сын нябожчыка пана Лукі Скарыны з Полацка, русін. І наколькі цыгуючы на памяці гэтыя пытанні і разважаючы ды выдатна абвяргаючы довады супраць, ён праявіў сябе найлепшым чынам, таму ўсімі прысутнымі там дактарамі памянёнай Калегіі, пры ніводным голасе супраць, ён быў прызнаны годным быць дапушчаным да прыватнага іспыту ў медыцыне і такім чынам быў заслужана дапушчаны да іспыту. Прамотары: пан магістр Францішак дэ Ноалі, пан магістр Францішак дэ Эстэ, пан магістр Геранім а Мула, пан магістр Барталамей Барызон і пан магістр Геранім дэ Урбіна.

Гэты пан Францішак склаў таксама прысягу ды інш. паводле [устаноўленай] формы.

Імёны прысутных дактароў: пан магістр Тадэй Мусаці, віцэ-прыёр, пан магістр Барталамей а Вольта, пан магістр Францішак дэ Ноалі, пан магістр Францішак дэ Эстэ, пан магістр Геранім а Мула, пан магістр Мікалай дэ Ноалі, пан магістр Аўрэлій Банета, пан магістр Геранім Рубэус, вялебны пан Барталамей дэ Санкто Віто, пан магістр Геранім Марыпэтра, пан магістр Барталамей Барызон, пан магістр Геранім дэ Урбіна, пан магістр Антоній дэ Санчына і пан магістр Марк Антоній дэ Януа.

№ 3

1512 ліст. 9. — Падуя

Прыватны іспыт з медыцыны пана магістра Францішка, русіна — прамакол Калегіі артыстаў і лекараў

Ар.: *Пан. 21,2 × 30,4. Падуя, Archivio Antico dell'Universitadi Padova, vol. 321, f. 6v.*

Езус Марыя

Прыватны іспыт з медыцыны пана магістра Францішка, русіна.

1512 [год], у аўторак, дзевятага лістапада, у Падуі, у біскупскім палацы, у звычайным месцы іспытаў

Былі скліканы і як звычайна ўрачыста сабраны самыя славуцьі дактары святой Калегіі мастацтваў і медыцыны, як дактары мастацтваў і медыцыны, гэтак і дактары толькі мастацтваў на даручэнне пана Тадэя Мусаці, выдатнага доктара мастацтваў і медыцыны, віцэ-прыёра і дарадцаў. Перад вялебным у Хрысце айцом і панам, панам Паўлам Забарэла, з Божай і апостальскага пасаду ласкі біскупам Аргоскім, суфраганам, намеснікам і вікарыем, у духоўных справах правялебнага ў Хрысце айца і пана, пана Сікста з Божай міласэрнасці тытулу Святога Пятра ў Кайданах кардынала-прэсбітэра святога Рымскага Касцёла, віцэ-канцлера і нязменнага высокадастойнага адміністрагара Падуанскага касцёла ды графа Сакі, а таксама апостальскага канцлера гэтага найслаўнейшай падуанскай Вучэльні. Пад віцэ-старшынствам найслаўнейшага доктара мастацтваў і медыцыны пана Тадэя Мусаці і пры ўдзеце выдатнага доктара мастацтваў і медыцыны пана Францішка Фульманэлі з Вероны, віцэ-рэктара паноў студэнтаў мастацтваў Падуі, а таксама перад усімі прысутнымі там дактарамі памянёнай Калегіі, знакаміты доктар мастацтваў пан Францішак, сын нябожчыка пана Лукі Скарыны з Полацка, русін, быў праэкзаменаваны прыватна і строга па пытаннях, вызначаных яму гэтай раніцай. Ён праявіў сябе нагэтулькі пахвальна і вельмі годна падчас гэтага свайго строгага экзамену, цытуючы зададзеныя яму пытанні і выдатна абвяргаючы довады супраць, што атрымаў адзінадушнае ўхваленне ўсіх без вынятку прысутных вучоных, і было прызнана, што ён мае дастатковыя веды ў медыцыне.

Вышэйзгаданы правялебны пан вікарыі абвясціў яго ва ўстаноўленым парадку доктарам медыцыны. Пасля гэтага выдатны доктар мастацтваў і медыцыны пан магістр Барталамей Барызон, прамотар, ад свайго імя і ніжэй запісаных калегаў, уручыў яму знакі медыцынскай годнасці.

Імёны прысутных дактароў: пан магістр Тадэй Мусаці, віцэ-прыёр, пан магістр Барталамей а Вольта, пан прэсбітэр Якуб дэ Куртэ, пан магістр Геранім дэ Катанеіс, пан магістр Мікалай дэ Януа, пан магістр Байціста а Гальта, пан магістр Францішак дэ Ноалі, пан магістр Францішак дэ Эстэ, пан магістр Геранім а Мула, пан магістр Мікалай дэ Ноалі, пан магістр Аўрэлій Банета, пан магістр Геранім Рубеус, вялебны пан Барталамей дэ Санкто Віто, пан магістр Геранім Марыпэтра, пан магістр Барталамей Барызон, пан магістр Геранім дэ Урбіна, пан магістр Францішак Парцэлін, пан магістр Караль дэ Януа, пан магістр Антоній дэ Санчына, пан магістр Павел а Соле, пан магістр Пётр дэ Ноалі, пан магістр Андрэй дэ Аліёціс, пан магістр Марк Антоній дэ Януа і пан магістр Хрыстафор а Ліньямінэ.

1512 ліст. 9. — Падуя

Прыватны іспыт у медыцыне выдатнага мужа пана магістра Францішка, сына нябожчыка пана Лукі Скарыны з Полацка, русіна, сакратара караля Дацыі — пратакол Падуанскай біскупскай курыі

Ар.: *Пан.. Падуя, Archivio della Curia Vescovile di Padova, Diversorum, vol. 49, f. 122.*

Езус Хрыстус

1512 [год], індыкта XV. У аўторак, 9 лістапада. Асабісты іспыт з медыцыны знакамітага мужа пана магістра Францішка, сына нябожчыка пана Лукі Скарыны з Полацка, русіна, сакратара караля Дацыі. Ён быў пражэаменаваны шаноўнай Калегіяй мастацтваў Падуі ў прысутнасці ніжэйзапісанага правялебнага пана суфрагана і вікарыя пры ўдзеле дастойнага мастацтваў і медыцыны доктара пана магістра Францішка Фуманэлі, віцэ-рэктара слаўнага ўніверсітэта мастацтваў і пры адзінадушнай згодзе, без ніводнага голасу супраць, быў зацверджаны ў годнасці доктара медыцыны пад апекаю сваіх прамотараў дактароў мастацтваў і медыцыны паноў магістраў Барталамея Барьзона, які ўручыў знакі [доктара медыцыны], Францішка дэ Новалі, Францішка Эстэнзі, Гераніма а Мула і Гераніма дэ Урбіна. Дастойныя сведкі: дактары мастацтваў, паны магістры Алавізіў Зухат з Тарвізіа і Даніэль дэ Форо Юліо Падуанец; выдатныя студэнты мастацтваў паны Міхал Замбон, сын нябожчыка пана Якаба, грамадзянін венецкі, і Гаспар дэ Габрыэльіс, сын пана Пятра, грамадзянін Падуі, пан Валерыў дэ Ляргіс, клерык падуанскі.

Артыкул наступіў у рэдакцыю 26.10.2018

В. С. Пазднякоў,*загадчык аддзела археаграфіі**Беларускага навукова-даследчага інстытута
дакументазнаўства і архіўнай справы,**кандыдат гістарычных навук;*

e-mail: vpmiensk@gmail.com

**ПАЎСТААННЕ, РОСКВІТ І КАНЕЦ
ХРАНОЎСКАЙ ПРОШЧЫ (1831—1835 гг.):
ДА ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСКАЙ НАРОДНАЙ ВЕРЫ**

Адным з сімвалаў старой Беларусі была прошча — адметнае сакральнае месца, якое просты народ лічыў за святое, дзе можна было ад нябесных сіл атрымаць «трашчэнне» за грахі. Некаторыя з такіх месцаў шанаваліся і афіцыйнай царквой, былі ўключаны ў кола царкоўнага набажэнства. Іншыя лічыліся святымі толькі народам і пра афіцыйнае прызнанне іх ніякіх звестак няма. У любым выпадку, канкрэтных звестак пра прошчы мала: іх нізкі статус у параўнанні з царквой, касцёлам, манастыром не спрыяў замацаванню ў пісьмовых дакументах інфармацыі пра такога роду аб'екты.

Тым цікавей судовая справа, якая зберагаецца ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі, у фондзе Слуцкага павятовага суда (ф. 171). У цэнтры ўвагі справы — прошча, якая ўзнікла ў 1831 г. каля вёскі Храноў (з 1964 г. называецца Ветка, цяпер у Маяжкім сельсаветае Слуцкага раёна). З'яўленне прошчы выклікала крайне негатыўную рэакцыю як царкоўных, так і свецкіх улад тагачаснай Слуцчыны. Веру ў гэту прошчу адразу назвалі «ерассю». Распачалося следства, у ходзе якога ў падрабязнасцях быў зафіксаваны сам працэс з'яўлення гэтага «святога» месца. Аб'ектам шанавання там былі абразок на пергаміне, вялікі драўляны крыж і камень ля яго падножжа. Такая вось «святая» тройца, якую можна было сустрэць ва ўсіх кутках Беларусі. У справе фігуруюць і іншыя незвычайныя з'явы: вешчыя сны, святочныя навалунні, цудоўныя ацаленні. І гэта ўсё пры тым, што ў Хранове была свая царква. Як бачна, народная вера была мацнейшай.

Азнаямленне з архіўнай справай паказвае многія гістарычныя і псіхалагічныя моманты, якія спрыялі з'яўленню веры ў прошчу. Тут і прыгнёт пана, і пошасць халеры, і грашовы інтарэс мясцовага яўрэя-карчмара... Са старонак дакументаў гучыць тагачасная беларуская мова, якую канцылярысты не заўсёды здолелі замяніць на расійшчыну. Шмат матэрыялу ў судовай справе і па сацыяльнай гісторыі Беларусі.

Канва падзей была наступнай.

Недзе ў чэрвені 1831 г. пкач з вёскі Храноў Васіль Катовіч перабіраўся з Хранова ў Грэск, ратуючыся ад халеры. Перабіраўся ўначы, бо «имел угнетение» ад мясцовага пана. Побач з вёскай быў беразняк пад назвай Ступіца, і тут Катовіч згубіў абразок на пергаміне з выявай святога Бенядзікта. Абразок не загнуў, а быў знойдзены сялянскім хлопцам Іосіфам Корзунам, прынесены ім у хату і павешаны ў сенцах. Некаторыя людзі ў вёсцы прынялі гэта за знак з нябёсаў. Калі праз

тыдзень у шаўца Людвіка Ляхоўскага былі хрэсьбіны, то зайшла там размова і пра цудоўны, нібыта, абразок. Сабралася кампанія, якая пайшла на месца знаходкі, пры гэтым сляпы Рыгор Шушкевіч (ці Шышкевіч) хацеў легчы спаць на гэтым месцы, мяркуючы: калі гэта месца цудоўнае (прошча), то ён атрымае ў сне нейкі знак пра ашаленне. Але суразмоўнікі чамусьці не далі яму ажыццявіць свой намер.

Слава абразка расла. Праз некалькі дзён яго забралі на панскі двор. У хуткім часе ў Храноў з'явіўся чалавек з Грэска, які, як аказалася, прынёс першае ахвяраванне для абразка — 21 грош. Грошы прызначаліся на крыж, які трэба было паставіць на месцы знаходкі. Пакуль што абразок павесілі на бярозцы і абгарнулі халстом. Так прошча атрымала матэрыяльнае ўвасабленне.

Хутка сяляне паставілі крыж. На Хрышчэнне ў вёсцы з'явіўся нейкі манах-бернардын (яго імя следчыя так і не высветлілі), які асвяціў крыж. Ахвяраванні раслі, так што з 23 красавіка 1832 г. пісьменны шляхціц Мікалай Прыходскі па просьбе сялян пачаў весці рээстр прыносаў. Пасля рээстр быў канфіскаваны ўладамі падчас следства і захаваўся да нашага часу. Сярод ахвяраванняў тут значацца грошы, палатно кужэльнае і палатно грубае, наміткі новыя і наміткі старыя, завескі, рушнікі, лён у фунтах, воск у фунтах, свечкі. На адвароце дакумента — рээстр, каму і за колькі былі прададзены некаторыя ахвяраванні, бо збіраліся грошы на рамонт царквы ў Хранове.

Прыток багамольцаў на прошчу быў такі вялікі, што мясцовыя праваслаўныя святары пачалі жаліцца на адсутнасць вернікаў у цэрквах. Каб выправіць становішча, на прошчу выехалі протаіерэй Гаўрыіл Кустоў і прыходскі святар Данііл Пігулеўскі, якія забралі абразок. Праўда, пры гэтым ім прыйшлося пасвяціць крыж і іншыя абразы на ім.

Прощча засталася без галоўнай святыні, але хутка знайшлася ёй замена. Мясцовая дзеўка Алёна прысніла прошчу, пры гэтым нейкі голас загадаў выкапаць з-пад крыжа камень, на якім выбіты таксама крыж, і ўстанавіць яго пры драўляным крыжы. Знайшліся ахвотныя для гэтай справы, і — сапраўды цуд! — быў знойдзены камень з выбітым крыжам і пастаўлены ў прошчы (некаторыя сведкі, праўда, казалі, што крыж на камені выбілі пазней). Па меркаванні народа, сіла чудатварэння перайшла з абразка на драўляны крыж, які пачалі шанаваць як рэліквію.

Праведзенае ў кастрычніку 1834 г. следства паклала канец Храноўскай прошчы. Улады прынялі меры: абразок быў канфіскаваны, крыж спалены, камень забраны (ці закапаны?). Канфіскаваны абразок некуды знік — у следчай справе яго няма.

Галоўныя фігуранты судовай справы атрымалі адносна лёгкае пакаранне (аддадзены на пакаянне), бо фармальна не выйшлі з улоння праваслаўнай («благочестивой») царквы: Самуіл Корзан, Сцяпан Дземец, Рыгор Брановец і Мікалай Праходскі павінны былі адбываць пакаянне па месцы жыхарства на працягу аднаго месяца.

На гэтым, быццам, і скончылася нядоўгая гісторыя прошчы каля вёскі Храноў. Магчыма, сяляне яшчэ некаторы час наведвалі тое месца, каб прынесці малітвы нябесным сілам, але гісторыя гэтых звестак не захавала. А ўсё магло быць інакш. Лёгка заўважыць, што асноўныя моманты Храноўскай прошчы супадаюць з галоўнымі элементамі іншай культавай мясціны Беларусі — Жыровіцкага санктуарыума: дзедзі, якія знайшлі абразок, іконкі на дрэве, святы камень ... Толькі Жыровічы сталі нацыянальнай святыняй Беларусі, а Храноў знік у небьшчэ. Жыровіцкая святыня з’явілася ў свой час і ў сваім месцы, а храноўская апынулася пад пільным кантролем мікалаеўскай адміністрацыі, якая такія «цуды» лічыла недапушчальнымі; вынік відавочны.

Можна ўказаць іншыя беларускія прошчы, якія сталі аб’ектам увагі ўлады, напрыклад, прошча з каменем-следавіком каля в. Роўбіцк Сухопальскай воласці. Начальства там камень таксама закапала, пабудову знесла, а вінаватых аддало пад суд [1, с. 389].

З іншага боку, дзясяткі іншых прошчаў працягвалі існаваць ва ўсіх кутках Беларусі, а некаторыя нават апекаваліся святарамі. Народная стыхія брала сваё.

Дакументы друкуюцца ў адпаведнасці з Метадычнымі рэкамендацыямі 2016 г. [2].

*
*
*

№ 1. — 1832 г. чэрвеня 7. — Рапарт грозаўскага ключвойта Цвіркі ў Слуцкі земскі суд пра з’яўленне прошчы каля в. Храноў Слуцкага павета.

Do sluckiego ziemskiego sądu.

Kluczwoyta hrozowskiego.

Rapportt.

Podług doniesienia raportem sotnika szulakowskiego Jana Leszükowicza, że zia-wiła się proszcza niedaleko wsi Chrzanowa, przybywszy tedy na miejsce pokazane, gdzie krzyż stoi drewniany, znalazłem pod takowym krzyżem kamien wykopany z zie-mi niewielki i drugi kamień na kształt cegły wielkosc, na którym podobieństwo wry-tego krzyża. Na iakowe miejsce zbiera się naroda wiele i daią na ofiarę pieniądze, воск, лен, płutno, słowem, kto co może. Zawiaduię takowym nadaniem szlachcić ze wsi Chrzanowa nazwiskiem Korzun, który nie ma na to żadnego od zwierzchności pozwolenia, a nawet i nie przysięgał na taki obowiazek. Także dowiedziałem się od ludzi tam mieszkaiących, że przedtem był naleziony na tymże miejscu iakiś obrazik czyli portrecik, iakowy xięży ruskie wedwuch ze Slucka przyiachawszy zdięli z krzyża i z sobą zabrali. Aże takowy cud czyli proszcza ni przez duchowieństwo, ni przez ża-den sąd nie iest approbowany, przeto żeby nie uledać za to odpowiedzialności, niniey-szym raportem sądowi donoszę.

Kluczwoytt Cwirka

№ 85

Junij 7 dnia 1832 r.

НГАБ. Ф. 171. Вон. 1. Спр. 1156. Арк. 3—3адв.

№ 2. — 1832 г. чэрвеня 8. — Данясенне Слуцкага духоўнага праўлення ў Слуцкі земскі суд пра з'яўленне каля в. Храноў абраза, які шануюць як чудатворны.

Слуцкое духовное правление. № 226. 8 июня 1832 года.

В Слуцкий земский суд.

В сем правлении по выслушании, во-первых, репорта слуцкого благочинного священника Василия Дашкевича, в коем по дошедшим до его сведениям прописывает, что в приходе Слуцкой Варваринской церкви, близ селения Хранова, в заводимом лесу, в имении помещика г. Чарноцкого, не известно каким-то случаем прошлого 1831 года отыскан образ на паргамине и на оном месте помянутым помещиком поставлен уже крест, каковый образ почитается, по разглашению некоторых того селения крестьян и самого помещика г. Чарноцкого с домашними, за чудотворный и что по таковым разглашениям и удостоверениям не только живущие в окрестностях того селения, но и отдаленные православного исповедания христиане по новомесячиям в чрезвычайно большом количестве, оставляя свои приходские церкви, стекаются на поклонение с разными приносами и денежными пожертвованиями, каковые и забираются тамошними будто бы крестьянами, и что сии уже приносы, примерно оценивая, могут составить сумму более чем на 100 руб. серебром. А чтобы сие на православных христиан не имело сильного впечатления и дабы не было поводом к утворению* ереси, он, благочинный, просит принять против того должные меры. Во-вторых, объявление протоиерея Кустова, что он до подачи о сем благочинным репорта съезжал с заведывающим ныне Варваринским приходом островским священником Даниилом Пигулевским на место, где поставлен крест с помянутым образом, и взял сей последний, который у него и хранится. И в-третьих, словесного донесения греского священника Иоанна Борычевского, что после взятия сказанным протоиереем того образа крестьяне деревни Хранова с ведением их помещика на том же месте положили с какими то знаками камень, якобы выкопанный под крестом как чудотворный, от чего еще более начал стекаться туда народ. К чему добавил он, Боричевский, что взятый протоиереем Кустовым образ потерян в прошлом 1831 году проживавшим прежде в Храпове ткачем Котовичем при перемещении его в местечко Греск.

Определено: Сообщить в земский суд и просить, дабы благоволил о прописанных обстоятельствах немедленно произвести следствие при духовном депутате, каковым на сей раз назначается слуцкий благочинный священник Василий Дашкевич, и употребить зависящие меры к искоренению усиливающегося суеверия. А между тем ныне же донести о сем и Минской духовной консистории.

Священник Даниил Крониковский

НГАБ. Ф. 171. Вон. 1. Спр. 1156. Арк. 5—6.

---

* Слова напісана неразборліва.

№ 3. — 1832 г. чэрвеня 17. — Указ Слуцкага земскага суда свайму засядацелю Грыцкевічу правесці следства пра з'яўленне ў маёнтку Храмоў Слуцкага павета абраза.

Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Слуцкого земского суда господину заседателю Грицкевичу противу прилагаемого при сем в подлиннике рапорта ключвойта грозовского от 7 июня за № 85 и отношения Слуцкого духовного правления от 8 июня за № 226.

Предписывается вашему благородию, назначив срок, уведомить об оном назначенного за депутата с духовной стороны священника Дашкевича и по выезде на место в имение Храново произвести законным порядком исследование об открытии чудотворного якобы образа близ деревни Храново и по окончании такового дело полностью представить в суд, а между тем, забрав все приносимые туда народом жертвы, обще с виновными в собирании таковых без дозволения духовного и гражданского правительства доставить в суд.

Июня 17 дня 1832 года.

Исправник*

Секретарь Бродовский

НГАБ. Ф. 171. Вон. 1. Спр. 1156. Арк. 1.

№ 4. — 1832 г. кастрычніка 24. — Пратакол допыту засядацелем Слуцкага земскага суда Грыцкевічам жыхароў в. Храмоў пра з'яўленне каля вёскі абраза.

1832 года октября 24 дня. Слуцкого земского суда заседатель Грицкевич обще с духовным депутатом священником и благочинным Василием Дашкевичем по делу о найденном якобы чудотворном образе близ деревни Хранова нижеписанных допрашивал в следующем.

Зовут его Самушь Василя сын Корзун, от роду ему лет 50, веры благочестивой, в исповеди и святых таен причастия ежегодно бывает, шляхтич, на то доказательства не предъявил, жительствует на арендованной земли в деревни Хранове от помещика закладного Чарноцкого, женат на шляхтянке Ганне Душевной, имеет двух сыновей, первого Григория лет 19, второго Иосифа лет 12. Показал, что во время свирепствования прошлого 1831 года эпидемической болезни в деревни Хранове в летное время, не помнит которого месяца и числа, когда он по соглашению хозяев целой деревни с прочими хозяевами делал крижи два для поставления оных по обе стороны концов деревни от холеры, то того ж числа сын его Иосиф с прочими детьми гулял при оных, то он, показателем, послал его, Иосифа, за лошадьми, которые ходили на пашу, дабы не делали шкоды, то, идя чрез березничок, он, Иосиф, будучи близ деревни Хранова, называемой Ступица, дорошкою, нашол он на той дорожке образок на пергамене, и фигура на оном в части выщертая, которой приниосл и повесил в сенях дома своего, которой висел неделю, после того, когда того ж самого числа были крестины у сапожника, живу-

---

* Подпис неразборливы.

цего в деревни Хранове, Людвиг Ляховского, на которых он, показатель, и с женою был, шляхтич Николай Проходзки и крестьянин, слепой на обе очи, Июрко* Шушкевич начали между прочими разговорами разговор о найденном образке, которой велели сыну его Иосифу принести таковой ис дому образок и вместе со всеми пошли нас** найденное место в березничок и, пришедши, начали рассуждать о потере кем-то образика, а между сим Июрко Шушкевич, которой слепы на обе глаза, положился на найденном месте образика на землю и повесили на берозце тот образик, говоря, что ежели проща съявилась, то должна сделает, дабы он видел, тогда уверит, что действительно чудотворный образик, и потом, по таких разговорах встал тот Июрко, и пашли все вместо апать на крестины к Лязовскаму, а сын его Иосиф с таковым образком пашол в дом. После того, в неделю пришло шафар ис двора Хранова Данило Сакович к нему и таковой образик забрал с собою, у куюго*** тоже был более неделю, пока крестьянин с местечка Греска по названии Бортик**** пришло в деревню Хранов, спрашиваючи о найденном образке, то десятский Григория Брановец побегл во двор Хранов и приниосл назад таковой образик, отдал оный сыну его, Иосифу, и вместе с сыном его, десятским и пришедшим человеком Бортником и он, показатель, пошли на найденное место того образка, то он, Бортник, рассказывал всем им, что жена его соснила о сей прощии и велела дать двадцать гроши и один, которые деньги отдал десятскому Григорию Брановцу, и таковые деньги поныне у его находятся, и сказал им всем, дабы на сем поставили криж и тогда образик повесили на том месте на берозце, а жена десятского полотном куском обвесила наоколо его. Ис с того время начал собиратся к богомолению и чинить в малом количестве пожертвование, каковое он, показатель, побирал, дабы, так как в леску стоит таковой криж, не могл ништо обворовать. А в осеннее время прошлого ж года поставили криж на том месте, на каковой дал дерева собственного кузнец Апанас Брановец, и образок повесили тот на том же криже, и стоял непосвященный до Богоявления Господнего прошлой 1832 года зимы, в которой день без никакой прозбы приехал ксиондз бернардын, будучи во дворе Хранове, коего имя и прозвания не знает, и оный осветил. И таким родом собирался более еще народ под тот криж до самого 23 апреля сего 1832 года, как то до святого мученика Георгия, в которой день посвятил священник приходзкой Пигулевский, с которого числа крестьяне деревни Хранова кузнец Апанас Брановец и Сцепан Демеш начали уже входить вместе с им, показателем, чинимосемы разными богомольцами пожертвование и упросили шляхтича, живущего в деревни Хранове Николая Приходзкого, дабы, так как он знает грамоту, удерживал регистр прихода в намерении той, что как собиреться большое количество денег, по крайне мери до ста рублей серебром, обракались таковыми деньгами построить церковку, которая стоить весма ветхая в деревни

---

* Так у гэксце.

** Так у гэксце.

*** Так у гэксце.

**** Так у гэксце, далей — Бортник.

Хранове, и с какового поштушенного жертвованье не имеесть более в наличности, только сорок рублей серебром до двесту локти в кусках полотна, воску десять фунтов и лну пуд один и фунтов четири, и таковые деньги как и вещи в присутствии ныне представил для представление куда следует, ибо у его, показателя, деньги и вещи таковые хранились. После Георгия святого мученика, в неделю или более, приехали священники протоиерей Кустов с приходским священником Пигулевским в деревню Хранов под тот криж, сняли тот образик и взяли оный с собою. А в неделю по снятии сего образка снилось дочери крестьянина Сцепана Демеша Алионе, дабы выкопать ис земли камень под сим крижем, на котором выбито есть крест, и оный положить при сем криже, то он, Сцепан, пришел к нему, показателю, и разказал сей сон, а после к кузнецу Апанасу Брановцу, с которыми он, показатель, пошел под тот криж, и с них Апанас заишел в корчму, а оне двух пашли, стали под том крижом копать, которой камень выкопали, обмывши оный, поставили при сем криже, тогда Апанас Брановец пришел к ним. О таком найденном образке равно и собирании людей под тот криж не доносил ни начальству духовному, ниже суду, ибо о сем парадке и закона не знал, и никто о сем ему не говорил. Что всию показал по справедливости, в том за неумением грамоты нижеписанного за себя упросил к сему допросу подписаться. Добавил еще, что образик, снятый священниками протоиером Кустовом с приходским священником Пигулевским с крижа, ныне в присутствии, привезенный духовным депутатом Дашкевичем, предъявлен ему, показателю, которой есть тот сам, что сын его Иосиф нашол и повесен был на криже. В том за неумением грамоты утвердился.

2. Апанас Семки сын Брановец, от роду ему лет 60, веры благочестивой, в исповеди и святых таен причастия ежегодно бывает, крестьянин деревни Хранова, где и записан по ревизии состоять записанным, занимается майстерством кузнеца. Показал во всем сходно с показанием первым с Самуилом Корзуном, с одменяю токмо тою, что он по старости лети слабого сдаровия не могл завезывать ниже вхадить в собираемые даваемых чрез приходящих людей пожертвование, а поручил сыну своему Андрею, которой сим занимался. Что всию показал по справедливости, в том за неумением грамоты нижеписанного упросил за себя подписаться.

3. Андрей Апанаса сын Брановец, от роду ему лет 25, веры благочестивой, в исповеди и святых таен причастия ежегодно бывает, крестьянин деревни Хранова, где и по ревизии состоять записанным. Сын Апанаса. Показал сходно с показанием первым Самуилом Корзуном и ацом его Апанасом. В том за неумением грамоты нижеписанного упросил за себя к сему допросу подписаться.

4. Сцепан Кирилы сын Демеш, от роду ему лет 60, веры благочестивой, в исповеди и святых таен ежегодно бывает, крестьянин деревни Хранова, где и по ревизии состоять записанным. Показал во всем сходно с показанием первым, Самуилом Корзуном, и крестьянином Апанасом Брановцом, с переменною токмо тою, что он после выкопанного с Самуилом Корзуном камня и положенного при криже он, показатель, в три недели или более как заболел на лихо-

ратку, то более как недель адинанцать балел, то в то время он, показатель, не могл в таковыя приходы иметь никакого присмотра и об оных не знал. Что всио показал по справедливости, в том за неумением грамоты нижеписанного упротсил за себя подписатся.

Za Samuiela Korzuna, za Apanasa Branowca, y za Andrzeia Branowca po prosbie ych podpisuię Paweł Michniewicz, za Stefana Diemiesza po ustney prozbie podpisuię się Paweł Michniewicz

Слуцкого земского суда допрашивал заседатель Грицкевич, допрашивал заседатель Грицкевич

Духовный депутат Слуцкого собора священник и благочинный Василий Дашкевич, при сем был священник Василий Дашкевич

НГАБ. Ф. 171. Вон. 1. Спр. 1156. Арк. 7—9адв.

№ 5. — 1832 г. кастрычніка 24. — Пратакол допыту засядацелем Слуцкага земскага суда Грышкевічам жыхара в. Храпоў Людвіга Ляхоўскага пра з’яўленне каля вёскі абразца.

Того ж числа и месяца в присутствии Слуцкого земского суда заседателя Грицкевича обще с духовным депутатом священником Дашкевичем нижеписанного без присяги допрашивал в следующем.

Зовуть его Людвиг Станислава сын Ляховски, от роду ему лет 32, веры рымско-католичесткой, в исповеди и святых таен причастия ежегодно бываеь, мешанин города Слуцка, где и по ревизии состоить записанным и ежегодно уплочиваеь казенные подати, а жительствуеь в наемном доме за дозволением помещика Чарноцкого в деревни Храпове и занимается майстерством сапожника. Показал, что прошлого 1831 года, во время будучих у него крестин, на коих находились шляхта суседствующие его Самуель Корзун, Николай Приходзки и крестьянин Июрка Шушкевич, и между протчими разговорами начали говорить о найденном сыном Самуеля Корзуна Иосифом образске, коему велели принести. И когда приносил, то с тем образском и со всеми выше сказанными вместе за едно пашли в березничок на найденное место того образика, где разсуждали, кто бы оногo потерал, а Корзун удерживал, что должно быть проще, ибо сыну его малолетнему случилось найти. То Июрко Шушкевич на то одвечал, что ежели про*, то положусь на земли под сим образком, которого повесили на берозске, над им, говоря, что засну и ежели что во сне предвидиться и, уставши, будеть видеть на глаза (ибо на обе очи не видит), то действительно буде проще. После того встал он, Июрко, и пошли вместе опять в хату его, показателя, а сын Корзуна Иосиф пошел с тем образском. При том добавил еще, что у чидостворстве такового образка снайденного ничего ни от кого не слышел, и что представленный ему, показателю, взятый священниками протоиереем Кустовом и приходзким священником Пигулевским ис крижа образик, ныне привезен депутатом духовным Дашкевичем, и в присутствии ему оказен, ест тот сам, которой Иосиф Корзун нашол и был на криже

* Так у гэксце, павінна быць «процца».

повешен. Что всюю показал, в том за неумением грамоты нижеписанного уприсил за себя подписаться.

Po prozbie pana Ludwika Lachowskiego podpisuię się Mikołaj Prochocki

Допрашивал заседатель Грицкевич

При взятии допроса был депутат священник Василий Дашкевич

НГАБ. Ф. 171. Вон. 1. Стр. 1156. Арк. 10—10адв.

№ 6. — 1832 г. кастрычніка 25. — Прагакол допытгу засядацелем Слуцкага земскага суда Грыцкевічам жыхароў в. Храноў пра з'яўленне каля вёскі абраза.

1832 года октября 25 дня. Слуцкого земского суда заседатель Грицкевич при духовном депутате слуцком благочинном священнике Василии Дашкевиче по делу об открытии якобы чудотворного образа в деревне Хранове спрашивал нижеследующего.

1. Зовут его Николаем Самуйловым сыном Проходским, от роду имеет лет 37, веры грекороссийской, у исповеди и святого причастия ежегодно бывает, происхождения шляхетского, на каковое и доказательство имеет, жительствует на арендованной земле в деревне Хранове от помещика Черноцкого. Показал, что прошлого 1831 года 8 июля найден образик на пергаменте в березнячку, близ деревни Хранова Иосифом, сыном шляхтича Самуила Корзуна, здешним жителем, который и хранил у себя около двух недель, когда случились крестины в той же деревни у сапожника Людвика Ляховского, то помянутого Корзуна жена начала хвалиться о найденном сыном ея Иосифом образе. Он, Проходский, потребовал оно и по принесении его начали все разсматривать и признали, что оной должен быть кем нибудь потерану, ибо был закуранный сей образец и замазан. Назавтра из любопытства показатель с Григорием Шишкевичем* и Людвиком Ляховским, живущим тоже в деревне Хранове, призвав сказанного Корзуна сына Иосифа, пошли с ним на место, где отыскан образик. Когда же ему показано было место, то из пришедших многие говорили, что это явилась проща, т. е. чудотворение, а Григорий Шишкевич отвечал, что он положится на том месте спать, так как будучи на оба глаза слепым от рождения, ежели покажется какое либо привидение, то тогда справедливая будет проща, и тут на березке повесили образик, и Шишкевич лег спать. Потом спустя несколько времени показатель с Ляховским пробудили его, а образик тем временем с берозки Корзунихою снят. Сколько же времени находился у сей Корзунихи, он, показатель, достоверно не знает, а слышал чрез несколько дней, что уже тот образ забран якобы во двор г. Черноцкого. Прошлого 1831 года 29 августа, по разнесшемуся слуху о сем, пришел греский крестьянин Яков Бортник в деревню Хранов и спрашивал о найденном месте образа, то десятский деревни Хранова Григорий Брановец побежал за ним во двор и, принеши, отдал тому же Корзуну, где сказанный Бортник пожертвовал 21 грош серебром, а десятского жена Ефросиния покрывла тот образик холстом,

---

* Так у гэксце.

через что более слух распространился, и народ начал на богомоление с разными приносами в большом количестве стекаться, а по старанию шляхтича Корзуна с кузнецом Афанасием Брановцем из собранных денег поставлен крест, и при содействии помещика Чарноцкого претекшей зимы на Богоявление Господне посвящен ксендзом бернардином, коего имени и прозвания не знает, на коем кресте и повешен тот образик, а с сего времени отсюду народ собирался на богомоление, и приносимые в жертву деньги, холст, лен и свечи забирал один шляхтич Корзун, к коему за это никто не имел никакого притязания. А 23 апреля сего года, в день великомученика Георгия, собравшись, народ начал роптать, что большие бывают доходы, и не известно, где Корзун оные деваает, и посему кузнец Брановец с Стефаном Демашем* вошли в это и его, показателя, начали просить, дабы удерживал регистр, так как он, показатель, знает грамоту, и с 23 апреля по сию неделю сего 1832 года поступило денег, как помнится ему по регистру его, до семидесяти рублей серебром, из коих у Корзуна на 40 руб. наличия имеется, а прочие в долгах и именно: у него, показателя, шестьдесят копеек, у Ильи Брановца семдесят пять копеек, у Степана Демаша сорок сем с половиною коп., у Стефана Циунчика пятнадцать копеек, у кузнеца Брановца четыре рубли, у Петра Смольского пятьдесят копеек, у Черепанского три рубли и у помещика Чарноцкого двадцать один рубль серебром, а всего семдесят руб. и 47½ коп. сер. кроме холста, льну и воска, т. е. холста двесте локоть, льну пуд и четыре фунта, воску десять фунтов, на что и регистр сложен. При чем добавил, что по истечении недели после Георгия, приехавши из Слуцка протоиерей Кустов и священник Пигулевский для осмотра сказанного чудотворения, взяли с собой таковой образик. После чего спустя неделю времени дочери крестьянина Стефана Демаша Елене приснилось, чтоб под тем крестом выкопать камень, и кузнец с Корзуном выкопали и разгласили о сем повсенародно. Сверх того слышал показатель, что выбиравшимся с Хранова от холеры прошлого 1831 года пред июлем месяцем ткачем Котовичем тайно в Греськ через березняк в Ступице тот образик потерял и что на таком образке видно было написано S. Benedykt, а на обороте сего образка написано было красными буквами: Patron S. Augustyna prizez Tomasza Sakowskiego Jey Królewskicy Msci datta 1704 Roku, и что, по мнению его, чудотворения на таком месте никакого не доказано и даже ни от кого не слышал. Наконец добавил, что и храновский корчмарь по имени Лейба, а прозвание не знает, для своей прибыли разглашает о сем чудотворении всенародно. Что по самой судей справедливости показал, в том собственноручно подписуюсь.

2. Зовут его Иосифом Самуйловым сыном Корзуном, имеет лет от роду 16, веры грекороссийской, у исповеди и святого причастия уже шесть лет как ежегодно бывает, шляхтич, на что и доказательства имеет ли его отец или нет, не ведает, а жительствует при отце. Показал, что прошлого 1831 года, во время болезни холеры, в месяце июле, которого именно числа не помнит, когда жители Хранова

---

* Так у гэксце.

по обету своему старались поставить с обеих концов деревни кресты, и когда приступили к работе таковых, в коей участвовал отец и он, показатель, находился с прочими товарищами на гульбище, послал его отец искать лошадей, дабы не зашли куда в пашню, и когда показатель чрез березнячок называемый Ступица шел дорожкой, то на оной нашел образик и, взяв оной, не отыскавши лошадей, принес в дом и повесил в сених, где висел неделю или более, а когда случились крестины у сапожника Людвика Ляховского, где находилась мать его, называемая по имени Анною, то Николай Проходский и Григорий Шушкевич начали разсуждать о найденном образке, которой и велели ему принести и показать место, где найден, а когда он им показал, то Григорий Шушкевич на том месте клался спать, говоря, что ежели ему покажется во сне какое либо привидение, то как он на оба глаза слеп, то будет проща, а между тем показатель тот образик опять взял к себе. Спустя неделю или более, того верно не помнит, когда слух пронесся и узнали о таковом произшествии в дворе у г. Черноцкого, то присланный из двора шафяр Сакович в дом показателя таковой образик забрал и понес в двор. По прошествии же недели или может быть более, прийдя крестьянин с местечка Греска, коего имени и прозвания не знает, в деревню Хранов, начал спрашивать о найденном образе, и принеши таковой, дал ему, и вместе с десятским и отцем показателя завели того крестьянина для показания в то место, где отыскан тот образик, каковой человек дал десятскому 21 грош, и деньги сии находятся у него и поднесь, с тем, чтобы на сем месте был поставлен крест. А между тем жена десятого обвесила тот образик холстом и повесила на найденном месте на берозце, с какового случая и народ по рознесшемся слуху начал собираться и делать пожертвования. И незадолго после того отец показателя, кузнец Афанасий Брановец и Максим Цесля поставили крест, на каковой и дал дерева из них кузнец, чрез что самое народ более начал стекаться и приносить пожертвования, кои и принимал один отец показателя, а не кто другой, и сколько таковых собралось, он не знает, только ведает, что прошлого 1831 года на Крещение Господне ксендз бернардин, по имени и прозванию ему неизвестный, освятил крест, будучи у помещика их, г. Черноцкого, а с того времени начали за приносом иметь надзор кузнец Афанасий Брановец и Стефан Демаш, каковой и имели до 23 апреля без записи, а с сего времени упросили Николая Приходского делать записи разным пожертвованиям. При чем добавил, что предъявленный ему, показателю, в комиссии образец, взятый протоиереем Кустовым и священником Пигулевским, есть действительно тот самой, которой нашел. Что все по самой сущей справедливости показал, в том за неумением грамоты по просьбе его, Иосифа Самуйлова сына Корзуна подписался.

Mikołaj Prochocky Samujela syn wujosci* na zemi arendowne we wszy Chrzanowie

Za Iuzefa Korzuna po ustney prozbie podpisuię się Paweł Michniewicz

---

* Слова написана незразумела.

*Слуцкого земского суда допрашивал заседатель Грицкевич
При отобрании сих допросов находился депутат священник Василий
Дашкевич*

НГАБ. Ф. 171. Вон. 1. Спр. 1156. Арк 11—15адв.

**№ 7. — 1832 г. кастрычніка 25. — Пратакол допыту засядацелем
Слуцкага земскага суда Грыцкевічам жыхароў в. Храноў пра з'яўленне
каля вёскі абраза.**

1832 года октября 25 дня в присутствии Слуцкого земского суда заседателя Грицкевича обще с духовным депутатом священником Дашкевичем ниже писанных без присяги допрашивали в следующем.

Зовуть его Григория* Семки сын Брановец, от роду ему лет 50, вери благочестивой, в исповеди и святых таен причастия ежегодно бывает, крестьянин деревни Хранова, где и по ревизии состоить записанным, в должности есть десятского. Показал, что прошлого 1831 года по взятии шафаром Данилом Саковичем образик, найденный Иосифом Корзуном к сабе во двор, и он, показатель, не знае, сколько времени тот образик у его, шафара, был, а только как он, показатель, ийшол во двор Хранов по своей надобности, встретился с человеком местечка Греска, коего достоверно имя и прозвания не знает, а только слышел, что зовуть Бортником, спрашиваючи о образке. То он, показатель, будучи во дворе, зашол к вышесказанному шафару и взял таковой образик, с которым приишол в деревню, в хату. Жена его Прося покрила тот образик палатном куском, и он, отдавши тот образик Иосифу Корзуну и вместе с ацдем его Самуилом Корзуном и с пришедшим человеком с Греска Бортником пошли в березничок на найденное место того образка, и он, Бортник, рассказывал, что жена его снала во сне съявленную в деревни Хранове прощу, и, пришедши на то место, повесивши на берозце тот образик, помолился к нему и дал 21 грош, говоря ему, дабы поставили на сем месте криж. После того начал народ собираться, а в осеннее время поставили криж, куда народ собираемый к богомолению и чинимоемой разные пожертвование. Он, показатель, не вмешивался к тому и не знает, сколько чего собиралось, ибо сначала самого до святого мученика Георгия, как то до 23 априла сего 1832 года побирал адин Корзун, а с того времени начали уже заведывать крестьяне кузнец Апанас Брановец и сын его Андрей, Сцепан Демеш, а шляхтич Проходзкой удерживал регистр. О найденном камени Сцепаном Демеше с шляхтичем Корзуном ничего не знае и не ведае. Деньги 21 грош ныне он, показатель, в присутствии представил. Что всио показал по справедливости, в том за неумением грамоты нижеписанного упросил подписаться.

2. Прося Кондратиева дочь, а по мужу Григориха Брановцова, от роду ей лет 50, веры благочестивой, в исповеди и святых таен причастия ежегодно бывает. Показала сходно с показанием мужа своего Григория Брановца. В том за неумением грамоты утердилась.

---

* Так у гэксце.

3. Максим Карнея сын Шишкевич*, от роду ему лет 62, веры благочестивой, в исповеди и святых таен причастия ежегодно бывает, крестьянин деревни Хранова, где и по ревизии состоить записанным, занимается мастерством цесля. Показал, что он у** чудотворным образке, снайденном шляхтичем Иосифом Корзуном, ничего не знае и не ведае, а только что шляхтич Корзун просил его, дабы сделал кришу наверху крижа и оную гонтами покрил, то он всю то сделавши на его, Корзуна, хлебе и водки, равно и материал, получил награды денежной серебром злотых три. Что всю показал по справедливости, в том за неумением грамоты нижеписанно упросил за себя подписаться.

4. Даниел Казимера сын Сакович, от роду ему лет 35, вери римско-католической, в исповеди и святых таен причастия ежегодно бывает, крестьянин деревни Хранова и записан по ревизии между дворовыми людми, служить во дворе Хранове у помещика Черноцкого за шафара. Показал, что прошлого 1831 года, в летное время, не помнит которого числа, действительно он, показатель, взял образик, найденный шляхтичем Иосифом Корзуном, и был неделю или две, наверно не помнит, которой, когда пришел десятский деревни Хранова Григория*** Брановец во двор к нему, таковой образик отдал ему. Что всю показал по справедливости, в том собственноручно подписался.

Za Hryhoryia Branowca u zonu iego Prosu, a rownie u za Maksyma Szyskiewicza po ustney prozbie podpisuje się Paweł Michniewicz

Daniel Sakowicz

Слуцкого земского суда допрашивал заседатель Грицкевич

При отобрании сих показаний находился духовный депутат священник Василий Дашкевич

НГАБ. Ф. 171. Вон. 1. Спр. 1156. Арк. 16—17адв.

№ 8. — 1832 г. кастрычніка 26. — Пратакол допыту засядацелем Слуцкага земскага суда Грыцкевічам жыхара мястэчка Грэска Якава Лошыка (Бортніка) пра з’яўленне каля в. Храноў абраза.

1832 года октября 26 дня в присутствии заседателя Грицкевича обще с депутатом духовным Дашкевичем нижеписанного без присяги допрашивали.

Зовуть его Яков Данилы сын Лошик, а по мирскому прозвали его Бортник, от роду ему лет 40, вери благочестивой, в исповеди и святых таен причастия ежегодно бывает, крестьянин местечка Греска, где и по ревизии записан. Показал, что прошлого 1831 года, в летное время, когда пашол слуг**** всенародно о снайденном образке близ деревни Хранова, в леску, о коем говорили и в м. Греске, то жена его, будучи больна, прошлаго ж года приснилось ея, что как будь то бы еврейка какая то наймала их гребти сена в сторону под деревню Хра-

* Так у тэксце.

** Так у тэксце.

*** Так у тэксце.

**** Так у тэксце.

нов, то по мненню всенародно, что ежели сниться еврейка, значить — прощсе, то жена его Прося велела ему, показателно, пасти в деревню Хранов и занести от каждого скатины по грошу и при том образке положить, то он, показатель, пришедши в деревню Хранов, спрашивал, где тот образец найденный, на что десятский деревни Хранова Григория Брановец побегл во двор Хранов и приниосши таковой, отдал Иосифу Корзуну, вместе с ним, Корзуном, его атцом и с десятским пашли на то место найденное, где он дал десятскому Григорию 21 грош, и оне повесили тот образец на беросце в том же месте. Более ничего не знае и не ведае. Что всио показал по справедливости, в том за неумением грамоты нижеписанного упросил за себя подписатся.

По прозбе подписался зреский священник Иоанн Борисевич

Допрашивал заседатель Грицкевич

При допросе находился депутат священник Василий Дашкевич

НГАБ. Ф. 171. Вон. 1. Спр. 1156. Арк. 18—19.

№ 9. — 1832 г. кастрычніка 26. — Пратакол допытгу засядацелем Слуцкага земскага суда Грыцкевічам жыхаркі в. Храноў Алёны Зубкі пра з'яўленне каля вёскі абраза.

1832 года октября 26 дня Слуцкого земского суда заседатель Грицкевич обще с депутатом со стороны духовной священника Дашкевича спрашивали без присяги нижеписанную женщину в следующем.

Зовуть ея Алиона Степана доч, а по мужу Антона Зубки жена, от роду ей лет 18, веры благочестивой, в исповеди и святых таен причастия ежегодно бываеь. Показала, что сего года, весною, не помнить которого месяца и числа, а толко уже после святого Июря, когда еще она была девкаю, приснилось ей во сне, что как бы над крижом сим, которой поставлен на снайденном образке, распятая рыза священницкая и голос человекчи (которого она не видела) одзывался к ней, дабы выкопать с земли камен под сим крижом, на котором есть выбить крест и оный поставить при сем же криже, то она, показательница, очнувшись рано, стала разказывать таковой сон атцу своему Степану, которой пошел к шляхтичу Корзуну, тоже о сем разказал, а потом пошли оне удвух, выняли криж поставленный и начали в сем месте копать и нашли камен и на оном выдовбанный криж, которой поставивши апягь деревенный криж и при оном положили тот выкопанный камен с крестом, до которого стали еще более собиратся народ к богомолению. Она ж, показательница, сего ж года на Святую Троицу вышла замуж в деревню Дзюздево за Антона Зубки. Что всио показала по самой сущей исправливости, в том за неумением грамоты нижеписанно за себя упросила подписатся.

Za Aloni Zubkowi po ustnej prozbie podpisuien się Mikołaj Prochocky

Допрашивал заседатель Грицкевич

При взятши сего допроса находился депутат священник Василий Дашкевич

НГАБ. Ф. 171. Вон. 1. Спр. 1156. Арк. 20—21.

№ 10. — 1832 г. кастрычніка 26. — Запрос засядацеля Слуцкага земскага суда Грыцкевіча грэскаму свягтару Іаану Барычэўскаму пра з'яўленне каля в. Храноў абраза і адказ Іаана Барычэўскага.

Слуцкаго земскаго суда засядателя Грыцкевіча с духовным депутатом слуцким благочинным священником Василием Дашкевичем.

Грескому священнику Иоанну Боричевскому.

Запрос.

Нужно сей комиссии иметь сведение, доносили Вы словесно Слуцкому духовному правлению, что отысканный образец близ селения Хранова есть действительно греского ткача Котовича и на каком основании говорили утвердительно, что после забрания сказанного образка протоиереем Кустовым с священником Пигулевским крестьяне деревни Хранова с веденія их помещика на найденном месте положили с какими-то знаками камень, якобы выкопанный под крестом как чудотворный, от чего народ начал стекаться на богомоление. Посему благоволите, Ваше Преподобие, о прописанных обстоятельствах дать по совести иерейской самый справедливый отзыв с приобщением, что знаете и более к раскрытию по сему делу истины.

Октября 26 дня 1832 года.

Засядатель Грыцкевіч

Депутат благочинный священник Василий Дашкевич

Как токмо услышал я, что иконка найдена близ деревни Хранова, в леску, для которой тамошние жители поставили крест, и начали люди приходить так как к чудотворной, то я, будучи в то время в Греском дворе, начал о сем разговор, где и находился ткач Котович. По выслушанию моего разговора вдруг отвечал, что иконка найденная не есть чудотворная, ибо она, находясь у его более десяти лет, не показала никому и малейшего изцеления, коя потерянная им при переезде его из Хранова в Греск. О чем я Слуцкому духовному правлению донес, но после моего доноса, когда начали и другие священники жаловаться, что прихожане их обратились к вышесказанному кресту с молением, оставя свои церкви, тогда протоиерей Гавриил Кустов с приходским священником Пигулевским, приехавши на место, где крест поставлен, взяли икону. Но храновские жители обратились к вымыслу, выкопавши неизвестно где камень, на коем выбили крест, обмыли и положили на том месте и говорили, что им снилось, сей крест будет чудотворным, так как и бывшая на сем месте икона. Более по сему делу не знаю, о чем оной комиссии подписуюсь донося.

Гресский священник Иоанн Боричевский

НГАБ. Ф. 171. Вон. 1. Спр. 1156. Арк. 22—23об.

№ 11. — 1832 г. кастрычніка 26. — Прагакол допыту засядацелем Слуцкага земскага суда Грыцкевічам ткача Васіля Катовіча пра з’яўленне каля в. Храноў абраза.

Клятвенное обещание.

Я, нижеимянованный, обещаюсь и кленусь всемогущим Богом пред святым его Евангелием и животворящим крестом в том, о чем у меня будут спрашивать, имею всю по справедливости показать, что знаю, видел или же слышал, не норовя никому ни для дружбы, каристи, свойства, ниже страха, а ежели покажу что несправедливо, утаю или прибавлю, за то да судить меня Господ Бог душевно и телесно. В заключение же сей моей присяги целую слова и крест спасителя моего. Аминь.

1832 года октября 26 дня по сей присяге присягал *Bazyli Teodora syn Kotowicz*

К сей присяге приводил Греской Рождества Богородичной церкви священник Иоанн Боричевский

При сей присяге был депутат священник Василий Дашкевич

1832 года октября 26 дня Слуцкого земского суда заседатель Грицкевич обще с духовным депутатом священником Василием Дашкевичем по приводе к присяге ткача Катовича в следующем допрашивали.

1. Зовуть его Василии Фиодоров Катович, от роду ему лет 38, вери рымско-католической, в исповеди и святых таен ежегодно бывает, мещанин местечка Грозова, где и по ревизии состоять записанным. Показал, что прошлого года жительствовавал он, показатель, в деревни Хранова, и когда появилась болезн холера и при том еще от помещика Чарноцкого имел утнетение, выбирался прошлого ж лета, месяца июня, не помнить каторого числа, ночью, с целом своим имуществом в местечко Греск, и переезжая чрез безрничок близ деревни Хранова, называемой Ступица, потерял образик на пергамане, чрез давность фигура в большой части выцертая, с надписиом в доле латинскими словами (*S. Beneductus*), а на другой стороне того образска червонными буквами, и то ледво значно, польскими словами (*Patron S. Augustina przez Tomasz Janowskiego Jey Krulewsko Mości datt 1704 roku*), каковой образик о потери его нескоро, уже в дома, осматрел. Ныне же при снятии сего допроса предявленный ему снятии таковой образок ис поставленного на найденном месте криж священниками протоиереем Кустовом и священником приходским Пигулевским, а привезенный духовным депутатом священником Дашкевичем объявил он, показатель, что действительно тот сам его образок, и все признаки на нем находятся. Что всю по долгу присяги показал и в том собственноручно подписался.

Bazyli Kotowicz

Допрашивал заседатель Грицкевич

При взятии сего допроса находился слуцкий благочинный депутат священник Василий Дашкевич

НГАБ. Ф. 171. Воп. 1. Спр. 1156. Арк. 24—26.

№ 12. — 1832 г. кастрычніка 26. — Запрос засядацеля Слуцкага земскага суда Грыцкевіча памешчыку Юзафу Чарноцкаму пра з'яўленне каля в. Храноў образа і адказ Юзафа Чарноцкага.

Слуцкаго земскаго суда засадателя Грыцкевіча с духовным депутатом слуцким благочинным священником Василием Дашкевичем.

Его Благородию господину бывшему подкоморию Чарноцкому.

По делу о найденном образке близ селения Хранова, в березнячку, открыается, 1) что по разглашению Вашего Благородия с домашними оной почитается за чудотворный, от каковых разглашений не только живущие в окрестностях, но и в отдаленности христиане православного исповедания по новомесечиям в чрезвычайно большом количестве стекаются на поклонение с разными приносами и денежными пожертвованиями, 2) что когда крестьяне Вашего Благородия на найденном месте того образа поставили крест, то посылали ли Ваше Благородие в день Крещения Господня прошедшей зимы ксендза для посвящения и кого именно. 3) Был ли забирая тот образ во двор Ваш, по какому случаю был оный взят и по каким обстоятельствам опять отдан крестьянам Вашим. 4) Когда народ начал стекаться по суеверию на богомоление, то для чего к прекращению сей ереси не предпринимали мер? О прописанных обстоятельствах сия комиссия просит Ваше Благородие дать самый справедливый отзыв как к делу необходимо нужный.

Октября 26 дня 1832 года.

Заседатель Грыцкевич

Депутат слуцкий благочинный священник Василий Дашкевич

Na przysłane punkta komisyyi sledztwienicy odpowiadam.

1) Ze jak nie wiedziałem i nie wiem, czy ten obrazek cudowny czy nie, tak też do mnie* nic nie należało rozgłaszać o nim, a wiadomo zaś wszystkim, że żadnej publikaty nie posyłałem zawiadomieniem tego, czego nie wiedziałem i nie wiem, czy zaś zbierali pieniądze i rzeczy, czy nie, to jak do mnie nie należeli, tak mnie nie uwiadomiali, a ja nie dowiadywałem się.

2) W czasie świąt Bożego Narodzenia przeszedł zimę był u mnie xiądz bernardyn przejeżdżający, ktoś przejeżdżając poświęcił krzyż, lecz ponieważ ani ja sam, ani nikt z moich ludzi tam nie był, tak nie wiem, czy to ten obrazek poświęcił, czy nie? To tylko wiem, że przybywszy paroch na nabożeństwo do cerkwi na S. Jerzy ten krzyż poświęcił.

3) Obrazek znaleziony przez włóścian w czasie mojej bytności w Słucku, wtedy kiedy panowała w tejże wsi cholera, dla której wyjechałem z domu, oddany był przez tychże ludzi moiemu szafarzowi, u którego przez kilku tygodni wałał się, a gdy ciż ludzi, którzy go oddali, zapotrzebowali, tenże szafarz jako ich własność im oddał. Za moim zaś już powrotem do domu dowiedziałem się, że jakiś znaleziony obrazek, lecz jego sam ani widziałem ani trzymałem, tyle tylko wiewsiemcu** mowiow, że był stej Jadwigi.

---

* Слова написана неразборлива.

** Слова написана неразборлива.

4) Wtedy kiedy sam paroch cerkiewny poświęcił ten krzyż i kiedy lud zbierał się, o czym ja nie wiedziałem, nie miałem prawa odpędzać ludzi od modlitwy, a tem bardziey, kiedy sam paroch temu nie zaprzeczał, nic więc do mnie nie nabrało mieszać się.

Dając najsprawiedliwszą a najpewniejszą odpowiedz podpisuię się.

Datt 1832 r. 8bra 26 dnia.

Józef Czarnocki podkm. ptu Sluck

НГАБ. Ф. 171. Вон. 1. Спр. 1156. Арк. 28—29. Адказ Юзафа Чарноцкага напісаны ўласна-ручна.

№ 13. — 1832 г. кастрычніка 26. — Пратакол допыту засядацелем Слуцкага земскага суда Грыцкевічам селяніна в. Храноў Рыгора Шышкевіча пра з'яўленне каля вёскі абраза.

Того же числа и месяца. В присудствии Слуцкого земского суда заседателя Грицкевича при бытности духовного депутата священника Василия Дашкевича без присяги будучи спрашиван показал.

Зовут Григорием Шишкевичем по отчеству Григориевым, 28 лет, веры благочестивой, у исповеди и святого причастия každодно бывает, крестьянин помещика хранивского г. Чарноцкого, уроженец деревни Хранова, что он, показатель, когда приглашен был на крестины к Людвигу Ляховскому, и после многих разговоров бывший в той же компании шляхтич Корзун отозвался, что сын его Иосиф отыскал образик в Ступище*, где вызвался шляхтич Проходский, чтобы оной ему показали, и когда Корзун принес и Проходский рассмотревши тот образец, требовал, чтобы показали место, где оной отыскан, потому что Корзун почитал его явленным с неба, пошли все на то место, и когда пришли к нему и начали различно толковать, то показатель с насмешкою сказал: Ну! Ежели будеть справедливая проща, то он ляжет спать, и ему в сновидении покажется оная. И положился было, но Людвик Ляховский вдруг приподнял его и повел с другими там бывшими в дом свой. После сего вдруг случилось видеться с греским ткачем по прозванию Котовичем, которой публично народу говорил, что его образик и им потерян при переезде из Хранова в Греск в Ступице, при чем обличал народ в суеверии и советовал ходить с показателем в сей же деревни имеющуюся церковь для богомоления, нежели к сему кресту, вновь поставленному. Хотя же его, показателя, приглашали шляхтич Корзун с Домашем и Афанасием Брановцем приобщиться к их братству и участвовать в сборе пожертвований, богомольцами приносимых, но он, Шишкевич, отказался. Больше ничего по сему делу не знает и не слышал. Что по самой справедливости показал, в том по неумению писать и читать по устной его, Григория Шишкевича, подписался.

*Za Hrzyszku Szyszkiewicza po ustniej prozbie podpisuien się Mikołaj Prochocky
Допрашивал заседатель Грицкевич*

При взятти сего показания был депутат священник Василий Дашкевич

НГАБ. Ф. 171. Вон. 1. Спр. 1156. Арк. 30—31adv.

* Так у гэксце.

№ 14. — 1832 г. кастрычніка 26. — Пратакол допыту засядацелем Слуцкага земскага суда Грыцкевічам яўрэя Лейбы Ісраілевіча пра з'яўленне каля в. Храноў абраза.

Того ж месяца и числа в присутствии Слуцкого земского суда заседатель Грыцкевича, при бытности духовного депутата Василия Дашкевича нижеписанного без присяги спрашивано в нижеследующем.

Зовут его евреем Лейбою Исраилевичем, веры еврейской, мещанин старобинский, записан при Старобинском кагале по ревизии, куда и подати государственные вносит, имеющий лет от рождения 40, и содержит аренду в деревне Хранове от господина помещика Чарноцкого. Показал, что о появившейся в деревне Хранове прощсе ничего не знает и для чего в большом количестве по неделям народ стекался, он также причин тому не ведает, а видел только, что против корчмы, в березничку, так называемом Ступицею, поставлен крест, равно и людям, бывающим в корчме, не разглашал о чудотворениях найденного образа. Из делаемых богомольцами разных приносов купил он, показатель, с слущким евреем Ноткою холста десять своев у братчиков Андрея Ковалья, Николая Проходзского и Самуила Корзуна, а в каждом свое было по 30-ти лакот, и платил от каждого своя по девяносто копеек серебром. Наметки покупал хотя у сказанных братчиков, но количества их не знает, а помнит только, что платил по 25-ти грошей за всякую. Кто же больше из евреев покупал холст, лен и прочие вещи у тех же братчиков, ему, показателю, вовсе не известно. Что по справедливости показал, в том по неумению по-русийски писать подписался по-еврейски так: Лейба Исраилевич*.

Допрашивали прописанного еврея октября 26 д. 1832 года.

Допрашивал заседатель Грыцкевич

Депутат слущкий благочинный соборный священник Василий Дашкевич

НГАБ. Ф. 171. Вон. 1. Спр. 1156. Арк. 32—33адв.

№ 15. — 1832 г. кастрычніка 26. — Пратакол допыту засядацелем Слуцкага земскага суда Грыцкевічам жыхароў в. Храноў пра з'яўленне каля вёскі абраза.

1832 года октября 26 дня Слуцкого земского суда заседатель Грыцкевич обще с депутатом духовным священником Василием Дашкевичем нижеписанных людей по приводе к присяге допрашивали в следующем.

1. Зовуть его Григори Иванов Василевски, от роду ему лет 50, вери благочестивой, в исповеди и святых таен причастия ежегодно бываешь, крестьянин деревни Хранова, где и по ревизии состоить записанным. Показал, что Самуель Корзун, которого сын Иосиф нашлол образик в леску близ деревни Хранова, называемой Ступица, чрез что поставлен на сем месте крйж и народ стался к нему собиратся к богомолению, есть хароши хозяин и в ничем худых поступках не замечен, и для того полагает он, показатель, что собираемый им доход,

---

* Ніжэй подпіс па-яўрэйску.

чинимоей чрез народ пожертвование, нигде не могл потерать. До которого после имели уже влияние крестьяне Апанас Брановец и его сын Андрей и Сцепан Демеш, которые тоже честного есть поведения. Деньги же собранные, даваемой чрез народ, а собранные Корзуном, которой хотя может в малом количестве, как он, показатель, так и все хозяе деревни желают да обратились на потчинку церкви, будущей в деревни Хранове, которая есть весьма старая, ибо и Корзун, равно крестьяне Апанас Брановец и Сцепан Демеш имели завсегда обратить таковые деньги на подчинку. О снайденном образе никакого он, показатель, чудотворения не слышел. Что всюю показал по справедливости, в том за неумением грамоты и по долгу присяги утвердил.

2. Васили Семки сын Фурман, от роду ему лет 70, вери благочестивой, в исповеди и святых таен причастия ежегодно бывает, крестьянин деревни Хранова, где и по ревизии состоит записанным. Показал сходно с показанием первым с добавлением, что и о выкопанном камени он, показатель, тому верить не может, дабы тот чинил чудотворение. В том по долгу присяги и за неумением грамоты утвердился.

3. Григория Мартинов сын Кухщик, от роду ему лет 80, вери греко российской, в исповеди и святых таен причастия ежегодно бывает, крестьянин деревни Хранова, где и по ревизии состоит записан. Показал сходно с первым и вторим. В том за неумением грамоты и по долгу присяги утвердился.

4. Васили Янки сын Брановец, от роду ему лет 49, вери благочестивой, в исповеди и святых таен причастия ежегодно бывает, крестьянин деревни Хранова, где и по ревизии состоит записанным. Показал сходно с показанием первым и вторим. В том по долгу присяги и за неумением грамоты утвердился.

5. Демян Купрея сын Кухщик, от роду ему лет 60, вери благочестивой, в исповеди и святых таен причастия ежегодно бывает, крестьянин деревни Хранова, где и по ревизии состоит записанным. Показал во всем сходно с показанием первым и вторим. В том по долгу присяги и за неумением грамоты утвердился.

6. Матвей Микитин Василевски, от роду ему лет 40, вери благочестивой, в исповеди и святых таен причастия ежегодно бывает, крестьянин деревни Хранова, где и по ревизии состоит записан. Показал сходно с показанием первым. В том по долгу присяги и за неумением грамоты утвердился.

7. Денис Гришки сын Кухарчик, от роду ему лет 40, вери благочестивой, в исповеди и святых таен причастия ежегодно бывает, крестьянин деревни Хранова, где и по ревизии состоит записанным. Показал сходно с показанием первым и вторим. В том за неумением грамоты и по долгу присяги утвердился.

8. Томаш Мартинов Кищина, от роду ему лет 40, вери благочестивой, в исповеди и святых таен причастия ежегодно бывает, крестьянин деревни Хранова, где и по ревизии состоит записан. Показал сходно с показанием первым. В том по долгу присяги и за неумением грамоты утвердился.

9. Пархвен Григория сын Писарчик, от роду ему лет 47, вери благочестивой, в исповеди и святых таен причастия ежегодно бывает, крестьянин деревни

Хранова, где и по ревизии состоить записан. Показал сходно с показанием первым и вторим. В том по долгу присяги и за неумением грамоты утвердил.

10. Яким Семки сын Брановец, от роду ему лет 43, вери благочестивой, в исповеди и святых таен причастия ежегодно бываеть, крестьянин деревни Хранова, где и по ревизии состоить записан. Показал сходно с показаниями первым и вторим. В том по долгу присяги и за неумением грамоты утвердился.

11. Апанас Павлюка сын Брановец, от роду ему лет 45, вери благочестивой, в исповеди и святых таен причастия ежегодно бываеть, крестьянин деревни Хранова, где и по ревизии состоить записанным. Показал сходно с показанием первым и вторим. В том по долгу присяги и за неумением грамоты утвердился.

12. Янко Амельки сын Крогельски, от роду ему лет 32, вери благочестивой, в исповеди и святых таен причастия ежегодно бываеть, крестьянин деревни Хранова, где и по ревизии состоить записан. Показал сходно с показанием первым и вторим. В том по долгу присяги и за неумением грамоты утвердился.

13. Илля Василев сын Брановец, от роду ему лет 45, вери благочестивой, в исповеди и святых таен причастия ежегодно бываеть, крестьянин деревни Хранова, где и по ревизии состоить записан. Показал сходно с показанием первым и вторим. В том по долгу присяги и за неумением грамоты утвердился.

14. Доминик Данилы сын Злоторевич, от роду ему лет 40, вери благочестивой, в исповеди и святых таен причастия ежегодно бываеть, шляхтич, на то имее доказательство, жительствует на арендованной земле от помещика Черноцкого в деревни Хранове девятой год. Показал сходно с показанием первым и вторим. В том за неумением грамоты и по долгу присяги утвердился.

За Григория Василевского, за Василя Фурмана, за Григория Кухицика, за Василя Брановца, за Демяна Кухицика, за Мотвея Василевского, за Данила*, Кухарчика, за Томаши Кирицина**, за Парфена Писарчика, за Якима Брановца, за Апанаса Брановца, за Янку Крогельского, за Юлюка Брановца, за Доминика Злоторевича***, всего за четырнадцать вышепрописанных особ по личной и устной прозбе, по неумению грамоты подписался гресской священник Иоанн Борисевич

Допрашивали заседатель Грицкевич

При взятии сих от 14-ти человек показаний находился духовный депутат священник Василий Дашикевич

НГАБ. Ф. 171. Воп. 1. Спр. 1156. Арк. 35—36адв.

---

* Так у гэксце.

** Так у гэксце.

*** Так у гэксце.

№ 16. — 1832 г. кастрычніка 27. — Адказы слуцкага святара Данііла Пігулеўскага на пытанні засядацеля Слуцкага земскага суда Грыцкевіча пра асвячэнне абраза каля в. Храноў.

Слуцкого земского суда заседателю г. Грицкевичу, с духовной стороны депутату слуцкому благочинному священнику Василию Дашкевичу.

Слуцкой Островской Михайловской церкви священника Даниила Пигулевского по делу, производимому о найденной якобы чудотворной иконе.

Ответ.

Сим честь имею ответить на вопрос, на каком основании я решился освящать найденную будто бы чудотворную икону в селе Хранове в день чудотворца Георгия. Тот действительно в день Георгия я был возле того креста, но увидевши ту найденную икону, что на ней ничего не видно, хотя люди и помещик сильно убеждали меня освятить, но я не согласился, хотел было тогда же взять, но убоялся суеверного народа, и так как на том кресте было в то время много других икон, например, Спасителя и Богоматери и прочих святых, без всяких надлежащих к тому молений и без освящения воды, а более для своего намерения, чтобы ту икону взять, окропил вышеписанные иконы, впрочем, ту икону, якобы чудотворную, велел снять и вдруг отошел оттоле, что и было. Чрез два дня или три после сего с слуцким протоиереем, донесши о сем, схав, взяли ту икону и вигоротили* тот крест. И второе, делал ли я увещание прихожанам о сем суеверии — делал, и все прочие вдруг узнали злоупотребление и мне даже жаловались, кроме одного так называемого Корзуна, который на увещание мое говорил так: пусть мне отдадут мою чудотворную икону, я с нею готов хоть куда угодно, хоть во ад.

Что все сие по самой сущей справедливости, сим ответствую.

Слуцкой Островской Михайловской церкви священник Даниил Пигулевский
1832 года окт. 27 дня

НГАБ. Ф. 171. Вон. 1. Спр. 1156. Арк. 40—41.

№ 17. — 1832 г. кастрычніка 28. — Рапарт засядацеля Слуцкага земскага суда Грыцкевіча ў Слуцкі земскі суд пра зробленае ім у в. Храноў следства.

В Слуцкий земский суд.

Заседателя Грицкевича.

Рапорт.

Согласно указа одного суда от 17 июля сего года за № 2800 данного мне и с приложением рапорта ключовйта грозовского и отношении Слуцкого духовного правления с уведомлением, что в деревни Хранове шляхтич Корзун, нашедши в березничку близ деревни Хранова образик, от чего явилось какое-то чудотворение, и народ к оному начал истекаться к богомолению, то сего месяца октября обще с духовным депутатом — слуцким благочинным священником Василием

* Слова напісана незразумела.

Дашкевичем прибывши в деревню Хранов для изследование сего, по которому оказалось, что народ чрез непонятие свое, уверивши, приходил к тому месту, на котором был уже поставлен криж для богомоление и чинил разные пожертвование, что всю нами 26 октября уничтожено и криж в сем месте спален и в том предмете даны мною приказы ключвойту грозовскому и сотским Шуляковской и Старинской сотни, равно и десятскому деревни Хранова, дабы смотрели за сем, дабы народ не истекался более уже к сему месту, а одвлекал их к богомолению к тамошную церкв, и ежели кто сделается в сем аслушником, представлять такового за караулом в суд. Собранные ж ис чинимоемых от приходящих под тот криж пожертвование шляхтичем Корзуном, до которого имели при-смотр крестьяне Апанас Брановец и Сцепан Демеш, а шляхтич Николай Проходзкой удерживал таковым приходом регистр, в наличности серебром денег сорок рублей, равно полотна двесте локотей, воску фунтов десять свечкама, лну один пуд фунтов шесть, и завесок снятых с крижа штук двадцать шесть, при сем вместе с делом имею честь суду представить равно и образик, снайденный шляхтичем Корзуном, которой повешен был на крижу и снятый сей же весны ис оного протоиереем Кустовым с приходзким священником Пигулевским, а привезенный к следствию депутатом духовным Дашкевичем. Представляю тоже оному суду с донесением, что ис собираемых денег распожичено денег серебром помещику подкоморию Чарноцкому 21 рубель, шляхтам и крестьяном живущим в деревни Хранова, а именно Проходзкому 60 к., Черепанскому 3 рубли, Петру Смольскому 50 к., Ильи Брановцу 75 к., Сцепану Демешу 47½ к., Сцепану Циунчику 15 к. и кузнетцу Апанасу Брановцу 3 рубли, а всего с наличными деньгами рублей сер. 70 и 47½ к., кроме же сего куплено плащеницу в Храновскую церкв за 75 к. серебром и употреблено на поставление креста и покрытие оного 3 рубли серебром. Найденные же при кресте 14-ть на дереве малованных икон и четири за стеклом масковских отданы в Храновскую церкв под сохранение тамошнему братчику Юрки Шишкевичу. А камен, вырпты под крестом в земли, для отклонение ереси взят депутатом с. Дашкевичем, о посвещении креста 23 априла сего года даны запросы приходзкому священнику Пигулевскому с тем, чтобы по оним ответ доставлен был прамо в земский суд.

Заседатель Грицкевич

№ 166

Октября 28 дня 1832 года

НГАБ. Ф. 171. Вон. 1. Спр. 1156. Арк. 38—39адв.

№ 18. — 1832 г. лістапада 30. — Указ Мінскага губернскага праўлення Слупскаму земскаму суду з загадам правесці следства пра з'яўленне каля в. Храноў абраза.

Копія. № 3165. 8 декабря 1832 го.

Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Минского губернского правления Слупскому нижнему земскому суду.

Губернское правление, слушав сообщение Минской греко-российской духовной консистории от 24 сентября сего года за № 2209, коим с поводу рапорта Слупского духовного правления о найденном в лесу, принадлежащем к имени помещика Черноцкого, образе на паргамине, взятом потом протоиереем Кустовым, и о поставлении там им, Черноцким, креста, куда собирается по новомесячиям в чрезвычайно большом количестве из отдаленных даже мест народ для поклонения с разными приносами и денными* пожертвованиями, каковые и забираются тамошними крестьянами, требует предписать оному суду, дабы оные немедленно произвел, буде еще по требованию духовного правления не произведено, следствие в означенном произшествии, поставленный же крест прьянуть, а находящийся пры нем камень, оглашаемый чудотворным, закопать, пожегтовования же, коих простирается более как на сто рублей, отобрать и хранить таковые где следует впредь до решения дела. Приказали: к удовлетворению требования сего касательно немедленного произведения (буде такового по требованию Слупского духовного правления не учинено) следствия при депутате духовном о суевежных произшествиях в Слупском Варваринском приходе близ села Хранова оказавшихся и поштушения с виновными по законам и о прочем предписать Слупскому нижнему земскому суду указом с тем, дабы истребовав собранные вещи и деньги от приношений и пожертвований стекающегося на поклонение народа, коих более как 100 руб. серебром от хранивицких жителей, заведывающих оными сборами, таковые деньги и вещи представил в губернское правление немедленно для отсылки в приказ общественного призрения впредь до решения дела, о чем уведомить Минскую греко-российскую духовную консисторию сообщением.

Ноября 30 дня 1832 года.

Подлинный подписали

Советник Черняев

За секретаря Сулковский

С подлинником верно, секретарь Бродосский

НГАБ. Ф. 171. Воп. 1. Спр. 1156. Арк. 42—43.

---

* Так у гэксце, павінна быць «денежнымі».

№ 19. — 1832 г. снежня 16 і 20. — Рапорт Слуцкага земскага суда Слуцкаму павятоваму суду з прадастаўленнем справы пра з’яўленне каля в. Храноў абраза і рашэнне Слуцкага павятовага суда па вяздзённай справы.

В Слуцкі уездны суд.

Слуцкага земскага суда.

Рапорт.

По выслушании в сем суде произведенного о явившейся близ имени Хржанова помещика Чарноцкого чудотворной иконе, к которой множество народа стекалось к богомолению, дела, определено: таковое дело обще с иконою к рассмотрению и суждению представить в Слуцкий уездный суд и при сем представляется с донесением, что по нему в [...] * никого нет, а представленные г. заседателем Грицкевичем деньги, воск, холст и лен представлены в Минское губернское правление по его распоряжению, о взыскании еще взятых помещиком Чарноцким денег 21 руб., Николаем Прохоцким 60 коп., Ильёю Брановцом 75 коп., Степаном Демешом 47 коп., Степаном Циунчиком 15 коп., кузнецом Брановцом 4 руб., Петром Смольским 50 коп. и Черепанским 3 руб. серебром предписать г. заседателю Грицкевичу с тем, дабы таковые деньги в течении одной недели представили в суд для представления в губернское правление.

№ 5777

Декабря 16 дня 1832 года.

1832 года декабря 20 дня. В журнале Слуцкого уездного суда написано тако: Приказали: Составив по таковому делу из всего производства выписку, доложить к слушанию и потом, рассмотрев оное ж дело, в решении поступить на основании законов.

Подлинный за подписом присутствующих и скрепою секретаря.

Верно: секретарь Кунцевич

НГАБ. Ф. 171. Вон. 1. Спр. 1156. Арк. 44—45.

№ 20. — 1834 г. студзеня 13. — Указ Мінскай палаты крмінальнага суда Слуцкаму павятоваму суду з зацвярджэннем прысуду Слуцкага павятовага суда па справе пра з’яўленне каля в. Храноў абраза.

Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Минской палаты уголовного суда Слуцкому уездному суду. По указу Его Императорского Величества в сей палате по выслушании дела, поступившего на ревизию из одного уездного суда, о явившейся близ имени Хржанова помещика Чарноцкого якобы чудотворной иконе, к которой множество стекалось народа для богомоления, приказали: по таковому делу решение Слуцкого уездного суда яко правильное и с законами согласное во всей силе утвердить с тем, чтобы подсудимые дворяне Самуил Корзон и Николай Прохоцкий, равно крестьяне Степан Демеш и Григорий Брановец отданы были на покаяние по их исповеданию греко-российскому, собранные ж из пожертвованных деньги обра-

---

* Тры словы напісаны незразумела.

тить в пользу приказа общественного призрения, о исполнении чего в Минское губернское правление сообщить, а уездному суду с обращением и самого дела указом дать знать (означенное ж дело при сем препровождается).

Генваря 13 дня 1834 года.

Секретарь*

Коллежский регистратор Одорский

НГАБ. Ф. 171. Вон. 1. Стр. 1156. Арк. 47—47адв.

№ 21. — 1835 г. студзеня 12. — Ліст Мінскага губернскага праўлення ў Мінскую грэка-расійскую духоўную кансісторыю з патрабаваннем вызначыць месца і час для пакаяння асуджаным жыхарам в. Храноў.

М. В. Д. Минское губернское правление. 3 экспедиция. 1 стол. № 1209. Генваря 12 дня 1835 года.

В Минскую греко-российскую духовную консисторию.

Губернское правление, слушав сообщение Минской палаты уголовного суда от 3 генваря истекшего 1834 года за № 97, коим требует решение ея начальником губернии утвержденное, состоявшееся по делу, поступившему на ревизию из Слуцкого уездного суда, о явившейся близ имения Хржанова помещика Чарноцкого якобы чудотворной иконы, привезть в исполнение, по которому уездный суд между прочего мнением полагал: обстоятельствами такового дела обнаружено, что мешанин местечка Грозова, проживающий в деревне Хржанове, Василий Котович, проезжая в местечко Греск чрез лес, близ деревни Хржанова состоящий, называемый Ступище, когда потерял имевшуюся у него икону, то сын Самуилы Корзуна Иосиф, найдя оную, занес было в дом и потом, взяв таковую тамошний десятский Григорий Брановец и прийдя на то место, где она найдена, рассказывал, что жена его имела об оной сон, повесил ту икону на березе, жена ж его тогда обвязала ту икону холстом, и с того времени начал стекатся народ для богомольния с разными приносами и пожертвованиями, и выставлен на том же месте крест, в последствии, когда протоерей Кустов с священником Пигулевским взяли ту икону к себе, то дворянин Самуил Корзун, полагаясь на сон, который якобы имела другая крестьянка Елена Зубкова, что там в земле есть камень, пригласив крестьянина Степана Демеша, выкопали из-под креста бывший в земле камень с выбитым якобы на оном крестом, положили под тем деревянным крестом, приносимые ж разные пожертвования принимал по большей части упомянутый дворянин Корзон с шляхтичом Николаем Прихоцким. Для того, хотя указом 1772 года апреля 12 сказано: кто ради выгоды своей или суетной славы велит священникам огласить какое-либо чудо или прикажет говорить подобное тому суеверие, тот подлежит лишению всех прав состояния и ссылке на поселение, но как из настоящего производства оказывается, что означенная икона найдена малолетним сыном Корзона в леску, была поводом простому народу к почитанию оной чудотворною, и оттого единственно начал стекатся народ с приносами и пожертвова-

* Подпис неразборливы.

ниями, крестьяне ж деревни Хржанова, не присваивая себе никаких выгод, намерены только были из тех пожертвованной выстроить новую церковь, не заставляли священников оглашать каких-либо чудес или говорить суеверие, то хотя ничего в сем предмете не учинено с умысла и с намерением, но как дворянин Самуил Корзон, крестьяне Степан Демеш, десятский Григорий Брановец и дворянин Николай Прихоцкий изобличаются виновными в недонесении о сем якобы чудотворном явлении духовному ведомству и в невольнительном привлечении простого народа к пожертвованиям, коих приемом Корзон с Прихоцким занимались, а более всего сей же Корзон с крестьянином Степаном Демешом оказываются виновными в выкопывании после снятия иконы из земли камня к стечению народа для богомоления, то за сей поступок отдать их на церковное покаяние по исповедуемой ими вере, предоставляя термин и место епитимии назначить духовной консистории, а уголовная палата определила решение Слуцкого уездного суда яко правильное и с законами согласное, утвердить с тем, чтобы подсудимые дворяне Самуил Корзон и Николай Приходский, равно крестьяне Степан Демеш и Григорий Брановец отданы были на покаяние по их исповеданию греко-русскому. Определено: о назначении поименованным в том приговоре дворянам Самуилу Корзуну*, Николаю Приходскому и крестьянам Степану Демешу и Григорию Браковцу времени и места для отбытия церковного покаяния в Минскую греко-русскую духовную консисторию сообщить с тем, дабы благоволила по назначении означенным лицам для такового покаяния места требовать в высылку их чрез Слуцкий земский суд и о последующем сие правление уведомить.

Советник *Алексеев*

Секретарь**

Канцелярист Скродзкий

НГАБ. Ф. 136. Вон. 1. Спр. 10759. Арк. 1—5.

№ 22. — 1835 г. сакавіка 1 і 6. — Выпіска з журнала Мінскай духоўнай кансісторыі пра прызначэнне пакарання асуджаным жыхарам в. Храпоў і рэзалюцыя мінскага епіскапа Ніканора па гэтай справе.

Копия.

1835 года марта 1.

В журнале Минской духовной консистории под № 4 записано:

Приказали: поелику дворянин Самуил Корзон, крестьянин Демеш, десятский Григорий Брановец и дворянин Николай Прохоцкий изобличаются виновными в недонесении о сем якобы чудотворном явлении духовному начальству и в невольнительном привлечении простого народа к пожертвованиям, коих приемом Корзон с Прохоцким занимались, и более всего сей же Корзон с крестьянином Степаном Демешем оказываются виновными в выкопывании после снятия иконы из земли камня к стечению народа для богомоления, то за сей

* Так у гэцце.

** Подпіс неразборлівы.

поступок подвергнуть их церковному покаянию в протяжении 6 месяцев на месте жительства под руководством духовного их отца, кому велеть стараться внушить им важность поступка и расположить их к заглаждению оного пред Богом сердечным раскаянием, молитвою с земными на всяк день 10 поклонами, постясь среды и пятки, для исполнения чего послать Слуцкому духовному правлению указ, а для объявления подсудимым о таком распоряжении духовного начальства сообщить в Слуцкий земский суд, но, во-первых, представить о сем на благорасмотрение его высокопреосвященству. Подлинный за подписом гг. присутствующих и скрепою секретаря.

*Благочинный, кафедральный протоиерей Семен Шимановский
Ключарь протоиерей Онуфрий Лишевский*

Исполнено марта 15 дня.

Резалюция: Мар [та] 6 д [ня]. Учинить по сему с назначением для исполнения епитимии одного месяца*.

НГАБ. Ф. 136. Вол. 1. Спр. 10759. Арк. 7adv. — 8adv.

Літаратура і крыніцы

1. 3 Гродненской губернии // Литовские епархиальные ведомости. — 1887. — № 44. — С. 389.
2. Метадзінныя рэкамендацыі па публікацыі кірылічных дакументаў і матэрыялаў па гісторыі Беларусі канца XVIII — пачатку XX ст. / Складальнікі: В. С. Пазднякоў, М. Ф. Шумейка. — Мінск: БелНДДАС, 2016. — 85 с., іл.

Артыкул наступіў у рэдакцыю 11.09.2018

---

* Рэзальюцыя мінскага епіскапа Ніканора.

РЭЦЭНЗІІ

Ю. В. Нестерович,

*старший научный сотрудник Центра исследований
белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси,
кандидат исторических наук;
e-mail: nesterca.com@yandex.by*

**К ОПТИМИЗАЦИИ И УНИФИКАЦИИ ПОНЯТИЙ
С ТЕРМИНОЭЛЕМЕНТОМ «ТЕКСТ» В АРХЕОГРАФИИ:
ОБЗОРНАЯ РЕЦЕНЗИЯ НА МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ
БЕЛОРУССКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ И АРХИВНОГО ДЕЛА
ПО ПУБЛИКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ,
ИЗДАННЫХ В 2012—2016 гг.**

Единственным учреждением, целенаправленно и планомерно ведущим подготовку и опубликование нормативно-методической литературы по эдичии исторических документов (далее — ИД) на постсоветском пространстве, является БелНИИДАД. Полученные результаты *значимы* не только для практики эдичии ИД, но и для развития ее методики. Рецензия на первые выпущенные БелНИИДАД рекомендации помещена в вып. 1 БАШ. В вып. 5 БАШ получили научную оценку в рецензиях А. Хорошкевич, Д. Яцкевича и Г. Брегера «Метадзьчыня рэкамендацыі па публікацыі рукапісных актавых кірылічных крыніц у Беларусі (XIII—XVIII стст., перыяд Вялікага Княства Літоўскага)» (Мінск, 2003). В вып. 7 БАШ получили научную оценку «Метадзьчыня рэкамендацыі да публікацыі лацінскіх дакументаў XIII—XIV стст.» (Мінск, 2005). Рецензия на «Метадзьчыня рэкамендацыі па публікацыі польскамоўных дакументаў XVI—XIX стст.» (Мінск, 2012) появилась в вып. 10 «Архіварыуса». Переходя от общего анализа к частным аспектам методики и терминологии археографии, полагаем актуальным не только для освещения истории отечественной археографии для развития и методики эдичии ИД, но и для развития и методолого-теоретических основ эдичии ИД обзор нормативно-методической литературы по археографии Республики Беларусь последних лет — методические рекомендации БелНИИДАД 2012—2016 гг. в аспекте использования понятийного аппарата выбора, передачи, критики текста, критики исторических источников (далее — ИИ). Значимость методических рекомендаций БелНИИДАД еще раз подчеркнем и сосредоточим внимание, прежде всего, на критических замечаниях, учитывание которых послужит совершенствованию изложения методики эдичии ИД.

Чрезмерная полисемия термина «текст» в науке затрудняет точную интерпретацию понятий, обозначаемых таким термином-элементом, ведет к необходимости в рамках междисциплинарной проекции корреляции его с понятиями, обозначаемыми также чрезмерно полисемичными терминами «информация», «дискурс», «произведение», «запись» и др. Такая полисемия и неэксплициро-

ванность понятий затрудняют изложение. Тем не менее, иной раз оптимизация изложения может осуществляться в рамках его логики. Так, в п. 153 «Передача текста фонодокументов» Правил 1990 г. [1] при нормировании работы археографа излагается: «После окончания записи текста фонодокумента археограф должен произвести контрольное прослушивание» («фонодокумент» — это взятая в качестве ИИ звукозапись, рассматриваемая в комплексе с защитной коробкой, на которой помещены данные о ней либо вне комплекса с ней). Тем самым, *письменное фиксирование* археографом в процессе эдичии аудиозаписи речи термируется как «*запись* текста фонодокумента», хотя в соответствии с приведенным наименованием параграфа такой процесс следует термировать как «передачу текста фонодокумента». Результат его — «переданный текст фонодокумента», а корректируя — письменно воспроизведенная археографом (эдитором) запись речи аудиального ИД. В п. 153 нормируется: «Фамилии участников звукозаписи отделяются от текста их речи двоеточием» (т. е. различается звукозапись и часть ее, образуемая *записью речи* участников мероприятия — субъектов речи). Вместе с этим в п. 153 изложение противоречиво: «основная цель передачи текста фонодокумента в типографском издании — это максимально сохранить все его особенности (акустический фон, оговорки, интонации и др.)». Однако акустический фон является особенностью звукозаписи (при этом понятие звукозаписи *не эквивалентно* понятию фонодокумента), а не ее части — текста речи участников. А передаче подлежит *запись речи* (записанный устный текст), которая при типографском ее опубликовании выступает *в форме письменного текста* — продукта осуществляемой археографом эдичии. Если обозначать термином «текст фонодокумента» воспроизводимую эдитором запись речи аудиоИД, то возникает необходимость *различать терминологически* воспроизводимый и воспроизведенный им текст ИД. Впрочем, сегодня возникло новое направление в археографии — электронная (технетронная, дигитальная) археография, изучающая электронные публикации ИИ и организацию доступа к ним. А в ней объектом выделены лишь *письменные* ИИ, опубликование аудио- и видеозаписей *выносятся за ее пределы* [2]. Что подтверждает правоту тех ученых, которые ограничивали объект эдичии ИД письменными ИД. Если не обращать внимания на упомянутое обозначение п. 153 Правил 1990 г., то все равно возникает необходимость различать терминологически передаваемый и переданный эдитором текст публикуемого ИД.

Рассмотрим использование понятий, обозначаемых термином элементом «текст», а также понятий, обозначающих стадияльные формы создания произведения и документа, в Рекомендациях 2012 г. [3], 2014 г. [4] и 2016 г. [5] на основе понятийного аппарата смежных с археографией дисциплин, а также в сравнении с нормативно-методическими разработками, вышедшими в советское время. В дискурсе археографии для обозначения компонентов публикуемого ИД часто употребляются термины «текст, содержание ИД». Такое обозначение не унифицировано, например, в Рекомендациях 2012 г. употребляются

параллельно термины «текст ИИ», «текст ИД». В Рекомендациях 2014 г. используется маргинальный термин «текстовое содержание документа». В области источниковедческой компьютерики наряду с терминами «текст, содержание ИД» употребляются и термины «текст, содержание исторического памятника». При этом термин «исторический памятник» сам по себе нуждается в экспликации, затрудняемой тем, что любой из выбираемых к нему экспликатов также не уточнен в достаточной степени. Несомненно, что денотат данного термина «уже» денотата термина «ИД». Следует иметь в виду, что его употребляют и в значении «исторического текста», рассматриваемого «преимущественно под углом зрения эволюции и семантического богатства его лексики» [6] (а такому значению соответствует термин «памятник письменности»), а термин «публикация ИД» не охватывает публикацию памятников письменности (они осуществляются в конкретно-лингвистических, а не конкретно-исторических целях). Тем не менее, непротиворечивая унификация отсутствует в других отраслях деятельности, терминология которых подвергается упорядочению. В издательском деле употребляются термины «содержание произведения» (из него приемлемо выводить при стандартном моделировании произведения, что второй компонент произведения — его текст), «содержание текста». В документоведении термин (а также терминологический элемент) «содержание документа» полисемичен, он имеет значение не только семантического содержания документа. В археографии востребовано именно такое значение для термина «содержание ИД». Уточнение в археографии понятий, термилируемых как «текст ИД, содержание ИД», необходимо для четкого осуществления практической деятельности — эдиции ИД (а именно таким термином минимум обычно ограничиваются в нормативно-методической литературе). При этом такое уточнение *невозможно* без проведения и учитывания корреляции базисных понятий в междисциплинарном поле. Сложность употребления термина «текст ИД» в археографии в том, что в издании ИД представляется публикуемый знаконтинуум (текст) ИД, отличающийся от взятого в качестве объекта эдиции в аспекте передачи текста. В этой связи во избежание противоречий необходимо терминологически различать «публикуемый, передаваемый текст ИД» — текст ИД, взятый в качестве объекта эдиции; и «опубликованный, переданный текст ИД» — текст ИД, вводимый в оборот в результате эдиции (он отличается от текста (экс-документа, нарративного материала и иного продукта деятельности, передающего информацию), взятого в качестве объекта эдиции *изменениями, привносимыми археографом*). Релевантно этому передаваемый с разночтениями текст ИД востребовано обозначать как «гипертекст передаваемого, публикуемого ИД» (исходя из трактовки гипертекста не только текстом, содержащим перекрестные ссылки в параллельных текстах, а и текстом, отсылающим к примечаниям, приводящим разночтения в разных текстах произведения (документа)). Исходя из того, что в Рекомендациях 2014 г. (и в Рекомендациях 2016 г., дублирующих их терминопотребление) также употребляются термины «содержа-

ние ИД», и «текст документа», обозначающий в большинстве случаев передаваемый ретроэдитором текст ИД, в котором «документ» — сокращение «ИД». И вместе с этим в них употребляется немотивированный не столько в силу противоречивости, сколько маргинальности термин «текстовое содержание документа».

В Рекомендациях 2012 г. способ передачи текста ИД, совмещающий дипломатические (сохранение авторской пунктуации, цифр и др.) и критические приемы передачи текста (раскрытие аббревиатур, реконструкция букв, слов, фрагмента текста и др.), обозначается различно: «побуквенный способ шрифтового набора», «побуквенный шрифтовой набор оригинального текста». Следует иметь в виду, что передача текста включает не только набор букв. Терминоэлемент «оригинальный текст» расплывчат. В [7] мы оцениваем «немотивированный» и связанный с ним термин «правила побуквенной печати», коррелятивный термину «побуквенная печать». В Рекомендациях 2012 г. используется и термин «научная обработка печатного текста», раскрываемый недостаточно ясно: «напечатание текста источника, его исследование и осмысление». Несоразмерно этому в раздел «Научная обработка печатного текста» включаются процедуры (отмечание формата рукописи, общего ее объема и др.), относящиеся не к передаче текста, представляющие собой «описание главных внешних и внутренних черт» ИИ, а также размещение ИД в издании. Обработка текста в процессе ретроэдиции предстает главным образом оформлением его эдитором. Терминоэлемент «печатный» неточен (исходя из выделения в документологии видами напечатанных ПДЗИ машинописных, принтерных, ротапечных, печатных (полиграфических) ПДЗИ). Мотивированным взамен его был бы терминоэлемент «письменный».

В Правилах 1990 г. используется термин «выбор текста документов», соответствующий «широкой» трактовке документа и редукции понятия произведения к понятию документа. Он неточен, учитывая, что нередко выбор отсутствует (выявлен один-единственный источник текста). Выбирается *основной* текст произведения. Причем, в основу издания законодательных актов феодального периода не обязательно берется ранний список, а нередко «лучший», т. е. наиболее полно сохранившийся. «Остальные приводятся в вариантах». Исходя из того, что «может получиться так, что поздние списки окажутся ближе к подлиннику, чем ранние» [8, с. 35]. Сам по себе выбор основного текста осуществляется на основе изучения источников текста, внутренней критики ИИ. Причем, итогом его может быть установление оригинала (подлинника) документа. В Правилах 1956 г. термины «выбор, передача текста документов» употребляются в качестве меронимов к термину «установление текста документов» [10]. Однако рассмотрение передачи текста его установлением неадекватно, уже учитывая, что текст нередко репрезентируется без установления его источников.

Раздел 3 «Выбор и передача текста» Рекомендаций 2014 г. открывается стилистически нерелевантным «общим положением»: «понятие «основного текста» применительно к ИД разных групп (официальных, дипломатических, неофициальных, писем, листовок, стенограмм; документов, переданных по телефону, телетайпу, радио и др.)». Понятие невозможно применить к ИД, оно формируется и используется для описания, объяснения, предвидения явлений и пр. Правила 1990 г. требуют: «при выборе основного текста *издаваемого* документа должны быть привлечены в качестве источников текста все имеющие самостоятельное значение тексты этого документа...» (курсив наш. — Ю. Н.). Излагать точно о выборе основного текста опубликования ИД. В археографии и текстологии усечением «источник текста» обозначают разные понятия. В текстологии им обозначают тексты *литературного произведения*, история которого исследуется, а также «материалы, связанные с историей написания и возникновения произведения». Сравнительно-литературоведческий анализ всех известных источников текстов произведения и по истории создания его необходим текстологу для «создания критического текста классического произведения» [9]. В археографии лексема «источник текста» употребляется по отношению не только к произведениям, но и к иным продуктам интеллектуального производства, которые включают не произведение, а интеллектуальный продукт, возникший в результате не творческой деятельности, а действий по шаблону. Археограф осуществляет не критику текста произведения, а критику ИИ. Его анализ источников текста ИД направлен на *передачу текста ИД*, выбранного в качестве основного (его объектом может послужить и произведение, историю которого исследует текстолог, но археограф рассматривает его в качестве ИИ, т. е. объекта, служащего источником для формирования знаний о прошедших событиях, процессах, явлениях общественной жизни). При этом п. 66 Правил 1990 г. нормирует: «В качестве основного текста документов раннего периода берется текст подлинника». Термин «публикация текста подлинника» исключает употребление термина «публикация текста ИД». В такой ситуации такую норму точнее излагать, совмещая терминологию документоведения и литературоведения: о публикации ИД по публикуемому подлиннику ИД, об опубликовании текста ИД по передаваемому аутентичному тексту произведения, являющегося прографом, антиграфом и пр.

Рекомендации 2014 г. гласят: второй принцип выбора основного текста ИД для издания «заключается в том, что археограф, равно как и текстолог, должен изучить историю текста, а потом его издавать, а не наоборот, сперва издавать, а потом по этому изданию изучать историю текста ИД» (данное положение внесено и в Рекомендации 2016 г.). Данное положение выходит за пределы методики частного характера, оно общеметодическое, методологическое. Новым здесь в сравнении с выходящими в советское время Правилами эдичии ИД выступает напоминание о необходимости текстологической работы в процессе эдичии ИД, без оговаривания, что это касается подготовки научных пуб-

ликаций ИД и осуществляется по отношению к ИД, имеющего более одного источника текста. Несомненно, формат методических рекомендаций предполагает меньший объем требований и изложения норм, чем в Правилах издания. Тем не менее, в Рекомендациях 2014 г. и 2016 г. уменьшение объема норм сопровождается *утрированным* их изложением.

Первый принцип выбора основного текста ИД для издания в Рекомендациях 2014 г. и 2016 г. сформулирован не достаточно соразмерно: «даже несмотря на его [текста ИД. — Ю. Н.] опубликование в официальном издании (для первых двух групп) обязанностью археографа является сверка его аутентичности с оригиналом, дабы избежать тиражирования неточности в передаче текста». Оборот «обязанность археографа» не «звучит» весомо, поскольку рекомендации лишь нацеливают на выполнение вносимых в них требований. Хотя в Рекомендации 2016 г. внесен текст приказа Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь «Об утверждении Методических рекомендаций по публикации юридических документов и материалов по истории Беларуси конца XVIII — началу XX ст.», прагматический аспект его принятия неясен (приказ не обязывает сотрудников архивной службы Республики Беларусь выполнять положения Рекомендаций, пусть это его принятием и подразумевается). «Сверка аутентичности текста ИД» — явно «сокращение смысла». В соответствии с понятийным аппаратом текстологии и издательского дела следует излагать о сверке подготовленного к опубликованию текста с аутентичным текстом — наиболее выверенным и точным текстом произведения. Методическая норма, внесенная в Рекомендации 2014 г. о публикации законодательных актов и дипломатических документов по официальным изданиям с учетом целесообразности сверки с подлинниками (и ратифицированными текстами), представляется идеологическим наследием советской археографии. Она предохраняет от возможного опубликования идеологически «невыгодного» содержания.

В соответствии с понятийным аппаратом источниковедения следует излагать о соответствии подготовленного текста первоисточнику. В соответствии с понятийным аппаратом документоведения следует излагать о сверке с исправленным текстом оригинала документа. Сверка подготовленного в процессе эдичии исторического текста с оригиналом не является принципом выбора основного текста. Третий принцип выбора основного текста ИД для издания Рекомендаций 2014 г. и 2016 г. гласит: «Недопустимость ни под каким видом контаминации текста, суть которой заключается в смешении нескольких редакций и вариантов текста одного и того же документа и создании на их основе сводного, якобы «улучшенного» текста». Такое категоричное требование прямо противоречит п. 69 Правил 1990 г., не распространявших правило недопустимости смешения текстов разных редакций и вариантов на «научно-исследовательскую работу по реконструкции текста утраченных документов». Из этого вытекает, что составители Рекомендаций 2014 г. и 2016 г. допускают текстологическую

работу в рамках эдиции ИД в «урезанном» виде. Не вполне соразмерно употреблен и термин «контаминация текста» в значении «смешения нескольких редакций и вариантов текста одного и того же документа». Учитывая, что в текстологии (в том числе, в «Энцыклапедыі літаратуры і мастацтва Беларусі») им обозначают «соединение текстов разных редакций или списков одного произведения», ведущим к созданию «нового текста, который ранее не существовал» [курсив наш. —Ю. Н.]. Такое соединение текстов предполагает реконструкцию оригинала. В ее рамках оно не является смешением. Вне его рамок оно является смешением, но в этом случае термин «контаминация» излишен. Наряду с термином «история текста» в Рекомендациях 2014 г. и 2016 г. употребляются термины «творческая история документа, текста». Причем соотношение их и объема, и содержания остается неясным. В Рекомендациях 2014 г. и 2016 г. использованы и лексемы «творческий материал, творческое произведение», в том числе и в качестве обозначения эквивалентных понятий. Хотя последняя лексема в качестве термина *плеоназмична* (для понятия произведения признак — быть результатом творчества — является существенным отличительным). Анализ изложения основных положений выбора, передачи, критики текста ИД в отечественных методических рекомендациях по эдиции ИД показывает на необходимость оптимизации терминов практической деятельности — эдиции ИД в обобщающих ее опыт методических разработках на основе знаний терминоведения и смежных с археографией дисциплин.

Составители Рекомендаций 2014 г. и 2016 г. игнорируют ГОСТ Р 7.06-2002. В противном случае они не употребляли бы термин «тенденциозные примечания». Тенденциозны по характеру именно *комментарии*. В рекомендациях не только термин «примечания» употребляется в значении комментариев, но и, наоборот, референт термина «примечания» охватывает частично референт, который присущ (в соответствии с ГОСТ Р 7.06-2002) термину «комментарии», например, «пояснение исторических событий». Утверждается, что «примечания по содержанию условно подразделяются на источниковедческие, исторические, филологические (лингвистические, литературоведческие)». «Условность» предполагает произвольность деления понятия; между тем, и в издательском деле, и в текстологии производятся классификации комментариев. В Рекомендациях 2014 г. употребляется и термин «комментарий документального издания», и его усечение, причем, учитывая нечеткое различие комментариев и примечаний, значение их расплывчато. Например, в методположении: «обоснование атрибуции оговаривается в комментариях». В Рекомендациях 2014 г. не прослеживается понимание соотношения понятий комментариев и вспомогательных указателей. На это показывает методположение подраздела «Указатели. Общие положения: ««аннотированные указатели» могут выполнять *функции комментариев*» [курсив наш. —Ю. Н.]. Несоразмерными предстанут пояснения, сделанные к данному методположению: «аннотация — краткие справочные сведения о составляющем рубрику имени, предмете, явлении,

дающие более полное представление о нем или позволяющее его идентифицировать», «рубрики — имена, предметы и явления, включенные в указатель — ставятся в именительном падеже, обычно единственного числа». Здесь смешены понятия аннотации и аннотированного вспомогательного указателя. На это показывает терминология ГОСТ Р 7.06-2002. «рубрика» в издании — «структурно-композиционная единица текста издания, типографически выделенная и, как правило, имеющая собственный заголовок», а «аннотация» — «производное произведение, содержащее краткую характеристику документа, поясняющую его содержание, назначение, форму и другие особенности». В Рекомендации 2014 г. внесено и пожелание-методположение: «желательно разделять текстуальные примечания и примечания по содержанию», «первые оформлять как подстрочные». Для того чтобы их разделять, для начала нужно их соединить. Из пояснения: «подстрочные примечания связываются с текстом документа при помощи знаков сноски», вытекает *не различение примечания и сноски* как элементов аппарата издания. В Рекомендациях 2014 г. термины «примечания, комментарии по содержанию» употребляются синонимично, что соответствует времени формирования терминологии эдиции, когда корреляции понятий внимание не уделялось. В них утверждается, что «текстуальные примечания выступают ярким показателем текстологической работы издателя в процессе подготовки документов к публикации». «Издателем» здесь именуется ретроэдитор, археограф, публикатор. «Показатель яркости работы» остается пустой фигурой речи. К тому же текстологическая работа охватывает «венчающую» ее практическую реконструкцию произведения, осуществляемую в том числе с восстановлением утраченных мест его текстов (она отражает осуществляемую в процессе исследования истории текста «теоретическую реконструкцию» замысла автора), научно-исследовательская значимость которой наиболее весома. В приведенном утверждении проявилось не столько утрирование сути текстологической работы, сколько игнорирование предметной формулы текстологии, неразличение ее теоретических и практических задач. Основная научно-исследовательская задача текстологов — изучение истории литературного произведения и критика его текстов. Основная их научно-практическая задача — «создание критического (научно установленного) текста классического произведения» [9].

В Рекомендациях 2014 г. приемом научно-критического метода публикации ИД приводится воспроизведение разночтений. Оно «допускается при наличии двух равнозначных экземпляров документа или делопроизводственного и печатного текстов, в которых имеются важные смысловые различия». Хотя функционировавшие с применением печатной машинки в делопроизводстве результаты документирования — преимущественно печатные документы. Под «печатным текстом», по-видимому, подразумевается не документированная копия служебного документа. «Важность» семантических различий текстов — параметр, устанавливаемый произвольно (в отличие, например, от параметра

существенности идейного расхождения).оборот «равнозначные экземпляры документа» маргинален. В Рекомендациях 2014 г. несоразмерно излагается о «публикациях документа, содержащих разночтения с публикуемым текстом». Выверяя изложение на основе соразмерения объема понятий, точным будет излагать о публикациях ИД, включающих переданный текст, имеющий разночтения с основным текстом публикуемого ИД по иному источнику текста. В Рекомендациях 2014 г. внесено методическое положение, в котором термин «элемент» обозначает расплывчатое понятие (неясно, по отношению к чему он употребляется), немотивирован: «личная подпись и элементы, написанные непосредственно рукой подписавшего, выделяются курсивом». Неадекватно излагать о выделении курсивом личной подписи ИД, им выделяется результат *передачи* ее в публикации ИД. В Правилах 1990 г. (п. 121) употребляется оборот «фамилия лица, подписавшего документ», а в Рекомендациях 2014 г. и 2016 г. оборот «фамилия личной подписи». В Рекомендации 2014 г. внесено методическое положение: «расшифровка подписи не воспроизводится, если она совпадает с личной подписью, и воспроизводится, если она не совпадает, с обязательным текстуальным примечанием». Из изложения заключаем, что в них смешены понятия подписи и росписи.

В Рекомендациях 2014 г. и 2016 г. в раздел 7 «Структура документального издания» внесены подразделы «расположение структурных частей издания» и «систематизация публикуемых документов». Это приемлемо истолковывать включением в структуру публикации принципа систематизации ИД. Тем не менее, в них словосочетание «структура документального издания» служит лишь наименованием раздела, но как термин не употребляется. В них внесено методическое положение: «расположение структурных частей публикации ИД определяется ее типом и формой», но изложение о порядке расположения частей ретрозидиторского издания необходимо охватывает и выделение состава ретрозидиторского издания. На недопонимание сущности структуры показывает и употребление в них оборота «структура расположения текста оригинала». Ему соответствует уже иное понимание структуры, нежели редукция структуры к расположению частей. «Загадочно» выглядит в Рекомендациях 2014 г. оборот «использование текстового набора».

В Рекомендациях 2016 г. вслед за Рекомендациями 2014 г. по отношению к историческому тексту (тексту ИД), составляющему «документ творческого характера и листь»? (надо хотя бы: нарративные, эпистолярные ИД) употребляются термины «автограф», «рукописный автограф», «авторизованная рукопись», «авторизованная машинопись» (в тексте методических значится: «авторизованная машинопись или рукопись»), но учитывая, что беловая рукопись подразделяется на автограф и авторизованную рукопись, очевидно, что подразумевается «авторизованная рукопись»). По отношению к служебным документам употребляются термины «черновой, беловой автограф» (при этом в рекомендациях не уточнено, что изложение в них ведется о данном виде докумен-

тов: употребляется неопределенно термин «документ»; хотя об этом можно догадаться из перечисления разрядами документов наряду с черновым и беловым автографом также оригиналов, заверенных копий, копий и др.). По отношению к собственноручной подписи употребляются термины «реальная подпись-автограф» (использование онтологического термина «реальный» здесь в качестве терминологического неуместно). Если придерживаться распространенной в текстологии, палеографии, архивоведении трактовки рукописи рукописным либо машинописным текстом, то в этом случае машинописный автограф — нонсенс. Тем не менее, в этом случае термин «рукописный автограф» в терминосистеме излишен, поскольку противоречив (тавтологичен). Если не придерживаться данной трактовки, допуская идентификацию автографом и правленного автором произведения (составителем документа) текста (и даже документа с таким правленным текстом, например [12]), исходя из взятия референтом термина «автограф» письменного текста вкупе с подписью, то в этом случае понятие правленного и/либо подписанного автором произведения (документа) соразмерно терминировать «машинописный автограф». А машинописный текст, лишь подписанный автором, соразмерно терминировать «авторизованная машинопись». В текстологии употребляется термин «беловой автограф», для которого принято значение «автографа, отражающего завершающий этап авторской работы над рукописным вариантом текста произведения» [9]. Использование отечественными археографами антонимов «черновой, беловой автограф» не только в литературоведческом значении (для обозначения авторского (рукописного) текста произведения, соответственно созданного с пометками, зачеркиваниями и т. д., и его, переписанного начисто), а и для описания стадий создания служебных (управленческих) документов является *новым* для отечественной науки (тем самым, нуждается в обосновании в научном дискурсе). В Правилах 1990 г. (п. 222) вслед за распространенными в документоведении классификациями различаются при обозначении степени аутентичности ИД («подлинности документа») с охватом стадийности: черновик, беловик, автограф документа. При этом не обращается внимания, что включение в *одну терминосистему* терминов «рукописный, черновой, беловой автограф» противоречиво. Выделение чернового и белового автографа в качестве разрядов классификации служебных (управленческих) документов противоречит распространенной в документоведении классификации «автографа» видом подлинника рукописных письменных документов, с наделением понятия не только признаком авторизованности, но и авторской правки (т. е. признаком иного понятия — авторского текста (произведения)): «документ, написанный или исправленный (например, после перепечатки) рукой автора» [11, с. 7]. Учитывая, что документ может иметь бланк, отпечаток печати, такое употребление неадекватно. Учитывая, что «автор документа» не только в документоведении, но и в археографии трактуется «группой лиц ... и одним или группой учреждений, предприятий и организаций или структурной частью учреждения, организации,

предприятия» (п. 200 Правил 1990 г.), такое употребление несоразмерно. Оно порождает маргинальное конституирование автографа стадией создания документа, возникающее вследствие контаминации понятий стадии создания служебного документа и произведения. С одной стороны, использование гиперонима «автограф» в представленной в Рекомендациях 2014 г. и 2016 г. системе терминов означает синтезирование результатов деления понятий, которые логически приемлемо определять *не сравнимыми* (поскольку и в том случае, если для понятий текста произведения и документа не выделен логический род). С другой, поскольку и если выделение чернового и белого автографа производится для описания стадийальных форм служебных (управленческих) документов, то в наличии смешение разных оснований деления понятий. В этом случае оно может означать лишь выделение черновика и беловика *проекта* документа, собственноручно написанного/правленного *составителем (не автором)* служебного (управленческого) документа. В том случае, если выделение составителя документа не прозрачно, то непродуктивным (несоразмерным) представляется и выделение черновика и беловика служебного (управленческого) документа.

Введенные в оборот БелНИИДАД Рекомендации 2012 г., 2014 г., 2016 г., *несмотря на малый срок*, отведенный составителям для их подготовки, и вызванные главным образом этим обстоятельством (вышеизложенные) недостатки таксономического, стилистического характера свидетельствуют о *результативной* деятельности ученых БелНИИДАД. *Своевременно* обеспечивают практику эдиции ИД в Республике Беларусь. В дальнейшей нормативно-методической работе следует уделять внимание точному раскрытию и использованию понятий, приобретающих в рамках археографии определенную специфику. И прежде всего, понятий с терминологическим элементом «текст». В терминосистеме археографии следует *терминологически* различать «публикуемый, передаваемый текст ИД» — текст ИД, взятый в качестве объекта эдиции; и «опубликованный, переданный текст ИД» — текст ИД, вводимый в оборот в результате эдиции. При осуществлении эдиции ИД следует различать публикуемый эдитором текст литературного произведения. И публикуемый им текст экс-служебного документа, экс-законодательного акта, при описании которых неадекватно использовать одинаковые понятия. Данные различия позволяют избежать совпадения понятийного аппарата археографии и литературной текстологии. Они востребованы и при составлении методического пособия по археографии и литературной текстологии, и при составлении Правил и Рекомендаций по публикации ИД.

Литература и источники

1. Правила издания исторических документов в СССР. — М.: Главное архивное управление при Совете министров ССР, 1990. — 188 с.
2. Папакін, Г. В. Електронна археографія: новітній напрям строї науки її, складові та стан досліджень / Г. Папакін // Бібліотекознавство. Документознавство. Інформологія. — 2012. — № 2.

3. Метадзнычныя рэкамендацыі па публікацыі польскамоўных дакументаў XVI—XIX стст. / склад. А. І. Шаланда. — Мінск: БелНДДАС, 2012.
4. Методические рекомендации по публикации документов и материалов по истории Беларуси 1917—1991 гг. — Минск: БелНИИДАД, 2014.
5. Метадзнычныя рэкамендацыі па публікацыі кірылічных дакументаў і матэрыялаў па гісторыі Беларусі канца XVIII — пачатку XX ст. / склад.: В. С. Пазднякоў, М. Ф. Шумейка. — Мінск: БелНДДАС, 2016.
6. L'histoire medievale et ordinateurs. — Munchen, 1981.
7. Несцяровіч, Ю. В. Ред. на изд.: Метадзнычныя рэкамендацыі па публікацыі польскамоўных дакументаў XVI—XIX стст. // *Архіварыус*. — Вып. 10.
8. Методическое пособие по археографии. — М.: ГЛАВАРХИВ, ВНИИДАД, 1990. — Ч. 1.
9. Омелянчук, С. П. Текстология: уч. пос. — М., 2002 // www.hi-edu.ru.
10. Правила издания исторических документов. — М., 1956.
11. Кузнецова, Т. В. Подлинники и копии документов // *Секретарское дело*. — 2003. — № 10.
12. Рыбаков, А. Терминология в сфере делопроизводства и архивного дела: понятия «подлинник документа», «подлинник официального документа», «официальный документ» // *Архивы и делопроизводство*. — 2016. — № 4.

Артыкул напісаны ў рэдакцыю 19.03.2018

ПОСТАЦІ

*Н. В. Воронова***ВАЛЕРИЯ ГАВРИЛОВНА ГЛУШКО (08.06.1918—28.08.2000)**

Более двадцати лет, с 1952 г. по 1974 г., Валерия Гавриловна Глушко заведовала партийным архивом Витебского обкома КПБ. Назначению на эту должность предшествовал продолжительный стаж педагогической, комсомольской и партийной работы в Кировской области РСФСР. В 1945 г., в то время еще Смирнова, Валерия Гавриловна была направлена на работу в Витебск, с которым и связала дальнейшую судьбу.

Родилась Валерия Гавриловна в г. Кострома. Ориентированность на активную общественную и партийную работу она, вероятнее всего, унаследовала от отца Гавриила Павловича, который, будучи крестьянином по происхождению, в 1919 г. вступил в ряды ВКП(б) и полностью погрузился в партийную работу, а после Великой Отечественной войны возглавлял в г. Кирове обком Союза работников госучреждений.

Школьные годы Валерии Гавриловны прошли в г. Юрьев-Польский Владимирской области, там же в 1933 г. она вступила в члены ВЛКСМ. В 1934 г. семья Смирновых переехала в г. Киров, где в 1935 г. Валерия Гавриловна поступила на педагогический рабфак. Дальнейшую учебу продолжала уже в Кировском пединституте на факультете русского языка и литературы, который окончила в 1940 г.

В марте 1940 г. Валерия Гавриловна стала членом ВКП(б) и, еще будучи студенткой, была утверждена лектором отдела пропаганды и агитации Кировского обкома ВЛКСМ. По окончании института получила распределение в Пижанскую среднюю школу Кировской области.

Первый военный год Валерия Гавриловна работала пропагандистом Пижанского райкома ВКП(б), в июле 1942 г. была утверждена 1-м секретарем райкома ВЛКСМ, затем в январе 1943 г. — пропагандистом Ждановичского райкома партии г. Кирова.

В марте 1945 г. Валерию Гавриловну утверждают инструктором отдела пропаганды и агитации Кировского обкома ВКП(б), а уже в апреле направляют в Москву на 6-месячные курсы переподготовки лекторов обкомов при Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). По окончании курсов в октябре 1945 г. она и была направлена в Витебск, где начала работать лектором областного комитета КП(б)Б.

Уже в Витебске Валерия Гавриловна создала собственную семью, вступив в брак с Иваном Андреевичем Глушко, врачом-ординатором, затем доцентом Витебского ветеринарного института, в 1947 г. родила дочь Светлану. Рождение ребенка не помешало ей оставаться активным и ответственным работником областного комитета КП(б)Б.

В характеристике, данной Валерии Гавриловне Витебским обкомом КП(б)Б в ноябре 1948 г., так оценивалась ее работа в качестве лектора областного комитета партии: «Активно и умело проводила свою работу по организации партийно-политической учебы коммунистов области. Часто выступала с докладами и лекциями. В работе инициативна и настойчива, выдержана. Показала себя хорошим организатором, временно исполняя обязанности директора областных курсов партийно-советского актива (до их ликвидации). Решением бюро Витебского обкома КП(б)Б 6 ноября 1948 года ... утверждена заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации Витебского обкома КП(б)Б» [1].

В декабре 1950 г. Валерия Гавриловна Глушко утверждена секретарем первичной партийной организации Витебского мединститута, а в октябре 1951 г. направлена слушателем курсов подготовки преподавателей общественных дисциплин при Ленинград-

ском государственном университете, которые вынуждена была оставить в связи с болезнью ребенка.

Следующее назначение Валерия Гавриловна получила в январе 1952 г. — ее знания, опыт и организаторские способности были применены уже на архивной ниве в качестве заведующего партийным архивом Витебского обкома КП(б)Б. В новой должности она вновь «зарекомендовала себя дисциплинированным, выдержанным и честным работником» [2]. При этом отдельно отмечалась ее принципиальность в решении практических вопросов.

В должности заведующего партийным архивом Витебского обкома КПБ Валерия Гавриловна работала вплоть до выхода на заслуженный отдых. За период ее работы в партархиве была проведена значительная работа по приему, научной обработке и систематизации документов. Совместно с сотрудниками архива ею подготовлены материалы по истории учреждений и парторганизаций города для периодической печати и радиотрансляций.

За многолетний плодотворный труд Валерия Гавриловна Глушко награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (1945), юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970) и Почетной грамотой Верховного Совета БССР (1972) в связи с 50-летием архивного дела в БССР.

Источники

1. ГАВг. — Ф. 1-ч. — Оп. 132. — Д. 12. — Л. 10.
2. ГАВг. — Ф. 1-ч. — Оп. 132. — Д. 12. — Л. 17.

—◇—

А. Н. Годун

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИВАНА ИВАНОВИЧА ГАВРИЛОВА

В 2018 г. исполняется 100 лет со дня рождения Ивана Ивановича Гаврилова, заведующего областным партийным архивом Могилевского обкома КПБ, почти четыре десятилетия своей жизни посвятившего архивной деятельности. Родился Иван Иванович 14 мая 1918 г. в д. Троицкая Гора Середкинского района Псковской области в семье крестьян, поэтому самостоятельную трудовую деятельность, как и большинству детей крестьян, ему пришлось начать уже с девяти лет. С началом коллективизации, в 1932 г., вместе с родителями вступил в колхоз. В 1935 г. был направлен в Ленинград, где учился в Ленинградском сельскохозяйственном рабфаке, а затем работал слесарем на военном заводе. В 1938 г. был призван на службу в ряды Красной Армии. После демобилизации вернулся на работу на родной завод. В период Ленинградской блокады принимал активное участие в обороне города. С октября 1944 г. работал в Могилеве, сначала инструктором обкома партии, затем заведующим отделом культуры Исполкома городского совета депутатов трудящихся.

В мае 1958 г. был назначен заведующим областным партийным архивом Могилевского обкома КПБ. В этой должности Иван Иванович проработал более 30 лет, до октября 1978 г. Но и находясь на заслуженном отдыхе, продолжал работать в партархиве в должности инструктора до февраля 1986 г. Основное внимание все эти годы уделял сохранности фондов, пополнению архива новыми документами, совершенствованию работы с источниками комплектования. Большую помощь оказывал исследователям. Принимал

активное участие в издании и переиздании сборника «Солдатами были все», один из авторов повести «С верою в Победу», автор сборника очерков «Дела их золотом горят». Последние годы работал над сборником воспоминаний о деятельности коммунистов и комсомольцев Могилевщины в тылу врага в годы Великой Отечественной войны. Все эти годы принимал активное участие в общественной жизни области.

За многолетний добросовестный труд и большие заслуги в развитии архивного дела в 1978 г. Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР был удостоен звания «Заслуженный работник культуры БССР». Награжден медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне. 1941—1945», «Ветеран труда».

—♦—

И. П. Кухаренко

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЕРВОГО ДИРЕКТОРА ЗОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА В г. БОРИСОВЕ — ЛАРИСЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ГАНИНОЙ

О директоре первом архива
Сегодня хочется вам рассказать,
Посвящая стихи светлой памяти,
Уважения дань ей отдать.

Р. С. Клыквеа, архивист ЗГА в г. Борисове

Архивист — это уникальная профессия, существующая испокон веков.

Название «архив» появилось в русском законодательстве впервые при Петре I.

10 марта 1720 г. был опубликован подписанный Петром Великим «Генеральный документ или Устав» — первый общегосударственный правовой акт, определивший основы организации системы архивного дела.

Учреждение «Зональный государственный архив в г. Борисове» ведет свою историю с 11 ноября 1963 г., когда согласно постановлению Совета Министров Белорусской ССР от 11 ноября 1963 г. № 57 «О мерах по улучшению архивного дела в БССР» были упразднены городские и районные государственные архивы, и созданы на их базе филиалы государственных архивов областей.

Первоначально архив в г. Борисове располагался в здании бывшей тюрьмы по ул. Гоголя, 25, но в переданном архиву здании половина крыши была сломана, осадки разрушали помещение и материалы. В результате сохранность документов была обеспечена не полностью.

В 1966 г. архив переехал в подвал жилого дома по ул. Чапаева, 27. После проведения работ по ремонту и оборудованию помещения, коллектив сотрудников филиала госархива г. Борисова полностью переместил документальные материалы из старого здания бывшей тюрьмы в новое и разместил их согласно разработанной схеме.

«В работе по перемещению документальных материалов в новом здании архива проявили старание и инициативу директор филиала госархива Ганина Л. А., архивариусы Адмиралова Н. Т., Швайбович Л. С., Астапкович А. М.» — вот как об этом говорится в приказе № 36 от 25.07.1966 заведующего архивным отделом Минского облисполкома Каплюк Я.

С 2011 г. архив располагается в специализированном здании по адресу: ул. Демина, 2, которое позволяет создать оптимальные условия для хранения документов.

Первым директором филиала госархива в г. Борисове была назначена Ганина Лариса Александровна, которой в 2018 г. исполнилось бы 90 лет.

Лариса Александровна родилась 15 ноября 1928 г. в д. Колмово Ермаковского района Ярославской области. Как и все дети той поры, летом работала в колхозе, а зимой училась в школе в г. Любим, расположенном в четырех километрах от деревни. Воспитанием Ларисы Александровны занималась бабушка, так как мать умерла в 1939 г., а отец погиб в августе 1944 г., когда советские войска освобождали от немецко-фашистских захватчиков Польшу. В 1945 г. умерла бабушка и на попечении 17-летней Ларисы Александровны остались сестра (10 лет) и брат (8 лет). В 1946 г. Лариса Александровна окончила 9 классов средней школы г. Любима, впоследствии совмещала трудовую деятельность с учебой. В Калининграде окончила вечернюю среднюю школу и поступила на заочное отделение Московского государственного историко-архивного института, который окончила в 1958 г. с присвоением квалификации историка-архивиста.

В 1963 г. была направлена для работы в архивные органы Белорусской ССР.

Приказом заведующего архивным отделом Миноблисполкома № 25/л от 25.12.1963 г. Л. А. Ганина была назначена директором филиала госархива Минской области в г. Борисове.

Филиал в г. Борисове был образован на базе Борисовского городского, а также Борисовского, Логойского, Крупского и ликвидированных Плещеницкого и Холопеничского районных архивов.

Первоначальный штат работников архива состоял из 6 человек.

Перед сотрудниками только созданного архива была поставлена сложная задача — провести проверку наличия дел, а также экспертизу ценности документов, создать научно-справочный аппарат, организовать учет дел, составить список фондов, завести топографический указатель.

В центре всей работы была директор Лариса Александровна. Она лично занималась работой по учету документов, составлением исторических справок. Список фондов Л. А. Ганина составила по системам: госвласть, юстиция, промышленность, сельское хозяйство и т. д.

В 1965 г. штат работников архива увеличили на 2 работника и была принята на работу Поддубоцкая (Адмиралова) Нина Тимофеевна, которая заочно обучалась в Московском государственном историко-архивном институте (впоследствии была назначена директором архива). Поддубоцкой (Адмираловой) Н. Т. была поручена работа по усовершенствованию описей, каталогизация документов, создание системного каталога.

Из воспоминаний работников архива о первом директоре:

«Лариса Александровна — глубоко порядочный, интеллигентный, душевный и благородный человек. С ней можно было поговорить обо всем: о прочитанных книгах, событиях в мире, погоде, домашних делах, о работе на приусадебном участке. Это она меня постепенно и тактично вводила в специфику архивного дела, чему я ей безгранично благодарна (Поддубоцкая Н. Т., директор филиала госархива).

«Лариса Александровна никогда не жаловалась на судьбу, которая ее не баловала, ей не были присущи гордыня, зависть, обидчивость, она умела прощать и понимать, никогда не осуждала людей, не говорила о них плохо, принимала их такими какие они есть. За эти качества ее любили, ценили, уважали и нуждались в общении с ней» (Быкова Н. М., архивист).

«Мы знали и ценили Ларису Александровну как талантливого организатора, наставника, которая воспитала не одно поколение архивистов. Это был обязательный, принципиальный человек, с большой ответственностью относящийся к порученному делу. Ее личностные качества — отзывчивость, справедливость, постоянная готовность прийти на

помощь тому, кто в ней нуждается, оптимизм, мудрость, трудолюбие, терпеливость снискали авторитет среди работников и коллег-директоров» (Козак О. А., директор ЗГА в г. Борисове).

Высокий профессионализм, кропотливый и нелегкий труд позволил Ганиной Л. А. заложить основы развития архивного дела не только в городе Борисове, но и в Логойском, Крупском, Борисовском районах, а нынешнему поколению архивистов достойно продолжать основы развития архивного дела.

Общий стаж ее работы в архивной отрасли составляет более 40 лет, из них 20 лет она проработала директором филиала госархива в г. Борисове.

За добросовестный многолетний труд, успехи, достигнутые в развитии архивного дела в области, неоднократно награждалась Почетными грамотами Минoblсполкома (1971, 1973), Главного архивного управления при Совете Министров СССР и БССР (1978, 1983), Борисовского горисполкома (1978).

Кто-то скажет, что самый великий талант — пение, кто-то — сочинительство. Но мне кажется, это неверно. Самый великий талант на земле — это умение делиться знаниями с другими, дарить их людям. Этим талантом и обладала Ганина Лариса Александровна.

Быть рядового легче, возможно,
В кипучих, служебных делах.
ПЕРВОЮ быть очень сложно,
Во всем, везде и всегда!

Р. С. Клыкova, архивист ЗГА в г. Борисове

—◇—

Т. А. Шевченко

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЕВГЕНИЯ ИВАНОВИЧА БАРАНОВСКОГО

Евгения Ивановича Барановского можно назвать Дон Кихотом XX в. за его благородство, честь, поступки и веру в дело, которому он посвятил всю свою жизнь.

Юбилейные даты в жизни любого человека не оставляют других ассоциаций, кроме ощущения быстротечности времени.

Евгений Иванович Барановский родился 3 сентября 1938 г. в г. Бобруйске. В годы Великой Отечественной войны его семья переехала в деревню Браново Слуцкого района, а в 1944 г. — в г. Слуцк.

В 1952 г., после окончания семи классов средней школы, Евгений Иванович поступил в Слуцкое педагогическое училище, которое закончил в 1956 г. С 1956 по 1958 г. он работал учителем младших классов в Могилевском районе, с 1958 по 1961 г. служил в Советской Армии. Об этом времени своей трудовой деятельности и о службе в армии он вспоминает с теплотой. В 1961 г. Евгений Иванович поступил в БГУ им. В. И. Ленина на исторический факультет, который окончил в 1966 г.

После окончания учебы был направлен в Институт истории партии при ЦК КПБ (Истпарт), в котором работал младшим научным сотрудником, ученым секретарем и старшим научным сотрудником. Именно в этот период он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Деятельность Коммунистической партии Белоруссии по осуществлению ленинской национальной политики в 1921—1925 гг.». В Истпарте Е. И. Барановский занимался вопросами национальной политики, национально-государственного строительства Беларуси. Позже была рассмотрена и

утверждена тема его докторской диссертации «Осуществление Компартией Белоруссии ленинской национальной политики (1921—1941 гг.)». Но, к сожалению, защита докторской диссертации так и не состоялась.

В эти годы Евгений Иванович очень много публикуется, и с 1968 г. становится постоянным корреспондентом газеты «Звезда». Является автором и соавтором многих монографий. Как человек увлеченный, честный и справедливый, он много времени уделял общественной работе (был секретарем партийного бюро партийной организации Истпарта). По мнению Евгения Ивановича, этот период его деятельности был одним из самых творческих и плодотворных.

В 1980 г. решением секретариата ЦК КПБ его перевели на работу в отдел науки и учебных заведений ЦК КПБ, а в 1989 — в идеологический отдел, где он много сил и внимания уделял проблемам совершенствования деятельности партийных организаций, патриотическому и интернациональному воспитанию, а так же вопросам подбора и расстановки кадров. В должности инструктора он оказывал практическую помощь учебным заведениям в подготовке зарубежных специалистов. Как политик он считал, что ведущее место в государственной политике и происходящих изменениях в обществе занимает образование, как одна из важнейших сфер развития личности. Перечень его публикаций и статей позволяет сделать вывод о том, что тема национального образования не оставляла его равнодушным. И в дальнейшем, работая в архиве, Евгений Иванович занимался выявлением документов, которые вошли в сборник «Формирование школьного образования в Беларуси (1917—1991 гг.)».

В то же время он не оставлял без внимания историческую науку. Исследование истории Минского патриотического подполья и роли в нем его руководителя — Ивана Кирилловича Ковалева, надолго определили дальнейшую судьбу Евгения Ивановича. В 1989 г. эта тема привлекла его в архивы Германии (Берлин, Потсдам, Вольфен). Восстановление правды о судьбе Ковалева И. К., полной его реабилитации как человека и подпольщика, ликвидация так называемых «белых пятен» в истории Минского подполья и БССР в целом стало делом всей его жизни. Исследование правдивых историко-документальных источников о мужестве минчан в годы гитлеровской оккупации легли в основу статьи «Низвержение обвинительного уклона» (1996), в план-проект «Долгая жизнь одной провокации» и другие работы.

В сентябре 1990 г. Евгений Иванович был назначен директором Центрального партархива КПБ, который в декабре 1991 г. перешел в распоряжение Главархива Беларуси. Как историк, архивист с 1990 г. он был включен в состав Республиканской комиссии по делам бывших партизан и подпольщиков.

В 1992 г. Евгений Иванович был назначен директором Центра документов общественных объединений и организаций Национального архива Республики Беларусь, в котором хранились документы ЦК КПБ, ЦК ЛКСМБ и комплекс документов Белорусского штаба партизанского движения. И в этот период он также продолжал работу над темой Минского подполья.

В должности генерального директора Национального архива, созданного на основе объединения Центрального партийного архива с Центральным государственным историческим архивом он проработал с ноября 1992 г. по апрель 1995 г. По воспоминаниям работников архива Евгений Иванович был прекрасным организатором, увлеченным и увлекающим своими идеями других, ответственным и принципиальным человеком, который пытался сделать мир лучше и справедливее, пользовался заслуженным авторитетом и уважением.

Вплоть до 2006 г. Евгений Иванович работал в должности ученого секретаря, ведущего научного сотрудника Национального архива, созданного на основе присоединения ЦПА КПБ к Белорусскому государственному архиву.

В период своей деятельности в Национальном архиве он специализировался на исследовании вопросов истории Беларуси периода Великой Отечественной войны, истории архивного дела. Но особое место в его исследованиях, как и прежде, занимало Минское подполье. Как историк, он проявляет особый интерес к организации использования архивных документов. В должности ученого секретаря Е. И. Барановский принимал участие в работе комиссии Национального архива по рассекречиванию документов.

При всей своей занятости Евгений Иванович на протяжении многих лет возглавлял Белорусское общество архивистов (1999—2008 гг.). В этот период своей деятельности вместе с Селеменевым В. Д. поднимал вопросы о заработной плате архивистов, о статусе и роли архивов в государстве и обществе, архивистов в исторической науке.

Барановский Е. И. — автор более 10 книг. В 1995 году, к 50-летию окончания Великой Отечественной войны, под его руководством была издана документальная книга «Мінскае антыфашысцкае падполле». Евгений Иванович принимал активное участие в работе «круглых столов» по актуальным проблемам белорусской историографии, является автором многочисленных статей и публикаций.

С большим уважением и теплотой о Евгении Ивановиче отзывалась минская подпольщица Калинина Мария Николаевна, которая делилась с ним своими воспоминаниями о встрече с Болеславом Берутом (будущим Президентом Польши), который в годы Великой Отечественной войны находился в г. Минске.

Как преподаватель, Евгений Иванович многие годы сотрудничал с БГУ, БГУИРом, Институтом парламентаризма и предпринимательства, передавая свои знания студентам.

Евгений Иванович Барановский награжден Почетной грамотой Верховного Совета БССР (1988), юбилейной медалью «60 лет Победы в Великой Отечественной войне. 1941—1945» (2005). За участие в работе по военно-патриотическому воспитанию молодого поколения он был награжден Почетными грамотами государственных органов и общественных организаций.

Можно продолжать перечислять его должности, звания и сферы научных интересов, но это не главное, главное состоит в том, что за всем этим стоит кропотливый труд настоящего ученого, который вылился в авторские монографии, научные статьи и документальные издания.

Тяга к знаниям, настойчивость, упорство, последовательность в достижении поставленной цели является особой чертой его характера. Доброжелательность, интеллигентность, твердость и чувство собственного достоинства снискали любовь и уважение не только сотрудников Национального архива, но и многих других организаций. Его уверенность и внутренняя сила всегда помогали найти правильные пути и методы решения поставленных задач.

Уважаемый Евгений Иванович! Сотрудники Национального архива Республики Беларусь от всей души поздравляют Вас с юбилеем! Здоровья, счастья, бодрости духа, неиссякаемой энергии, реализации самых смелых замыслов и успехов в труде во имя сохранения историко-документального наследия и процветания нашего Отечества.

ДА 70-ГОДДВЯ РУСЛАНЫ ІВАНАЎНЫ ГРЫШКО

Руслана Іванаўна Грышко належыць да старэйшага пакалення навагрудскіх архівістаў, за гады працы якіх адбылася станаўленне і развіццё гэтай галіны ў нашым горадзе. У гэтым годзе архіў адзначыць 55-гадовы юбілей, а стаж працы Русланы Іванаўны ў архіве складае 47 гадоў.

Нарадзілася Руслана Іванаўна 16 студзеня 1948 г. у вёсцы Бернатаўшчына Дзяглыскага раёна Гродзенскай вобласці ў сялянскай сям'і і любоў да сялянскай працы захавала на ўсё жыццё. Скончыўшы добра школу, яна не стала прадаўжаць вучобу, бо, як старэйшая ў сям'і, імкнулася хутчэй «на свой хлеб», каб падтрымаць бацькоў. Таму прыехала ў суседні Навагрудак і ўладкавалася афіцыйна ў рэстаран. Старанну і адказную дзяўчыну хутка заўважылі і прапанавалі працу ў архіве. Так 6 мая 1969 г. Руслана Іванаўна стала архівістам: напачатку архіварыусам гаспадарчай групы, потым навуковым супрацоўнікам, а далей загадчыцай фондаў.

Архіў у той час з'яўляўся адносна маладой устаноў, якая размяшчалася ў будынку царквы Св. Барыса і Глеба. Узначальваў установу Дзмітрый Пятровіч Нарановіч. Строгі і справядлівы, папрабавальны найперш да сябе, дырэктар і ад іншых папрабаваў дысцыпліны і разумення справы, якой займаецца. У зону камплектавання архіва ўваходзілі чатыры раёны, таму работнікі гаспадарчай групы ўвесь час былі ў раз'ездзе: праводзілі экспертызу каштоўнасці, апрацоўвалі справы на месцах, вандруючы па калгасах і сельсаветах. У архіў вярталіся набраць вопісы — і зноў у камандзіроўку.

З цягам часу Руслана Іванаўна завочна закончыла Навагрудскі саўгас-тэхнікум па спецыяльнасці агранамія, выйшла замуж, нарадзіла двух дзетак і па-ранейшаму працягвала працу ў архіве. Паколькі штат архіва быў невялікі, то за час працы яна ў розныя часы выконвала і добра ведала ўсе віды архіўнай дзейнасці.

У 1976 г. Грышко была пераведзена на пасаду захавальніка фондаў, пазней яна працавала архівістам першай катэгорыі, адказным за забеспячэнне захаванасці дакументаў. І сапраўды, доўгія гады фонды нашага архіва былі ў надзейных руках.

У 1995 г. архіў пераехаў у новы, спецыяльна пабудаваны будынак. Архівісты, каму даводзілася браць удзел у перамяшчэнні фондаў, добра разумеюць, якая гэта складаная і адказная справа — перавезці дакументы, размясціць іх, правесці праверку наяўнасці. Навагрудскія архівісты справіліся паспяхова, хоць і не абыйшлося без цяжкасцей. Вернікі папрабавалі вяртання храма і настроены былі рашуча, але работнікам архіва хапіла мудрасці і цяперня ў той нялёгкай час.

На рахунку Грышко дзсяткі тысяч прынятых у архіў, выддзеных работнікам архіва і наведвальнікам чыгальнай залы, адрамантаваных, перашытых спраў. Яна ведала на памяць усе (амаль тысячы) нумары фондаў, састаў дакументаў, усе назвы вёсак і сельсаветаў, калгасаў, якія ўваходзілі ў зону камплектавання архіва. Гэта быў самы галоўны наш «даведнік» у архіве, як часам мы жартавалі. Пры гэтым Руслана Іванаўна дапамагала ўсім, хто толькі ўладкаваўся на працу ў архіў, авалодаць прафесіяй, набыць навыкі, за што мы вельмі ёй удзячны.

Кіраўніцтва таксама не раз адзначала добрасумленнасць, стараннасць, поспехі ў працы архівіста Грышко. Яна ўзнагароджана ганаровымі граматамі архіўнага аддзела Гродзенскага аблвыканкама, галоўнага ўпраўлення юстыцыі Гродзенскага аблвыканкама, Навагрудскага райвыканкама, медалём «Ветэран працы». У 2004 г. за ўзорнае выкананне службовых абавязкаў, дасягненне высокіх вынікаў і важкі асабісты ўклад у развіццё архіў-

най справы ў Рэспубліцы Беларусь Грышко адной з першых у Гродзенскай вобласці была ўзнагароджана знакам «Ганаровы архівіст Беларусі».

Зараз Руслана Іванаўна Грышко на заслужаным адпачынку, але па-ранейшаму актыўная, дапамагае ўнукам, займаецца гародніцтвам, шмат працуе на дачы. Часам заходзіць у архіў, з павагай успамінае сваіх калег і гады працы, праведзеныя тут.

—♦—

Н. М. Дятчик

УЧЕНЫЙ-АРХИВИСТ XXI ВЕКА

(к юбилею Сергея Владимировича Жумаря)

В обществе, и наш институт не стал исключением, существует прекрасная традиция — отмечать знаменательные, памятные даты и события, чествовать коллег, когда можно неформализованным, неканцелярским языком говорить о человеке.

10 ноября наш коллектив будет чествовать Сергея Владимировича Жумаря в связи с 60-летием. Эта цифра никак не вяжется с Сергеем Владимировичем. Большой любитель походов и путешествий, он, кажется, еще совсем недавно просто одержимо рассказывал нам о своих походах по горным вершинам Алтая и Кавказа, о водных походах по рекам Карелии. Он обошел и исколесил почти весь бывший Советский Союз, а также родную Беларусь. Сергей Владимирович и сейчас достаточно мобильный человек, с интересом путешествует по Европе и Азии.

Сергей Владимирович обладает уникальной памятью и энциклопедическими знаниями, помнит год, месяц, день, мельчайшие детали любого путешествия. В красках может рассказать об интересных фактах из истории определенной местности, особенностях природы, этнических особенностях. Он мог бы написать увлекательнейшие очерки о своих странствиях, наблюдениях на высоком профессиональном уровне.

Есть еще одна великая страсть, любимый конек Сергея Владимировича — кулинария. Друзья, зная о его увлечении кулинарией, приглашают, устраивая личные праздники, помочь в составлении меню, а то и в приготовлении праздничных столов. Дома у Сергея Владимировича собрана огромная библиотека. Солидная часть ее — кулинарные книги. Воистину, талантливый человек талантлив во всем.

В юности этот человек мечтал связать свою жизнь с медициной, но судьба указала иное направление. Возможно, медицина потеряла «светило» в своей области, но зато архивная отрасль приобрела ученого, мыслителя, аналитика. Это подтвердит любой знающий Сергей Владимирович человек.

Сергей Владимирович Жумарь пришел в Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела, тогда еще Центр документоведения и ретрoинформации, в августе 1992 г., т. е. стоял у истоков формирования и становления научного учреждения. К этому времени он успел поработать пионервожатым и учителем истории в одной из средних школ г. Минска, лаборантом в Институте истории АН БССР и на военной кафедре Белорусского политехнического института и при этом с отличием закончил истфак БГУ.

Затем жизненная дорога вывела Сергея Владимировича к Центральному государственному архиву Октябрьской революции (ЦГАОР), где он постигал ремесло архивиста в должности хранителя фондов, архивиста I категории, ведущего архивиста без малого восемь лет. Всего же в архивной отрасли «аксакал» — трудится 34 года, из них 26 лет в институте. Здесь Сергей Владимирович состоялся как ученый, в 1996 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Оккупационная печать на территории Беларуси в

годы Великой Отечественной войны (по материалам белорусскоязычных изданий)) и был назначен на должность заведующего отделом архивоведения. Через восемь лет Сергей Владимирович утвержден на должность и. о., а затем заместителя директора института по научной работе. В данной должности успешно работает уже 17 лет.

Должность заместителя директора по научной работе и весь облик Сергея Владимировича как-то не вяжется с общепринятым представлением о человеке такого ранга. Богатырского телосложения, высокий, с добродушным выражением лица, классической черной бородой, подернутой сединами. Обычно встречаем его в стенах института в простеньком свитере или футболке и выдавших виды джинсах, без костюма и галстука. И незнакомый человек скорее ассоциирует его со служителем культа в светской одежде или посетителем читального зала архива, чем с заместителем директора научного учреждения. Но стоит вступить с ним в беседу — и по интонации, манере не спеша, растягивая слова, говорить, становится ясно, что собеседник далеко неординарный человек, и народная поговорка «по одежке встречают, а по уму провожают» работает. В речи чувствуется уверенность, высокий интеллект, компетентность, особенно в вопросах архивоведения и отечественной истории. Сергей Владимирович большой знаток классической музыки, театра, кино и, конечно же, спорта. И сразу понимаешь, что перед тобой — эрудит, ученый, специалист своего дела, человек, знающий себе цену. Цену этому человеку знают и коллеги-ученые, и руководящие. В 2002 г. коллективом института он был избран делегатом на I съезд ученых Республики Беларусь.

Национальная академия наук Беларуси восемь лет вверяла Сергею Владимировичу обязанности секретаря экспертного совета ВАК Беларуси по специальностям «Историография, источниковедение и методы исторического исследования», «Археология», «Этнология и историческая антропология», и еще пять лет, с 2008 г. по 2013 г., по специальности «История». Он был ученым секретарем специализированного совета по защите кандидатских диссертаций при БелНИИДАД. В настоящее время входит в состав ЦЭМК Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, ученых советов БелНИИДАД, Национального исторического архива Беларуси, Национального архива Республики Беларусь.

Знания и опыт Сергея Владимировича активно используются в подготовке молодых научных кадров для отрасли. С 2015 г. руководит производственной практикой студентов выпускных курсов исторического факультета БГУ в институте. Является постоянным рецензентом дипломных, курсовых, научных работ студентов и аспирантов различных вузов Беларуси.

Неперекаемый авторитет Сергея Владимировича в вопросах архивоведения, археологии и его весьма трепетное отношение к архивной работе позволяют коллегам из архивов часто обращаться за советами, консультациями по различным профессиональным вопросам, а в архиве кинофотофонодокументов он почти штатный сотрудник. Благодаря широкому и многогранному научному и творческому связям к нему обращаются и сторонние учреждения и организации, к примеру, Сергей Владимирович долго сотрудничал с Жировичской духовной академией по вопросам экспертизы ценности и отбора на хранение документов.

Его охотно приглашают на различные научные конференции и семинары не только в Беларуси, но и в государства СНГ, Польшу, Германию, Австрию, Сербию и др.

Сергей Владимирович помимо должностных обязанностей занимается исследованием проблем истории Великой Отечественной войны, исторических и методических аспектов архивного дела. И на этом поприще достиг немалых успехов: подготовил три

монографии, ряд справочников и сборников документов, методических и нормативных разработок, более 200 научных статей и десятки рецензий и отзывов. Многие научные работы Сергея Владимировича стали классикой архивного дела — «Ведомственные архивы и отраслевые фонды Республики Беларусь», «Очерки истории архивного дела в Беларуси». Отдельные разработки получили широкое международное признание — справочник «Документы по истории Великой Отечественной войны в государственных архивах Республики Беларусь» переведен на немецкий язык по просьбе международной организации «Саксонский мемориал» и Австрийского экономического института им. Л. Больцмана, документальная хроника «Огнем и мечом. Хроника польского националистического подполья в Белоруссии (1939—1953)» опубликована в Сербии. Библиография научных работ Сергея Владимировича может занять не одну страницу, и для этого необходима отдельная статья.

Многолетний добросовестный труд Сергея Владимировича отмечен наградами разного уровня — Почетной грамотой Госкомархива, Почетной грамотой Центрархива, знаком «Ганаровы архівіст Беларусі», Почетной грамотой Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела, в разные годы были объявлены благодарности.

Вот такой неординарный человек — личность, ученый, руководитель, коллега — работает в БелНИИДАД, притягивая к себе людей скромностью, добротой, человечностью, жадой знаний и разносторонностью интересов, интеллигентностью и романтической возвышенностью.

Уважаемый Сергей Владимирович, живите, не пряча чувств и эмоций, и в полной мере обладайте единственной красотой в мире — здоровьем! Исследуйте, творите и удивляйте нас своим талантом, трудолюбием и достижениями!

РЭЗЮМЭ

Шумейка Міхаіл Фёдаравіч. Уплыў дэкрэта СНК РСФСР аб рэарганізацыі і цэнтралізацыі архіўнай справы на станаўленне і развіццё сеткі архіўных устаноў Беларусі *(да 100-годдзя прыняцця)*.

У артыкуле, абапіраючыся на апублікаваныя ў Беларусі і Расіі дакументальныя выданні, а таксама раней невядомыя архіўныя матэрыялы, якія зберагаюцца пераважна ў расійскіх дзяржаўных архівах, аналізуецца правядзенне на аснове і з улікам прынятага 1 чэрвеня 1918 г. Саўнаркомам РСФСР дэкрэта «Аб рэарганізацыі і цэнтралізацыі архіўнай справы ў РСФСР» архіўнай рэформы ў абвешчанай 1 студзеня 1919 г. Сацыялістычнай Савецкай Рэспубліцы Беларусі, а таксама ў адпаведных у другой палове студзеня 1919 г. да Расіі Віцебскай і Магілёўскай губернях.

Кулінок Святаслаў Вялічніавіч. «Стварыць у г. Мінску Цэнтральны дзяржаўны архіў навукова-тэхнічнай дакументацыі БССР ...» *(да 50-годдзя Беларускага дзяржаўнага архіва навукова-тэхнічнай дакументацыі)*.

У артыкуле разглядаецца гісторыя стварэння Беларускага дзяржаўнага архіва навукова-тэхнічнай дакументацыі. Прыводзяцца даныя аб асноўных напрамках работы архіва, цяжкасцях і дасягненнях, а таксама асноўных этапах яго гісторыі. Аўтарам разгледжаны склад навукова-тэхнічнай дакументацыі і асноўных фондаў, а таксама найбольш важных дакументаў.

Шумейка Міхаіл Фёдаравіч. Першы дырэктар Беларускага дзяржаўнага архіва навукова-тэхнічнай дакументацыі А. В. Вараб'ёў: архівіст, адміністратар, даследчык (да 50-годдзя стварэння БДАНТД).

У артыкуле аналізуецца жыццёвы шлях і дзейнасць А. В. Вараб'ёва (1930—2006), першага дырэктара Беларускага дзяржаўнага архіва навукова-тэхнічнай дакументацыі, яго ўклад у развіццё архіўнай справы Беларусі.

Трацяк Алена Іванаўна. Дапамога авіяцыі з Вялікай зямлі беларускім партызанам *(паводле дакументаў БДАКФФД)*.

Дадзены артыкул прысвечаны адлюстраванню ў кіна- і фотадакументах Беларускага дзяржаўнага архіва кінафотафонадакументаў дапамогі авіяцыі з Вялікай зямлі партызанам Полацка-Лепельскай партызанскай зоны.

На дадзены момант у фондах БДАКФФД зберагаецца 15 адзінак захавання фотадакументаў, 2 кіналетапісы і 2 дакументальныя фільмы па гэтай тэме.

Фотадакументы 1943—1944 гг. адлюстроўваюць маскіроўку самалёта, ажыццявіўшага пасадку на партызанскім аэрадроме ля возера Гомель Віцебскай вобласці, эвакуацыю параненых, грамадзянскага насельніцтва і шмат іншага.

Што датычыцца кінадакументаў, то, праглядаючы кіналетапісы 1943 г. «Баявыя дзеянні партызан Ушач і Лепеля» (аператар О. Б. Рэйзман) і «М. І. Жукаў — лётчык 105-га авіяцыйнага палка», мы робімся сведкамі дастаўкі груза боепрыпасаў лётчыкам 105-га Гвардзейскага асобнага авіяцыйнага палка І. Л. Тарасавым партызанам Лепельскай брыгады імя І. В. Сталіна і яго сустрэчы з камандзірам брыгады Героем Савецкага Саюза У. Е. Лабанком, а таксама бачым прыбыццё лётчыка М. І. Жукава на адзін з аэрадромаў Полацка-Лепельскай партызанскай зоны. У далейшым, ужо ў пасляваенны час, рэжысёрам І. Н. Вейнэровічам, у мінулым ваенным кінааператарам, былі створаны два дакументальныя фільмы «Дарога без прывалу» (1965 г.) і «Балада аб мужнасці і любові» (1972 г.). Гэтыя фільмы ўвабралі ў сябе вялікую колькасць хронікі, адлюстраванай узаемадзеяннем

партызан Полацка-Лепельскай партызанскай зоны з авіяцый з Вялікай зямлі ў 1943—1944 гг.

Кулінок Святаслаў Валянцінавіч. Судовае справаводства ў партызанскіх фарміраваннях БССР у дачыненні да выкрытай агентуры праціўніка ў гады Вялікай Айчыннай вайны (*на дакументах Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь*).

У артыкуле разглядаюцца пытанні станаўлення і ўдасканалення судовага справаводства ў партызанскіх фарміраваннях Беларусі ў дачыненні да выкрытай нямецкай агентуры. Адзначаецца, што на працягу ўсяго перыяду вайны кіруючыя органы партызанскага руху праводзілі вялікую працу па паляпшэнні арганізацыі гэтага працэсу і забеспячэнні кваліфікаванымі кадрамі, аднак да канца вырашыць гэтыя праблемы не ўдалося. У артыкуле прыводзяцца асноўныя дасягненні айчыннай гістарыяграфіі па падзенай тэме, а таксама ўводзяцца ў навуковы абарот новыя архіўныя дакументы.

Антановіч Зінаіда Васільеўна. Кліравыя ведамасці Мінскай епархіі як гістарычная крыніца (*на матэрыялах Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі*).

У артыкуле разглядаецца крыніцазнаўчы патэнцыял кліравых ведамасцей на прыкладзе Мінскай епархіі. Гэтыя крыніцы адносяцца да масавых у агульнай справаводнай дакументацыі праваслаўнай царквы канца XVIII — пачатку XX ст. Нягледзячы на тое што асноўныя звесткі захоўваюцца на працягу ўсяго перыяду, у развіцці фармулёўкі ведамасцей можна вылучыць чатыры этапы, адпаведна з якімі пашыраецца інфарматыўнасць азначаных крыніц. Кліравыя ведамасці могуць выкарыстоўвацца ў даследаванні гісторыі Беларусі, канфесій і штодзённасці, краязнаўства, а таксама іншых навук і дысцыплін.

Серак Алена Уладзіміраўна. Наратыўныя крыніцы ў рэканструкцыі паўсядзённага жыцця ссыльных удзельнікаў паўстання 1863—1864 гг. у Сібіры.

У рэканструкцыі паўсядзённага жыцця ссыльных удзельнікаў паўстання 1863—1864 гг. у Сібіры важнае значэнне маюць дакументы асабістага паходжання (лісты, дзёнікі, мемуары), якія дазваляюць выявіць прасторава-часовы кантэкст, напоўнены падзеямі, макра- і мікраасяроддзем, сацыякультурнымі функцыямі, асобаснымі і сацыяльна-значнымі момантамі ў жыцці чалавека ва ўмовах ссылкі.

Выкарыстоўваючы даныя фондаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі, НГАБ у г. Гродна, Літоўскага дзяржаўнага гістарычнага архіва, Галоўнага архіва старажытных актаў у Варшаве і Дзяржаўнага архіва Цюменскай вобласці, аўтарам вызначаны комплекс неапублікаваных матэрыялаў эпістальнай і мемуарнай спадчыны паўстанцаў. У артыкуле паказаны інфармацыйны патэнцыял наратыўных крыніц для вывучэння пытання рэалізацыі культурна-адукацыйнага патэнцыялу ссыльных уладжэнцаў Беларусі, іх ролі ў асвеце і медыцыне, а таксама ў прамысловасці і гандлі Сібіры.

Пасрэднікаў Алег Андрэвіч. Губернскія камісары Часовага ўрада на тэрыторыі Беларусі.

У артыкуле разгледжана рэарганізацыя адміністрацыйнай улады на тэрыторыі Беларусі пасля Літоўскай рэвалюцыі 1917 г., праведзена работа па сістэматызацыі, абагульненню і аналізу звестак аб губернскіх камісарах як органах улады на тэрыторыі беларускіх губерняў. Апісваецца працэс фарміравання і станаўлення інстытута губернскіх камісараў на тэрыторыі Беларусі, яго функцыянавання і ліквідацыі. Асаблівая ўвага надаецца пытанню кампетэнцый губернскіх камісараў, іх дзейнасці ва ўмовах рэвалюцыйных падзей 1917 г. і нарастаючай сацыяльнай і палітычнай нестабільнасці, праблемам узсамадзяснення з існаваўшымі паралельна органамі «рэвалюцыйнай дэмакратыі». Падкрэсліваецца адроз-

ненне і падабенства працэсу функцыянавання дадзеных органаў на тэрыторыі розных беларускіх губерняў і выяўляюцца прычыны гэтай з’явы.

Храленок Яўген Валер’евіч. Казачае, сельскае і гарадское насельніцтва Старадубскага палка (1654—1781): агляд асноўных крыніц дэмаграфічнай і сацыяльнай гісторыі.

У артыкуле зроблена спроба сістэматызацыі крыніц па гісторыі насельніцтва Старадубскага палка як адміністрацыйна-тэрытарыяльнай адзінкі ў складзе Гетманшчыны ў 1654—1781 гг. Праведзены аналіз асноўнага масіву дакументаў з архіваў Расіі і Украіны, што асвятляюць гістарычную дынаміку насельніцтва палка, акрамя таго, пададзены самы агульны агляд прац расійскіх і украінскіх гісторыкаў, якія датычацца насельніцтва палка.

Падзнякоў Валерый Сямёнавіч. Першыя філіграні з гербам «Ліс» (канец XVI ст.).

У працы даследуюцца два самыя раннія тыпы філіграней з гербам «Ліс», якія з’явіліся ў ВКЛ у канцы XVI ст. Філіграні першага тыпу, з гербам «Ліс» і ініцыяламі IS у коле, з’явіліся ў 1597 г. Папера з такім знакам выраблялася ў паперні Лукаша Мамоніча на р. Вільня. Філіграні другога тыпу, з гербам «Ліс» у картушы і без ініцыялаў, з’явіліся ў 1594 г. (першая пара) і 1597 г. (другая і трэцяя пары). Імі пазначалася папера, вырабленая ў невядомай кракаўскай паперні. Папера з філігранямі тыпу I і тыпу II (другая і трэцяя пары) ужывалася пры перавыданні Статута ВКЛ 1588 г., што ўказвае на час перавыдання — не раней за 1597 г.

Савінаў Аляксей Аляксандравіч. Эвалюцыя паняцця «справаводства» на тэрыторыі Рэспублікі Беларусь.

У артыкуле разгледжана эвалюцыя паняцця «справаводства» ў манаграфіях навукоўцаў-дакументазнаўцаў з часоў Расійскай імперыі, слоўніках тэрміналогіі ў галіне прававодства, тэхнічных нарматыўных прававых актах СССР, Рэспублікі Беларусь і Расійскай Федэрацыі. Аўтарам размежаваны паняцці «справаводства» і «дакументацыйнае забеспячэнне кіравання», абв’ягасцца іх тоеснасць. Прапануецца азначэнне паняцця «дакументацыйнае забеспячэнне кіравання».

Несцяровіч Юрый Уладзіміравіч. Структурны падыход да апісання эдэцыі гістарычных дакументаў і яе вынікаў: структура публікацыі гістарычнага дакумента, структура археаграфічнага выдання, структура перадаванага тэксту.

У артыкуле раскрыты структурны падыход да апісання эдэцыі гістарычных дакументаў і яе вынікаў. Сістэматызаваны веды, якія датычацца паняццёвага апарату і тэрміналогіі структуры публікацыі гістарычных дакументаў, структуры археаграфічнага выдання, структуры перадаванага тэксту.

Гэці Марыя Чэчылія. Падуанскі побыт Францыска Скарыны (1512).

У артыкуле аналізуецца жыццё і дзейнасць беларускага першадрукара Францыска Скарыны ў Падуі ў 1512 г.

Падзнякоў Валерый Сямёнавіч. Паўстанне, росквіт і канец Храноўскай прошчы (1831—1834 гг.): да гісторыі беларускай народнай веры.

Публікуюцца дакументы пра Храноўскую прошчу — народнае сакральнае месца ў Слуцкім павеце Мінскай губерні.

РЕЗЮМЕ

Шумейко Михаил Федорович. Влияние декрета СНК РСФСР о реорганизации и централизации архивного дела на становление и развитие сети архивных учреждений Беларуси (*к 100-летию принятия*).

В статье, опираясь на опубликованные в Беларуси и России документальные издания, а также ранее неизвестные архивные материалы, хранящиеся преимущественно в российских государственных архивах, анализируется проведение на основе и с учетом принятого 1 июня 1918 г. Совнаркомом РСФСР декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» архивной реформы в провозглашенной 1 января 1919 г. Социалистической Советской Республике Белоруссии, а также в отошедших во второй половине января 1919 г. к России Витебской и Могилевской губерниях.

Кулинок Святослав Валентинович. «Создать в г. Минске Центральный государственный архив научно-технической документации БССР...» (*к 50-летию Белорусского государственного архива научно-технической документации*).

В статье рассматривается история создания Белорусского государственного архива научно-технической документации. Приводятся данные об основных направлениях работы архива, трудностях и достижениях, а также основных этапах его истории. Автором рассмотрен состав научно-технической документации и основных фондов, а также наиболее важных документов.

Шумейко Михаил Федорович. Первый директор Белорусского государственного архива научно-технической документации А. В. Воробьев: архивист, администратор, исследователь (*к 50-летию создания БГАНТД*).

В статье анализируется жизненный путь и деятельность А. В. Воробьева (1930—2006), первого директора Белорусского государственного архива научно-технической документации, его вклад в развитие архивного дела Беларуси.

Третьяк Елена Ивановна. Помощь авиации с Большой земли белорусским партизанам (*по документам БГАКФФД*).

Данная статья посвящена отражению в кино- и фотодокументах Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов помощи авиации с Большой земли партизанам Полоцко-Лепельской партизанской зоны.

В настоящий момент в фондах БГАКФФД находится 15 единиц хранения фотодокументов, 2 кинолетописи и 2 документальных фильма по этой теме.

Фотодокументы 1943—1944 гг. запечатлели маскировку самолета, совершившего посадку на партизанском аэродроме в районе озера Гомель Витебской области, эвакуацию раненых и гражданского населения и многое другое.

Что касается кинодокументов, то, просматривая кинолетописи 1943 г. «Боевые действия партизан Ушач и Лепеля» (оператор О. Б. Рейзман) и «Н. И. Жуков — летчик 105-го авиационного полка», мы становимся свидетелями доставки груза боеприпасов летчиком 105-го Гвардейского отдельного авиационного полка И. Л. Тарасовым партизанам Лепельской бригады им. И. В. Сталина и его встречи с командиром бригады Героем Советского Союза В. Е. Лобанком, а также видим прибытие летчика Н. И. Жукова на один из аэродромов Полоцко-Лепельской партизанской зоны. В дальнейшем, уже в послевоенный период, режиссером И. Н. Вейнеровичем, в прошлом военным кинооператором, были созданы два документальных кинофильма «Дорога без привала» (1965 г.) и «Баллада о мужестве и любви» (1972 г.). Эти фильмы вобрали в себя

огромное количество хроники, отразившей взаимодействие партизан Полоцко-Лепельской зоны с авиацией с Большой земли в 1943—1944 гг.

Кулинок Святослав Валентинович. Судебное делопроизводство в партизанских формированиях БССР в отношении разоблаченной агентуры противника в годы Великой Отечественной войны (*по документам Национального архива Республики Беларусь*).

В статье рассматриваются вопросы становления и совершенствования судебного делопроизводства в партизанских формированиях Беларуси в отношении разоблаченной немецкой агентуры. Отмечается, что на протяжении всего периода войны руководящие органы партизанского движения проводили большую работу по улучшению организации этого процесса и обеспечению квалифицированными кадрами, однако до конца решить эти проблемы не удалось. В статье приводятся основные достижения отечественной историографии по данной теме, а также вводятся в научный оборот новые архивные документы.

Антонович Зинаида Васильевна. Клировые ведомости Минской епархии как исторический источник (*по материалам Национального исторического архива Беларуси*).

В статье рассматривается источниковедческий потенциал клировых ведомостей на примере Минской епархии. Эти источники относятся к массовым в общей делопроизводственной документации православной церкви конца XVIII — начала XX в. Несмотря на то что основные сведения сохраняются на протяжении всего периода, в развитии формуляра ведомостей можно выделить четыре этапа, в соответствии с которыми расширяется информативность данных источников. Клировые ведомости могут быть использованы в изучении истории Беларуси, конфессий и повседневности, краеведения, а также ряда иных наук и дисциплин.

Серак Елена Владимировна. Нарративные источники в реконструкции повседневной жизни ссыльных участников восстания 1863—1864 гг. в Сибири.

В реконструкции повседневной жизни ссыльных участников восстания 1863—1864 гг. в Сибири важное значение имеют документы личного происхождения (письма, дневники, мемуары), которые позволяют выявить пространственно-временной континуум, наполненный событиями, макро- и микросредой, социокультурными функциями, личностными и социально-значимыми моментами в жизни человека в условиях ссылки.

Используя данные фондов Национального исторического архива Беларуси, НИАБ в г. Гродно, Литовского государственного исторического архива, Главного архива древних актов в Варшаве и Государственного архива Тюменской области, автором определен комплекс неопубликованных материалов эпистолярного и мемуарного наследия повстанцев. В статье показан информационный потенциал нарративных источников для изучения вопроса реализации культурно-образовательного потенциала ссыльных уроженцев Беларуси, их роли в просвещении и медицине, а также в промышленности и торговле Сибири.

Посредников Олег Андреевич. Губернские комиссары Временного правительства на территории Беларуси.

В статье рассмотрена реорганизация административной власти на территории Беларуси после Февральской революции 1917 г., проделана работа по систематизации, обобщению и анализу сведений о губернских комиссарах как органах власти на территории белорусских губерний. Описывается процесс формирования и становления института губернских комиссаров на территории Беларуси, его функционирования и ликвидации. Особое внимание уделяется вопросам компетенции губернских комиссаров, их деятельности в условиях революционных событий 1917 г. и нарастающей социальной и полити-

ческой нестабильности, проблемам взаимодействия с существовавшими параллельно органами «революционной демократии». Подчеркиваются отличия и сходства процесса функционирования данных органов на территории разных белорусских губерний и выявляются причины этого явления.

Хроленок Евгений Валерьевич. Казачье, сельское и городское население Стародубского полка (1654—1781): обзор основных источников демографической и социальной истории.

В статье сделана попытка систематизации источников по истории населения Стародубского полка как административно-территориальной единицы в составе Гетманщины в 1654—1781 гг. Проведен анализ основного массива документов из архивов России и Украины, освещающих историческую динамику населения полка, а также дан самый общий обзор работ российских и украинских историков, касающихся населения полка.

Поздняков Валерий Семенович. Первые филигранные гербы «Лис» (конец XVI в.).

В работе исследуются два самые ранние типа филигранных гербов «Лис», которые появились в ВКЛ в конце XVI ст. Филигранные гербы первого типа, с гербом «Лис» и инициалами IS в колесе, появились в 1597 г. Бумага с таким знаком изготавливалась в бумагоделательной мастерской Лукаша Мамонича на р. Вильня. Филигранные гербы второго типа, с гербом «Лис» в картуше и без инициалов, появились в 1594 г. (первая пара) и 1597 г. (вторая и третья пары). Ими помечалась бумага, произведенная в неизвестной краковской мастерской. Бумага с филигранными гербами типа I и типа II (вторая и третья пары) употреблялась при переиздании Статута ВКЛ 1588 г., что указывает на время переиздания — не ранее 1597 г.

Савинов Алексей Александрович. Эволюция понятия «делопроизводство» на территории Республики Беларусь.

В статье рассмотрена динамика развития понятия «делопроизводство» в монографиях ученых-документоведов со времен Российской империи, словарях делопроизводственной терминологии, технических нормативных правовых актах СССР, Республики Беларусь и Российской Федерации. Автором разграничены понятия «делопроизводство» и «документационное обеспечение управления», опровергается их тождественность. Предлагается определение понятия «документационное обеспечение управления».

Нестерович Юрий Владимирович. Структурный подход к описанию эдичии исторических документов и ее результатов: структура публикации исторического документа, структура археографического издания, структура переданного текста.

В статье раскрывается структурный подход к описанию эдичии исторических документов и ее результатов. Систематизируются знания, относящиеся к понятийному аппарату и терминологии структуры публикации исторических документов, структуры археографического издания, структуры переданного текста.

Мария Чечлия Гетти. Пребывание Франциска Скорины в Падуе (1512).

В статье анализируется жизнь и деятельность белорусского первопечатника Франциска Скорины в Падуе в 1512 г.

Поздняков Валерий Семенович. Возникновение, расцвет и конец Хроновской прощи (1831—1834 гг.): к истории белорусской народной веры.

Публикуются документы о Хроновской прощце — народном сакральном месте в Слуцком уезде Минской губернии.

SUMMARY

Michail Shumeyka. Influence of the Decree of the Council of People's Commissars of the Russian Soviet Federative Socialist Republic on the Reorganization and Centralization of Archive Management on the Formation and Development of the Network of Archival Institutions of Belarus (*to the 100th Anniversary of Adoption*).

The article, based on documentary publications published in Belarus and Russia, as well as previously unknown archival materials stored primarily in Russian state archives, analyzes the implementation of the decree «On the reorganization and centralization of archive management» of the Council of People's Commissars of the Russian Soviet Federative Socialist Republic in Belarussian Soviet Socialist Republic, proclaimed on January 1, 1919, and in Viciebsk and Mahilou provinces that were ceded to Russia in the second half of January 1919.

Sviataslaŭ Kulinok. «To create in Minsk Central State Archive of Scientific and Technical Documentation of Belarussian Soviet Socialist Republic. . .» (*to the 50th Anniversary of Belarussian State Archive of Scientific and Technical Documentation*).

The article deals with the history of the Belarussian state archive of scientific and technical documentation. The article presents data on the main directions of the archive, difficulties and achievements, as well as the main stages of its history. The author considers the composition of scientific and technical documentation and funds, as well as the most important documents.

Michail Shumeyka. The First Director of the Belarussian State Archive of Scientific and Technical Documentation A.V. Varabyou: Archivist, Administrator, Researcher (*on the 50th Anniversary of the Creation of BSASTD*).

The article analyzes the life and activities of A. V. Varabyou (1930—2006), the first director of the Belarussian State Archive of Scientific and Technical Documentation, his contribution to the development of archive management of Belarus.

Alena Tratsyjak. The Assistance of Aviation from the Great Land to the Belarussian Partisans (*Based on Film and Photo Documents of the Belarussian State Archive of Film, Photo and Phono Documents*).

This article is devoted to the reflection of the aviation assistance from the Great Land to the partisans of the Polotsk-Lepel partisan zone in film and photo documents of the Belarussian State Archive of Film, Photo and Phono Documents.

At the moment, 15 units of photo documents, 2 film chronicles and 2 documentaries on this topic are stored in the funds of BSAFPPD.

Photo documents of 1943—1944's captured the camouflage of the plane that landed at the partisan airfield near Lake Gomel, Vitebsk Region. Besides, they captured the evacuation of the wounded and the civilian population, and much more.

As for film documents, looking through the 1943 film chronicles «The fighting actions of the partisans Ushach and Lepel» (camera man O. B. Reisman) and «N. I. Zhukov — the pilot of the 105th air regiment», you can witness the transportation of an ammunition cargo to the Partisans of the Lepel Brigade named after I. V. Stalin by I. L. Tarasov, who was the pilot of 105th Guards Separate Air Regiment. You can also see the meetings of Tarasov with the brigade commander V. E. Lobanok, the Hero of the Soviet Union and the arrival of the pilot N. I. Zhukov at one of the airfields of the Polotsk-Lepel partisan zone. Later on, in the post-war period, two documentary films «The Road without Halt» (1965) and «The Ballad of Courage and Love» (1972) were created by the director I. N. Weinerovich, who was a military cameraman in the past. These films have absorbed a huge number of chronicles, reflecting the interaction of the partisans of the Polotsk-Lepel zone with aviation from the Great Land in 1943—1944.

Sviataslaŭ Kulinok. Legal Proceedings in the Partisan Formations of the BSSR Against Exposed Enemy Agents During the Great Patriotic War (*Based on the Documents of the National Archives of the Republic of Belarus*).

The article deals with the formation and improvement of judicial record keeping in partisan formations of Belarus with regard to the exposed German agents. It is noted that during the whole period of the war, the guiding bodies of the partisan movement did a great job of improving the organization of this process and providing qualified personnel, but it was not possible to solve these problems to the end. The main achievements of Russian historiography on this topic are given in the article, and new archival documents are introduced into the scientific circulation.

Zinaida Antanovich. The Clergy Lists of the Minsk Diocese as a Historical Source (*Based on the Materials of the National Historical Archives of Belarus*).

The article examines the source study potential of the clergy lists on the example of the Minsk diocese. These sources belong to the mass in the general record system of the Orthodox Church in the late 18th — early 20th centuries. In spite of the fact that the basic information is retained throughout the whole period, four stages can be distinguished in the evolution of the form of the lists, in accordance with which the information content of these sources expands. Clerical statements can be used in studying the history of Belarus, confessions and everyday life, local history, as well as a number of other sciences and disciplines.

Alena Serak. Narrative Sources in the Reconstruction of the Daily Life of the Exiled Participants in the Uprising of 1863—1864 in Siberia.

Personal documents (letters, diaries, memoirs) are relevant in the reconstruction of the daily life of the exiled participants. They allow us to identify a spatio-temporal continuum filled with events, macro- and microenvironment, sociocultural functions, personal and socially significant moments in the life of exiled people. The author has identified the complex of epistolary and memoirs unpublished materials using the data of historic archives in Belarus, Russia, Lithuania and Poland. The article shows the informative potential of narrative sources for studying the cultural and educational potential of the exiled natives of Belarus. As well as their role in education, medicine, industry and trade in Siberia.

Aleh Pasrednikau. Provincial commissars of the Provisional Government on the territory of Belarus.

Reorganization of administrative authority in Belarus after the February Revolution of 1917 was considered in the article. The work on systematization, generalization and analysis of information about the provincial commissars, as authorities in the territory of the Belarusian provinces, was done in the paper. The process of forming and formation the institute of provincial commissars in the territory of Belarus, its functioning and liquidation is described in the work. Special attention is paid to the issues competence of provincial commissioners, their activities in the context of the revolutionary events of 1917 and increasing social and political instability, problems of interaction with the bodies of the «revolutionary democracy», that existed in parallel. The article highlights the differences and similarities in the process of functioning of these bodies in different Belarusian provinces and identifies the causes of this phenomenon.

Yaihen Hralenok. Cossack, the Rural and City Population of the Starodub Shelf (1654—1781): a Review of the Main Sources of Demographic and Social History.

The article makes an attempt to systematize sources on the history of the population of the Starodub regiment, as an administrative-territorial unit within the Hetmanate in 1654—1781. The analysis of the main body of documents from the archives of Russia and Ukraine, covering the his-

torical dynamics of the population of the regiment, as well as the most common review of the works of Russian and Ukrainian historians concerning the population of the regiment is given.

Valery Pazdniakoŭ. The First Watermarks with «Lis» Coat of Arms (Late 16th Century).

The work studies the earliest two types of watermarks with «Lis» coat of arms, which appeared in the Great Principality of Lithuania at the end of the XVI century. Watermarks of the first type, with «Lis» coat of arms and the initials IS in a circle, appeared in 1597. Paper with this mark was made in a factory of Lukas Mamonich on Vilnia river. Watermarks of the second type, with «Lis» coat of arms in cartouche and without initials, appeared in 1594 (the first pair) and 1597 (the second and the third pair). They pointed out the paper produced in an unknown Krakow paper-mill. Paper with «Lis» coat of arms of type I and type II (the second and the third pairs) used in the second edition of the Statute of the Great Principality of Lithuania 1588, which indicates the time of reissue — not earlier than 1597.

Aleksei Savinov. Evolution of the Concept of «Records Keeping» in the Territory of the Republic of Belarus. Analysis of the Operating Definition of the Concept of «Records Keeping».

The article deals with the dynamics of the development of the concept of «records keeping» in monographs of scientists in the area of records management from the times of the Russian Empire, dictionaries of the records keeping terminology, technical normative legal acts of the USSR, the Republic of Belarus and the Russian Federation. The author delineates the concepts of «records keeping» and «records management», their identity is refuted. The author proposes a definition of «records management».

Yury Nietsiarovich. Structural Approach to the Description of the Edition of Historical Documents and Its Findings; the Structure of the Publication of Historical Documents, the Structure of the Archaeological Publications, the Structure of the Passed Text.

The article reveals the structural approach to the description of the edition of historical documents and its results. Sistematization of knowledge related to the conceptual apparatus and terminology of the structure of publications of historical documents, structures, archaeological publications, the structure of the passed text.

Maria Cecilia Ghetti. The Paduan Residence of Francysk Skaryna (1512).

The article analyzes the life and work of the Belarusian pioneer printer Francysk Skaryna in Padua in 1512.

Valery Pazdniakoŭ. The Emergence, Flourishing and Decay of Khranou Proshcha (1831–1835): on the History of the Belarusian Folk Faith.

Documents on activity of Khranou proshcha — folk sacral place in Sluck county, Minsk province — are published.

ПРАВИЛЫ ДЛІ АЎТАРАЎ**«БЕЛАРУСКАГА АРХЕАГРАФІЧНАГА ШТОГОДНІКА»**

1. «Беларускі археаграфічны штогоднік» публікуе навуковыя даследаванні па розных галінах тэарэтычнай і практычнай археаграфіі, архівазнаўства, дакументалістыкі і сумежных спецыяльных гістарычных дысцыплін, а таксама інфармацыйныя матэрыялы і рэцэнзіі на апублікаваныя працы.
2. Рэдакцыйная калегія прымае да разгляду матэрыялы, якія адпавядаюць патрабаванням, што прад'яўляе Вышэйшая атэстацыйная камісія Рэспублікі Беларусь да навуковых артыкулаў.
3. Рэдакцыйная калегія публікуе ў першую чаргу артыкулы, прадстаўленыя асобамі апошняга года паслявузаўскага навучання (аспірантура, дактарантура, саіскальніцтва).
4. Аўтары нясуць персанальную адказнасць за прадстаўленне ў рэдакцыю ўжо раней апублікаваных артыкулаў або артыкулаў, прынятых да друку іншымі выданнямі.
5. Аўтары артыкулаў і публікацый дакументаў нясуць адказнасць за дакладнасць перадачы тэксту дакументаў, цытат і спасылак.
6. Аўтары разам з рукапісам навуковага артыкула прадстаўляюць выпіску з пратакола пасяджэння вучонай рады, аддзела, кафедры з месца працы з рэкамендацый артыкула да друку.
7. Дапускаецца замест выпіскі з пратакола прадставіць дзве рэцэнзіі — доктара і кандыдата навук, якія з'яўляюцца спецыялістамі ў той галіне ведаў, па якой зроблена даследаванне. Рэцэнзіі павінны ўтрымліваць рэкамендацыі артыкула да друку.
8. Рэкамендацыі да друку навуковых артыкулаў, падрыхтаваных супрацоўнікамі органаў і ўстаноў Дзяржаўнай архіўнай службы Рэспублікі Беларусь, ажыццяўляюць вучоныя рады БелНДІДАС, БелНДЦЭД, дзяржаўных архіваў.
9. Для публікацый дакументальных крыніц, матэрыялаў інфармацыйнага характару, рэцэнзій рэкамендацыі да друку не патрабуюцца.
10. Рукапіс завяраецца подпісам аўтара з прастаўленнем даты, а таксама ўказваюцца прозвішча, імя і імя па бацьку, месца працы, займаемая пасада, вучоныя ступень, званне, кантактныя тэлефоны (e-mail) для сувязі рэдакцыі з аўтарам (не публікуюцца) і кантактныя тэлефоны (e-mail) для зваротнай сувязі чытачоў з аўтарам (публікуюцца). Разам з раздрукоўкай прадстаўляецца ідэнтычны электронны варыянт артыкула.
11. Артыкул забяспечваецца анатацыйнай на беларускай (рэзюмэ), рускай (рэзюмэ) і англійскай (summary) мовах памерам 100—150 слоў.
12. Аб'ём навуковага артыкула — не менш за 14 тыс. і не больш за 20 тыс. знакаў, аб'ём публікацый дакументальных крыніц — да 40 тыс. знакаў. Раздрукоўка выконваецца шрыфтам Times New Roman, кегль 14 пунктаў, праз 1,5 інтэрвала, палі верхняе і ніжняе па 2 см, левае 3 см, правае 1,5 см.

13. Бібліяграфічныя спасылкі афармляюцца згодна з главай 5 Інструкцыі па афармленні дысертацыі і аўтарэферата (пастанова ВАК Рэспублікі Беларусь ад 22.02.2006 № 2, апублікавана ў Нацыянальным рэестры прававых актаў Рэспублікі Беларусь 20 сакавіка 2006 г., № 41, 7/603).
14. Тэрмін падачы артыкулаў — да 1 сакавіка бягучага года. Пасля 1 сакавіка матэрыялы прымаюцца для публікацыі ў штогодніку ў наступным годзе.
15. Рэдакцыйная калегія не бярэ платы за апублікаванне навуковых артыкулаў.

Рэдакцыйная калегія

*«Беларускага археаграфічнага штогодніка»
вул. Краноткіна, 55, 220002, г. Мінск,
arheograph@belniidat.by*

ЗМЕСТ

АРТЫКУЛЫ

- М. Ф. Шумейко.* Влияние декрета СНК РСФСР о реорганизации и централизации архивного дела на становление и развитие сети архивных учреждений Беларуси (к 100-летию принятия) 5
- С. В. Кулинок.* «Создать в г. Минске Центральный государственный архив научно-технической документации БССР . . .» (к 50-летию Белорусского государственного архива научно-технической документации) 15
- М. Ф. Шумейко.* Первый директор Белорусского государственного архива научно-технической документации А. В. Воробьев: архивист, администратор, исследователь (к 50-летию создания БГАНТД) 22
- Е. И. Третьяк.* Помощь авиации с Большой земли белорусским партизанам (по документам БГАКФФД) 30
- С. В. Кулинок.* Судебное делопроизводство в партизанских формированиях БССР в отношении разоблаченной агентуры противника в годы Великой Отечественной войны (по документам Национального архива Республики Беларусь) 37
- З. В. Антановіч.* Кліравыя ведамасці Мінскай епархіі як гістарычная крыніца (на матэрыялах Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі) 51
- Е. В. Серак.* Нарративные источники в реконструкции повседневной жизни ссыльных участников восстания 1863—1864 гг. в Сибири 61
- А. А. Посредников.* Губернские комиссары Временного правительства на территории Беларуси 68
- Е. В. Хроленок.* Казачье, сельское и городское население Стародубского полка (1654—1781): обзор основных источников демографической и социальной истории 85
- В. С. Пазднякоў.* Першыя філіграні з гербам «Ліс» (канец XVI ст.) 98
- А. А. Савинов.* Эволюция понятия «делопроизводство» на территории Республики Беларусь 107
- Ю. В. Нестерович.* Структурный подход к описанию эдичии исторических документов и ее результатов: структура публикации исторического документа, структура археографического издания, структура переданного текста 112

ПУБЛІКАЦЫІ ДАКУМЕНТАЎ

- М. Ч. Гэці.* Падуанскі побыт Францыска Скарыны (1512) 123
- В. С. Пазднякоў.* Паўстанне, росквіт і канец Храноўскай пропшчы (1831—1835 гг.): да гісторыі беларускай народнай веры 143

РЭЦЭНЗІІ

- Ю. В. Нестерович.* К оптимизации и унификации понятий с терминологическим элементом «текст» в археографии: обзорная рецензия на методические рекомендации Белорусского научно-

исследовательского института документоведения и архивного дела
по публикации исторических документов, изданных в 2012—2016 гг. 171

ПОСТАЦІ

<i>Н. В. Воронова.</i> Валерия Гавриловна Глушко (08.06.1918—28.08.2000).....	183
<i>А. Н. Годун.</i> К 100-летию со дня рождения Ивана Ивановича Гаврилова.....	184
<i>И. П. Кухаренко.</i> К 90-летию со дня рождения первого директора Зонального государственного архива в г. Борисове — Ларисы Александровны Ганиной.....	185
<i>Т. А. Шевченко.</i> К 80-летию со дня рождения Евгения Ивановича Барановского.....	187
<i>А. С. Забелінская.</i> Да 70-годдзя Русланы Іванаўны Грышко.....	190
<i>Н. М. Дятчик.</i> Ученый-архивист XXI века (к юбилею Сергея Владимировича Жумаря).....	191
Рэзюмэ.....	194
Резюме.....	197
Summary.....	200
Правілы для аўтараў.....	203

CONTENTS
ARTICLES

- M. Shumeyka*. Influence of the Decree of the Council of People's Commissars of the Russian Soviet Federative Socialist Republic on the Reorganization and Centralization of Archive Management on the Formation and Development of the Network of Archival Institutions of Belarus (*to the 100th Anniversary of Adoption*) 5
- S. Kulinok*. «To create in Minsk Central State Archive of Scientific and Technical Documentation of Belarusian Soviet Socialist Republic . . .» (*to the 50th Anniversary of Belarusian State Archive of Scientific and Technical Documentation*) 15
- M. Shumeyka*. The First Director of the Belarusian State Archive of Scientific and Technical Documentation A. V. Varabyoŭ: Archivist, Administrator, Researcher (*on the 50th Anniversary of the Creation of BSASTD*) 22
- A. Tratsyuk*. The Assistance of Aviation from the Great Land to the Belarusian Partisans (*Based on Film and Photo Documents of the Belarusian State Archive of Film, Photo and Phono Documents*) 30
- S. Kulinok*. Legal Proceedings in the Partisan Formations of the BSSR Against Exposed Enemy Agents During the Great Patriotic War (*Based on the Documents of the National Archives of the Republic of Belarus*) 37
- Z. Antanovich*. The Clergy Lists of the Minsk Diocese as a Historical Source (*Based on the Materials of the National Historical Archives of Belarus*) 51
- A. Serak*. Narrative Sources in the Reconstruction of the Daily Life of the Exiled Participants in the Uprising of 1863—1864 in Siberia 61
- A. Pasrednikai*. Provincial commissars of the Provisional Government on the territory of Belarus 68
- Ya. Hralenok*. Cossack, the Rural and City Population of the Starodub Shelf (1654—1781): a Review of the Main Sources of Demographic and Social History 85
- V. Pazdniakoŭ*. The First Watermarks with «Lis» Coat of Arms (Late 16th Century) 98
- A. Savinov*. Evolution of the Concept of «Records Keeping» in the Territory of the Republic of Belarus. Analysis of the Operating Definition of the Concept of «Records Keeping» 107
- Yu. Niestsiarovich*. Structural Approach to the Description of the Edition of Historical Documents and Its Findings; the Structure of the Publication of Historical Documents, the Structure of the Archaeological Publications, the Structure of the Passed Text 112

PUBLICATIONS OF DOCUMENTS

- M. C. Ghetti*. The Paduan Residence of Francysk Skaryna (1512) 123
- V. Pazdniakoŭ*. The Emergence, Flourishing and Decay of Khranou Proshcha (1831—1835): on the History of the Belarusian Folk Faith 143

REVIEWS

- Yu Niestsiarovich*. Optimization and Unification of Concepts with the
Termelement «Text» in Archeography: a Review of the Guidelines of the
Belarusian Archival Science and Records Management Research Institute
on the Publication of Historical Documents Published in 2012—2016..... 171

PERSONALITIES

- N. Voranava*. Valeria Gavrilovna Glushko (08.06.1918—28.08.2000) 183
- A. Gadun*. To the 100th Anniversary of Ivan Ivanovich Gavrilov 184
- I. Kukharenka*. On the 90th Anniversary of the First Director of the Zonal State
Archive in Borisov City, Larisa Alexandrovna Ganina 185
- T. Shaichenka*. To the 80th Anniversary of Evgeny Ivanovich Baranovsky 187
- A. Zabelinskaya*. On the 70th Anniversary of Ruslana Ivanaŭna Hryshko 190
- N. Dziatchyk*. Scientist-Archivist of the XXI Century (*on the Anniversary of
Sergei Vladimirovich Zhumar*) 191

Навуковае выданне

Беларускі археаграфічны штогоднік

Заснаваны ў 2000 годзе

Выпуск 19

Рэдактары: *Т. М. Мальцава, Т. В. Салавей, А. У. Хмялеўская*
Камп'ютарная вёрстка *П. А. Рэзванова*

Падпісана да друку 27.11.2018. Фармат 60×84¹/₁₆.
Папера 80 г/м². Рызаграфія. Умоўн. друк. арк. 12,32.
Улік.-выд. арк. 12,94. Тыраж 100 экз. Зак. 7.

Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы (БелНДЦДАС).
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы і распаўсюджвальніка
друкаваных выданняў ад 24.03.2014. Нумар у Дзяржаўным рэестры выдаўцоў, вытворцаў
і распаўсюджвальнікаў друкаваных выданняў Рэспублікі Беларусь № 1/229.
Вул. Крапоткіна, 55, 220002, г. Мінск.